

В ПОМОЩЬ ПЕДАГОГУ-БИБЛИОТЕКАРЮ

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ШКОЛЬНОГО БИБЛИОТЕКАРЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
«ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»**

**Серия 1
Выпуск 3**

И. И. Тихомирова

Добру откроем сердце:

ШКОЛА РАЗВИВАЮЩЕГО ЧТЕНИЯ

(читаем, размышляем, выражаем в слове)

**Методическое пособие
для руководителей детского чтения,
снабженное текстами
литературных произведений
для обсуждения с подростками**

РШБА

Москва, 2015

ББК 7839

Т 46

Тихомирова И.И. ДОБРУ ОТКРОЕМ СЕРДЦЕ: ШКОЛА РАЗВИВАЮЩЕГО ЧТЕНИЯ

(читаем, размышляем, выражаем в слове):

Метод. пособие для руководителей детского чтения, снабженное текстами литературных произведений для обсуждения с подростками / И.И. Тихомирова. – 2-е изд. – М.: РШБА, 2015. – 344 с. – (Приложение к журналу «Школьная библиотека». Серия 1. Вып. 3)

Книга одного из лучших специалистов по чтению в стране И.И. Тихомировой раскрывает новый аспект темы чтения.

Издание представляет собой своеобразный обучающий курс по нравственному воспитанию подростков на материале чтения и обсуждения литературных произведений. Созданное в рамках проекта РШБА «Читающая мама – читающая Россия», пособие предназначено школьным библиотекарям и родителям подростков для проведения семейных чтений.

Оно может быть также использовано учителями начальной и средней школы для уроков внеклассного чтения по нравственной тематике. Цель – гуманизировать сознание детей, опираясь на анализ поведения литературных героев и сопереживание с ними. За основу взят «оперативный» для воздействия на читателя жанр рассказа, раскрывающий близкую опыту подростка ту или иную жизненную ситуацию и ее разрешение. Отобранные для обсуждения лучшие рассказы отечественных авторов сгруппированы в тематические циклы: «В ответе за тех, кого приручил», «Совесть, или Суд над собой», «О шутке – всерьез», «О силе воли и силе духа» и др.

Каждый цикл содержит введение в тему, методические аннотации на содержащиеся в цикле рассказы, вопросы для обсуждения и список дополнительной литературы по обсуждаемой теме. Книга призвана помочь библиотекарям, учителям, родителям развивать в детях способность наблюдать, сравнивать, оценивать поведение персонажей, их взаимоотношения, вдумываться в сложность человеческих характеров и обстоятельств, включать читаемое в контекст собственной жизни. Нравственное воспитание в пособии сочетается с формированием культуры чтения и литературно-критического мышления. К пособию прилагаются тексты обсуждаемых рассказов.

ISBN 978-5-91540-130-2

© Русская школьная библиотечная ассоциация, 2015

© И.И. Тихомирова, 2015

Содержание

Предисловие / 7

Раздел 1. **Совесьть, или Суд над собой / 13**

Раздел 2. **Быть или казаться / 51**

Раздел 3. **О шутке всерьез / 91**

Раздел 4. **О правде, лжи и детской фантазии / 118**

Раздел 5. **О силе воли и силе духа / 155**

Раздел 6. **«Что есть красота?» / 190**

Раздел 7. **Доброта – счастью сестра / 226**

Раздел 8. **Дружба истинная и ложная / 258**

Раздел 9. **«В ответе за тех, кого приручил» / 290**

Раздел 10. **Чтение – души движение / 310**

Заключение / 333

**Указатель авторов и названий рассказов
для обсуждения / 341**

Становись, становись, становись Человеком скорее!

В. Высоцкий

Предисловие

Под развивающим чтением мы понимаем восхождение читателя к постижению нравственных ценностей, отраженных в художественной литературе. Цель пособия – через углубленное чтение лучших литературных произведений гуманизировать сознание и поведение подростков, развивать в них способность к состраданию, отзывчивости, милосердию. В пособии сделана попытка соединить педагогику чтения с педагогикой этической культуры, рассматривающей поступки и отношения между людьми с точки зрения представлений о добре и зле. Это проблема не частного порядка. Как писал философ Иван Ильин: «Всякий добрый – независимо даже от своих внешних поступков – добр не только "про себя", но и для других; всякий злой – даже если он злится "про себя", – зол, и вреден, и ядовит для всего человечества». Сегодня, когда в обществе произошло крушение одной системы ценностей и становление другой, особенно пострадали дети. Главным учебником жизни стал Интернет – территория свободы, полная соблазнов и опасностей для неокрепшей души. Как пишет в журнале «Твоя семья» девятиклассница из Санкт-Петербурга: «Нам дали свободу, но не объяснили, зачем и как ею пользоваться». В условиях, когда добрым стало быть стыдно, не прогрессивно, когда ржавчина безнравственности проникла в основу жизни, в том числе в детскую среду, проблема этической культуры, основанной на постулатах морали и ценности каждой человеческой личности, особенно обострилась. Нравственность как стратегическая цель человеческого бытия превратилась в пережиток. Границы между добром и злом оказались размытыми, что приводит к разрушению самого понятия «культура», а вместе с ней к разрушению человеческой личности. Дети воспитываются в равнодушии друг к другу. Нравоучениями и лекциями о гуманности проблемы не решишь. Готовность к

состраданию живет в глубине души человека, в эмоциональной сфере его сознания. А они, как известно, «питаются» не знаниями о том, что хорошо, а что плохо, а искусством, квинтэссенцией которого является искусство слова – художественная литература, отражающая жизнь в образах и влияющая на читателя через чувства.

О чем бы ни рассказывал настоящий писатель в своем произведении, он всегда говорит о человеке, исследует его состояния и, улавливая движения души, пробуждает к нему «чувства добрые». Не давая готовых рецептов обретения нравственной культуры, литература силой художественных образов развивает в читателе способность наблюдать, сравнивать, оценивать поведение человека, его отношение к людям, учит вглядываться в жизнь, вдумываться в сложность характеров и обстоятельств, сопереживать другим людям и включать читаемое в контекст собственной жизни. Читая художественное произведение, читатель получает не просто знания, а знания, которые захватывают душу: знания-погружения, знания-переживания, знания-интерпретации. Это индивидуально личностные, не тиражированные знания, входящие в «Я» читателя и по-своему преобразованные его сознанием.

Психологами замечено, что уже в дошкольном возрасте ребенок способен по каким-то только ему известным признакам отличать злого человека от доброго. Но не все так просто. Внутренний мир человека скрыт от непосредственного наблюдения. Человек может казаться совсем не таким, каков он есть на самом деле. За улыбкой может скрываться горе. За грубостью – душевная щедрость. Произнесенное слово может содержать и правду, и ложь. Как все это распознать? Как строить свое отношение с людьми? Как найти точку опоры в своем суждении о них и о себе?

Большое значение в нравственном воспитании подростков средствами художественной литературы имеют обсуждения, диспуты, беседы о прочитанном. Проблемные вопросы, связанные с поведением конкретных литературных героев и их взаимодействием с другими, активизируют самостоятельные нравственные поиски читателя, заставляют его задуматься о людях и о самом себе, анализировать, определять критерии оценки реальных людей, высказывать свои суждения.

Обсуждения литературного произведения в отличие от школьного анализа текста строятся как разговор с детьми о жизни, о людях, о субъективном восприятии прочитанного, о духовных ценностях и о

себе самих. Цель обсуждений – не теоретизирование о добре и зле, а сугубо практическая задача: проследивая судьбы героев, почувствовать гуманную интонацию автора, включиться в жизнь персонажей, вдуматься в мотивы их поведения, разделить с ними и радость и горе, поставить себя на их место, открыть в себе собственные возможности и перспективу нравственного роста.

Эта практическая задача особенно актуальна сегодня в связи с введением в школе нового учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Этот курс рассматривается как основной элемент системы духовно-нравственного воспитания личности, члена современного общества и гражданина России. Основная задача этого курса – дать ответы на вопросы: почему одни совершают добрые поступки, а другие делают зло себе и окружающим? Что нужно делать, чтобы хороших людей было как можно больше? Как и любая наука, этика дает знания и осваивается через мыслительную деятельность школьника. В отличие от нее художественная литература дает читателю не просто знания, которые надо запомнить. Она дает опосредованный через художественные образы и сопереживание с ними опыт жизни. Она эмоционально вовлекает человека во внутренний мир людей, в борьбу мотивов, дает навыки нравственного самоанализа и сопоставления себя с литературными героями. Читая художественное произведение, читатель проигрывает определенные жизненные сценарии, модели поведения и взаимоотношений людей, погружается в мир чужих радостей и страданий, тренирует себя на ответную реакцию. Литературные герои и те жизненные обстоятельства, в которые они попадают, помогают читателю пережить и осмыслить состояние добра и зла, любви и ненависти, милосердия и искушения, поражения и победы.

Среди разных жанров литературы особое место в разработке методики обсуждения занимает жанр *рассказа*. Незначительный объем повествования о каком-то случае из жизни в сочетании с емкостью содержания произведения требует от читателя особо вдумчивого чтения и сотворчества. Рассчитанный на усвоение сразу и целиком, как говорят, «в один глоток», рассказ отличается оперативностью воздействия. Это делает его удобным материалом для работы в классе, дома, в библиотеке, не отнимающим времени на подготовку. Чтение вслух небольшого рассказа занимает времени меньше, чем его обсуждение. Свежесть впечатлений и нравственных переживаний, не успевшая еще угаснуть острота чувств, полученных при чтении или слушании произведения, внимание к деталям возбуждают мысль подростка,

стимулируют активность участия в общем разговоре. Но чтобы рассказ задел «за живое», он должен быть и в художественном, и в психологическом, и в нравственном отношении безупречен и принадлежать перу писателя-гуманиста, болеющего душой за нравственный облик ребенка.

К подлинным мастерам названного жанра духовно-терапевтической направленности, не имеющего срока давности, можно отнести многих отечественных писателей второй половины прошлого столетия, чьи произведения переиздаются до сих пор. В их плеяду входят не только детские писатели, но и взрослые, пишущие для детей. Среди них В. Астафьев, В. Распутин, В. Солоухин, Ю. Нагибин, В. Драгунский, В. Голявкин, Ю. Томин, Р. Погодин и многие другие. Их произведения, актуальные для своего времени, не только не устарели, но еще более актуализировались для нашего времени – времени «расшатывания» нравственных ценностей, культя потребления, информации и Интернета. Внутренний мир нынешних детей в большинстве своем оказался несформированным, лишенным гуманности и цельности. Опыт показывает, что блага цивилизации в виде электронных информационных технологий и личного комфорта не преобразуются в блага духовной и нравственной культуры и порой несут в себе не гуманное, а антигуманное содержание, противоречащее традиционным нравственным устоям. Страдают этим и многие произведения современной массовой литературы, адресованной детям.

При отборе рассказов для чтения и обсуждения я, как составитель данного пособия, исходила из следующих критериев: чтобы рассказ был о детях и культивировал традиционные нравственные ценности; чтобы его можно было прочитать за несколько минут целиком или во фрагментах и по свежим впечатлениям обсуждать; чтобы рассказ был художественно совершенным и содержал сюжетную нестандартность, обостряющую интерес читателей и пробуждающий желание откликнуться; чтобы он, поднимая важные нравственные проблемы, не давал готовых решений, а предоставлял читателям самим думать, отстаивать свою позицию и через активность размышления и сопереживания с литературными героями делать самостоятельные выводы. Вместе с тем, чтобы, отражая разные варианты и нюансы человеческих отношений, рассказ был бы близок опыту подростков и мог вызывать у них жизненные ассоциации. Найти такие рассказы было все равно, что найти крупинку золота в грудке песка. Большую помощь в поисках рассказов оказали мне пособия для родителей И.Н. Тимо-

феевой «Что читать вашим детям от года до десяти» (СПб., 2000) и М.С. Костюхиной «Детская литература о проблемах детства» (СПб., 2003). Схожую идею организации материала, какая заложена в публикуемом пособии, я обнаружила в учебнике для вузов Е.П. Николаевой «Воспитание толерантности – психологическое сопровождение обучения в начальной школе» (2007), в котором нравственные категории рассматриваются автором на материале отрывков из художественных произведений. Однако в подборе литературных произведений для обсуждения и в принципах методического подхода к ним я более всего опиралась на собственный библиотечный опыт. Движимая личным профессиональным интересом, я собирала лучшие рассказы для детей всю профессиональную жизнь и проверяла их восприятие на детях и взрослых. Со временем рассказы в зависимости от нравственной проблематики объединились в десять разделов. Среди них: «В ответе за тех, кого приручил», «Совесь, или Суд над собой», «О правде, лжи и детской фантазии», «О силе воли и силе духа», «Доброта – счастьем сестра» и др. Каждый раздел содержит введение в тему, методические аннотации на содержащиеся в нем рассказы, вопросы для обсуждения и список дополнительной литературы, расширяющей рамки обсуждаемого литературного материала. Ни одно из включенных в тот или иной раздел произведений не повторяет другого ни в сюжетном плане, ни в нравственной проблематике.

Решающее значение для успеха обсуждения имеют вопросы. Они не похожи на вопросы викторинного типа: «что», «где», «когда», «сколько», какими нас в обилии снабжают ведущие с экрана телевизора. Как говорит библиотекарь Татьяна Михайловна Плохотник – мастер обсуждения литературных произведений в жанре рассказа, – у хороших вопросов много общего с символическим образом: они неисчерпаемы, в них скрывается бесчисленное множество ответов, оттенков, поворотов мысли. На них нельзя ответить однозначно «да» или «нет». И оценить ответы «правильно» или «неправильно». Ответы могут быть или глубокими, или поверхностными, аргументированными или нет. Такие вопросы помогают налаживать диалог между литературными героями и читателями, между писателями и участниками обсуждений, между взрослыми и детьми. Они заставляют думать. Они провоцируют споры, рождают читательское вдохновение, задевают «за живое». Вопросы к литературному произведению должны соответствовать природе восприятия: будить воображение читателя и его жизненные ассоциации, обострять внимание к существенным де-

талям, активизировать эмоции и самостоятельную мысль, в знакомых ситуациях искать новые смыслы, побуждать к смене эгоистических установок, дополнять написанное собственным творчеством. В данном пособии вопросы для обсуждения рассказов составлялись исходя из названных критериев.

Горький писал: «Чтобы судить о таланте автора, я должен видеть... как он изображает человека, как его люди говорят, что они думают, что делают и почему они поступают вот так, а не иначе». Из этого следует, что и само обсуждение произведения, направленного на человека, на его внутренний мир и поведение, может быть полезным не только в плане воспитания гуманного отношения к людям, но и в отношении развития у юных читателей образного мышления, культуры восприятия, реализации своего творческого потенциала в чтении. Как известно, нынешние подростки не любят литературную классику, особенно произведения, большие по объему. Содержание романа или повести, как правило, многопланово. В этом отношении рассказ имеет преимущества. В нем чаще всего изображен один нравственный конфликт, разрешение которого и падает на долю читателя, взывает к его активности. Собранные вместе рассказы образуют своего рода «банк» нравственных ситуаций, в какие попадает или может попасть каждый растущий человек. Малая доза хорошей литературы, глубоко осмысленная и эмоционально воспринятая подростком, может стать прививкой интереса к большой литературе. Когда-то писатель В. Солоухин в капле росы увидел солнце и написал об этом книгу. В «маленьких часиках» рассказа предстоит разглядеть большое время и попытаться через искусство слова ответить на вечные вопросы бытия: Что такое добро и что такое зло? Что такое счастье? Что такое душа? Что такое Человек и зачем среди них «Я» в этом мире? Как заметил Андрей Кураев, автор учебника для школьников «Основы духовно-нравственной культуры народов России», задача состоит в том, «чтобы ребенок научился реагировать не только на боль в пальчике, но и на болевой укол своей совести».

Раздел 1

СОВЕСТЬ, ИЛИ СУД НАД СОБОЙ

От человека утаишь, а от совести не скроешь.

Русская пословица

О теме

Побудительной силой утверждения в человеке добра является совесть – работа самосознания и чувство вины из-за собственного ошибочного поведения. Это гнев, обращенный внутрь себя. Одно из определений слова «совесть» в словаре В. Даля гласит: «Признание своей ошибки, совершенного проступка». Иначе говоря, совесть – это осознание человеком зла, умышленно или нечаянно причиненного другому человеку или животному. И не только осознание, но и страдание, и боль по поводу боли другого, виновником которой являешься ты сам. Чувство вины, раскаяния, нравственные муки – могучие силы духовной жизни человека. Смысл слова «совесть» Михаил Пришвин видел в том, что оно передает «весть» от человечества к человеку, и человек, принимая эту весть и разделяя ее, соответственно оценивает свои поступки. Пушкин сравнивал совесть с когтистым зверем, скребущим сердце. Если это так, то зачем она нужна человеку?

Ответить на этот вопрос помогут художественные произведения. Предлагаемые для обсуждения с детьми рассказы показывают, что развитие личности растущего человека, его социализация совершается в преодолении внутренних противоречий, в борьбе мотивов, в нравственной самооценке. С одной стороны, человеку хочется доказать себе, что «он ни при чем», что он не виноват в совершенном действии. Но, с другой стороны, некий тихий голос тайно твердит, что все-таки он виноват, и этот голос не дает ему покоя. Нужно определенное мужество, чтобы признать свою вину. И это признание, как говорил о нем русский философ Иван Ильин, *очистительно*. Оно рождает чувство ответственности, которое будет стоять на страже каждого нового поступка. Вместе с этим оно рождает понимание другого человека, его душевного состояние так, как если бы вина другого была его собственной.

Эмоциональные искания в детской душе, недовольство собой порой бывают глубоки и остры. Проникнувшись ими, разделив их с ли-

тературными героями в процессе чтения, юные читатели обогащаются опытом их разрешения, лучше узнают духовные возможности собственной личности. Помогая детям в процессе обсуждения вдуматься в тончайшие сферы переживаний персонажа-человека, библиотекарь, учитель, родитель расширяют эмоциональный диапазон души ребенка, обогащают его нравственную культуру, гуманизируют сознание, направляют на путь добрых поступков.

Рекомендуем обсудить:

1. Голявкин В. «Совесть»
2. Астафьев В. «Зачем я убил коростеля?»
3. Осеева В. «Бабка»
4. Солоухин В. «Ножичек с костяной ручкой»
5. Нагибин Ю. «Старая черепаха»
6. Вольф С. «Подарочек»
7. Васильева Н. «Полынья»

О рассказе Виктора Голявкина «Совесть»

Это смешной и одновременно грустный рассказ, как и многие произведения этого писателя. Чаще всего – они такие же короткие, как «Совесть», с деятельными и обаятельными героями. Герой данного рассказа – школьник Алеша. Забавно в начале рассказа следить за переживаниями мальчика, укравшего классный журнал со стола учителя, чтобы похвастаться дома первой в жизни пятеркой, полученной за пение... и забывшего его в трамвае. Правда, характер его переживаний к концу рассказа заметно меняется. Это вызвано пониманием переживания учителя, связанного с исчезновением журнала: в пропаже журнала учитель обвиняет себя, свою забывчивость, что приводит его к мысли об уходе из школы. Его решение стало особенно твердым, когда в класс пришла кондукторша трамвая и принесла потерянный журнал. Алеша признается в своем дурном поступке, но учитель полагает, что мальчик просто сочувствует ему и потому берет вину на себя. И лишь придя к учителю домой, Алеша смог убедить того, что виновником исчезновения журнала является все-таки он. Поверив ему, учитель, вместо того чтобы отругать, погладил его по голове и сказал, что Алеша «еще не совсем потерянный человек». Признание мальчиком зла, причиненного учителю, обернулось не наказанием, как он ожидал, а поддержкой. Почему? Этот вопрос и поставлен в центр обсуждения.

Текст рассказа:

Когда-то была у Алеши двойка. По пению. А так больше не было двоек. Тройки были. Почти что все тройки были. Одна четверка была когда-то очень давно. А пятерок и вовсе не было. Ни одной пятерки в жизни не было у человека. Ну, не было – так не было, ну что поделаешь! Бывает. Жил Алеша без пятерок.

И вдруг – пятерка! И главное, за что? За пение. Он получил эту пятерку совершенно случайно. Что-то такое удачно спел – и ему поставили пятерку. И даже еще устно похвалили. Сказали: «Молодец, Алеша!». Короче говоря, это было очень приятным событием, которое омрачилось только одним обстоятельством: он не мог никому показать эту пятерку. Поскольку ее вписали в журнал, а журнал, по-

нятно, на руки ученикам, как правило, не выдается. А дневник свой он дома забыл. И потому вся радость омрачилась... А ему, понятно, хотелось всем показывать, тем более что явление это в его жизни, как вы поняли, редкое. Ему могут попросту не поверить без фактических данных.

На уроке арифметики у него созрел план: украсть журнал! Он украдет журнал, а утром его принесет обратно. За это время он может с этим журналом обойти всех знакомых и незнакомых. Коротче говоря, он улучил момент и украл журнал на переменке. Он сунул журнал в сумку и сидит, как ни в чем не бывало. Только сердце его отчаянно стучит, что совершенно естественно, поскольку он совершил кражу. Когда учитель вернулся, он так удивился, что журнала нет на месте, что даже ничего не сказал, а стал вдруг какой-то задумчивый. Похоже было, что он сомневается – был журнал на столе или не был, с журналом он приходил или без. Он так и не спросил про журнал: мысль о том, что кто-то из учеников украл его, не пришла ему даже в голову. В его педагогической практике такого случая не было. И он, не дожидаясь звонка, тихо вышел, и видно было, что он здорово расстроен своей забывчивостью.

Алеша схватил свою сумку и помчался домой. В трамвае он вынул журнал из сумки, нашел там свою пятерку и долго глядел на нее. А когда он уже шел по улице, он вспомнил вдруг, что забыл журнал в трамвае. Когда он это вспомнил, то он прямо чуть не свалился от страха. Он даже сказал «Ой!». Или что-то в этом роде. Первая мысль, какая пришла ему в голову, – это бежать за трамваем. Но он быстро понял, что бежать за трамваем нет смысла, раз он уже уехал. Потом много других мыслей пришло ему в голову.

У него даже такая мысль появилась: сесть на поезд и уехать на Север. И поступить где-нибудь на работу. Он на миг об этом подумал, а потом вспомнил о маме, бабушке, своем отце и бросил эту затею. Потом он подумал, не пойти ли ему в бюро потерянных вещей: вполне возможно, что журнал там, но вдруг возникнет подозрение. Его наверняка задержат и привлекут к ответственности. А он не хотел привлекаться к ответственности, несмотря на то, что этого заслуживал.

Он пришел домой и даже похудел за один вечер. А всю ночь не мог уснуть и к утру, наверное, еще больше похудел. Во-первых, его мучила совесть. Весь класс остался без журнала. Пропали отметки всех друзей. Понятно его волнение. А во-вторых – пятерка. Одна на всю

жизнь, и та пропала. Нет, я понимаю его. Правда, мне не совсем понятен его отчаянный поступок, но переживания его мне совершенно понятны.

Итак, он пришел утром в школу. Волнуется. Нервничает. В горле комок. В глаза не смотрит. Приходит учитель. Говорит:

– Ребята! Пропал журнал. Какая-то оказия. И куда он мог деться? Алеша молчит.

Учитель говорит:

– Я вроде бы помню, что я приходил в класс с журналом. Даже видел его на столе. Но в то же время я в этом сомневаюсь. Не мог же я его потерять по дороге, хотя я очень хорошо помню, как взял его в учительской и нес по коридору...

Некоторые ребята говорят: «Нет, мы помним, что журнал лежал на столе. Мы видели».

Учитель говорит: «В таком случае, куда он делся?».

Тут Алеша не выдержал. Он не мог больше сидеть и молчать. Он встал и говорит:

– Журнал, наверное, в камере потерянных вещей...

– Где-где?

А в классе засмеялись. Тогда Алеша, очень волнуясь, говорит: «Нет, я вам правду говорю, он, наверное, в камере потерянных вещей... Он не мог пропасть»... Тут Алеша вдруг почему-то испугался, что ему здорово влетит за это дело, если он сознается, и он говорит: «Я просто хотел посоветовать». Учитель посмотрел на него и печально так говорит: «Не надо глупости говорить, слышишь?».

В это время открывается дверь, и в класс входит какая-то женщина и в руке держит что-то завернутое в газету.

– Я кондуктор, – говорит она, – прошу прощения. У меня сегодня свободный день – и вот я нашла вашу школу и класс, и в таком случае возьмите ваш журнал.

В классе сразу поднялся шум, а учитель говорит:

– Как так? Вот это номер! Каким образом наш классный журнал оказался у кондуктора? Нет, этого не может быть! Может быть, это не наш журнал?

Кондукторша лукаво улыбается и говорит: «Нет, это ваш журнал».

Тогда учитель хватает у кондуктора журнал и быстро листает. «Да! Да! Да! – кричит он. – Это наш журнал! Я же помню, что нес его по коридору...».

Кондукторша говорит: «А потом забыли в трамвае?» Учитель смотрит на нее широко раскрытыми глазами. А она, широко улыбаясь, говорит: «Ну конечно, Вы забыли его в трамвае». Тогда учитель хватается за голову и говорит:

– Господи! Что-то со мной происходит! Как я мог забыть журнал в трамвае? Это ведь просто немыслимо! Хотя я помню, что нес его по коридору... Может, мне уходить из школы? Я чувствую, мне все труднее становится преподавать...

Кондукторша прощается с классом, и весь класс ей кричит «спасибо», и она с улыбкой уходит. На прощанье она говорит учителю: «В другой раз будьте внимательней».

Учитель сидит за столом, обхватив свою голову руками, в очень мрачном настроении. Потом он, подперев руками щеки, сидит и смотрит в одну точку.

Тогда Алеша срывающимся голосом говорит: «Я украл журнал». Но учитель молчит. Тогда Алеша опять говорит: «Это я украл журнал. Поймите...»

Учитель вяло говорит: «Да... да... я понимаю тебя... это твой благородный поступок... но это делать ни к чему... ты мне хочешь помочь... я знаю... взять вину на себя... но зачем это делать, мой милый...»

Алеша, чуть не плача говорит: «Нет, я вам правду говорю...»

Учитель говорит: «Вы смотрите, он еще настаивает... какой упорный мальчишка... нет, это удивительно благородный мальчишка... Я это ценю, милый. Но... раз... такие вещи со мной случаются... нужно подумать об уходе... оставить на время преподавание...»

Алеша говорит сквозь слезы: «Я... вам... правду... говорю...».

Учитель резко встает со своего места, хлопает по столу кулаком и кричит хрипло: «Не надо!». После этого он вытирает слезы платком и быстро уходит.

А как быть Алеше? Он остается весь в слезах. Пробует объяснить классу, но ему никто не верит. Он чувствует себя в сто раз хуже, если бы был жестоко наказан. Он не может ни есть, ни спать.

Он едет к учителю на дом. И все ему объясняет. И он убеждает учителя. Учитель гладит его по голове и говорит:

– Это значит, что ты еще не совсем потерянный человек и в тебе есть совесть.

И учитель провожает Алешу до угла и читает ему нотацию.

Вопросы к обсуждению:

1. Что побудило мальчика украсть классный журнал? Какое последствие этого поступка вы считаете самым тяжким?

2. Сравните переживания мальчика в начале рассказа и в конце, чем они отличаются друг от друга?

3. Почему так круто изменились намерения мальчика: сначала он не хотел признаться в своей вине, а потом, во что бы то ни стало, стремился доказать ее всем? Какое отношение к этому имеет эпизод: «Учитель сидит за столом, обхватив свою голову руками, и в очень мрачном настроении. Потом он, подперев руками щеки, сидит и смотрит в одну точку». Почему в конце рассказа в разговоре Алеши с учителем появляются паузы, обозначенные многоточиями? Что стоит за ними?

4. Почему учителю не приходило в голову, что кто-то из учеников украл журнал? Почему он не поверил признанию Алеши?

5. Почему Алеша, после того как ему не поверили, «чувствовал себя в сто раз хуже, чем если бы был жестоко наказан». Почему он и учитель – оба заплакали?

6. Согласны ли вы с мнением учителя, что Алеша «еще не совсем потерянный человек»? Чем это можно подтвердить?

7. Почему рассказ называется «Совість»?

О рассказе Виктора Астафьева «Зачем я убил коростеля?»

Этот рассказ о совершенной в детстве провинности самого Астафьева, которую он не мог забыть всю жизнь. Рассказ входит в сборник его лучших рассказов о детстве «Конь с розовой гривой». «Животворный свет детства, – писал он, – согревал меня». Великодушие и беспощадность человека – все, по его мнению, идет из детства. Ранней весной, возвращаясь с рыбалки, он увидел в высокой траве птицу-коростеля. Она испугалась его и неуклюже пыталась убежать. Неуклюже потому, что у нее не было одной лапки. Мальчик из глупого азарта, не задумываясь о своем поступке, захлестал ее удищем. Лишь взяв маленькое худенькое тельце мертвой птицы в руки, увидев болтающуюся шейку и изуродованную ножку, он понял, какой скверный поступок он совершил. Ему стало жалко загу-

бленную им птицу. Он похоронил ее в ямке, которую выгреб руками. Каждое лето после этого он ждал прилета этих птиц, олицетворяющих наступление лета, и все внушал себе, что убитая им птица уцелела и простила его за его жестокость. Еще больше раскаялся он, когда узнал, как сложно добираться этой птице из Африки до России, чтобы свить гнездо в родных местах. Два раза в год перелетает коростель через Средиземное море, останавливаясь лишь во Франции, где эту птицу считают священной.

Многое писателю пришлось повидать в жизни, прошел войну, но он не может забыть убитого им в детстве коростеля. И как только слышит он скрип этой птицы, так дрогнет его сердце и снова его начинает мучить вопрос: «Зачем я убил коростеля?». Этот вопрос, означающий раскаяние человека в совершенном зле, и должен стать пружиной обсуждения рассказа.

Текст рассказа:

Это было давно, лет может сорок назад. Ранней осенью я возвращался с рыбалки по скошенному лугу и возле небольшой, за лето высохшей бочажины, поросшей тальником, увидел птицу.*

Она услышала меня, присела в скошенной щетинке осоки, притаилась, но глаз мой чувствовала, пугалась его и вдруг бросилась бежать, неуклюже заваливаясь набок.

От мальчишки, как от гончей собаки, не надо убежать – непременно бросится он в погоню, разожжется в нем дикий азарт. Берегись тогда живая душа!

Я догнал птицу в борозде и, слепой от погони, охотничьей страсти, захлестал ее сырым удищем.

Я взял в руки птицу с завядшим, вроде бы бескостным тельцем. Глаза ее были прищемлены мертвыми, бесцветными веками, шейка, будто прихваченный морозом лист, болталась. Перо на птице было желтовато, со ржавинкой по бокам, а спина словно бы темноватыми гнилушками посыпана.

Я узнал птицу – это был коростель. Дергач по-нашему. Все его друзья – дергачи покинули наши места, отправились в теплые края – зимовать. А этот уйти не смог. У него не было одной лапки – в се-

*Бочажина – глубокая лужа.

нокос он попал под косу. Вот потому-то он и бежал от меня так неуклюже, потому я и догнал его.

И худое, почти невесомое тельце птицы ли, нехитрая ли окраска, а может, и то, что без ноги была она, но до того мне сделалось жалко ее, что стал я руками выгребать ямку в борозде и хоронить так просто, сдуру загубленную живность.

Я вырос в семье охотника и сам потом сделался охотником, но никогда не стрелял без надобности. С нетерпением и виной, уже закоренелой, каждое лето жду я домой, в русские края, коростелей.

Уже черемуха отцвела, купава осыпалась, черемица по четвертому листу пустила, трава и стебель двинулись, ромашки по угорам сыпанули и соловьи на последнем издыхе допевают песни. Но чего-то не хватает еще раннему лету, чего-то недостает ему, чем-то недооформилось оно, что ли.

И вот однажды, в росное утро, за речкой, в лугах, покрытых еще молодой травой, послышался скрип коростеля. Явился, бродяга! Добрался-таки! Дергач – скрипит! Значит, лето полное началось, значит, сенокос скоро, значит, все в порядке.

И всякий год вот так. Томлюсь и жду я коростеля, внушаю себе, что это тот давний дергач каким-то чудом уцелел и подает мне голос, прощая того несмысленного, азартного парнишку.

Теперь я знаю, как трудна жизнь коростеля, как далеко ему добираться к нам, чтобы известить Россию о зачавшемся лете. Зимует коростель в Африке и уже в апреле покидает ее, торопится туда, «где зори маковые вянут, как жар забытого костра, где в голубом рассвете тонут зеленокудрые леса, где луг еще косой не тронут, где васильковые глаза...». Идет, чтобы свить гнездо и вывести потомство, выкормить его и поскорее унести ноги от губельной зимы.

Не приспособленная к полету, но быстрая на бегу, птица эта вынуждена два раза в год перелетать Средиземное море... Как идет коростель, где, какими путями – мало кто знает. Лишь один город попадает на пути этих птиц – небольшой древний город на юге Франции. На гербе города изображен коростель. В те дни, когда идут коростели по городу, здесь никто не работает. Все люди справляют праздник и пекут из теста фигурки этой птицы, как у нас, на Руси, пекут жаворонков к их прилету.

Птица-коростель во французском старинном городе считается священной, и если бы я жил там в давние годы, меня приговорили бы к смерти.

Но я живу не во Франции. Много уже лет живу и всякого навиделся.... Но отчего же, почему же, как заслышу я скрип коростеля за речкой, дрогнет мое сердце и снова навалится на меня одно застарелое мучение: зачем я убил коростеля? Зачем?

Вопросы к обсуждению:

1. Как вы оцениваете поступок мальчишки по отношению раненой птицы? Зачем он убил ее?
2. В какой момент и почему ему стало жалко ее?
3. Почему он каждое лето с особым нетерпением ждал прилета коростелей? Почему ему было важно, чтобы птица простила его?
4. Как встречают прилет коростеля во Франции, в городе, на гербе которого изображена птица коростель? Почему она там считается священной?
5. Почему, став взрослым и пройдя войну, где было много жестокости, писатель не может забыть убитого им в детстве коростеля? Почему каждый прилет птиц в его родные места вызывает в его душе мучение? Как называется у людей мучение из-за причиненного ими кому-то зла? Испытывали вы такое состояние когда-нибудь?

О рассказе Валентины Осеевой «Бабка»

Этот один из первых рассказов писательницы, написанный ею еще до войны. Его высоко оценил мастер этого жанра, Андрей Платонов. Он написал рецензию на этот рассказ, подчеркнув в ней психологическую глубину и «сжатую силу» в изображении персонажей. Рассказ многогранный по своему нравственному содержанию. О нем можно вести разговор с детьми в разных направлениях, касающихся взаимоотношений в семье: о важности взаимопонимания разных поколений, о необходимости защиты старых людей, о разных жизненных позициях самих детей, о любви и бескорыстии, о благодарности и неблагодарности, о дружбе и сердечности, об обидах и прощении. В данном случае, этот рассказ предлагается для обсуждения вопросов совести – запоздалого раскаяния за свое неблагодарное отношение к бабушке, пережитого подростком.

Валентина Осеева шестнадцать лет проработала в детском доме и

хорошо знала детей, понимала их и сочувствовала им. И все же назвала она свой рассказ не именем его главного героя – школьника Борьки, а его бабушки, которую в семье звали пренебрежительно – «бабка», видя в ней отжившее, никому не нужное существо. Никто не ценил того, что она кормила всех, убирала за всеми, любила всех бескорыстно. Наиболее добрые отношения сложились у бабушки с Борькой – ее внуком, хотя он не имел привычки даже здороваться с ней и часто досаждал ей своим поведением, обижал ее. Однако именно с ней он делился своими школьными проблемами и получал от нее добрые советы. Заставил задуматься Борьку об отношении к бабке его одноклассник, в семье которого ценили и уважали свою бабушку, признавали в ней главного человека. Но больше всего Борька осознал свою вину перед бабкой, когда ее не стало. Хотя у него есть и отец, и мать, но он почувствовал себя осиротевшим. Почему?

.....
Текст рассказа (с небольшим сокращением):

***Б**абка спала на сундуке. Всю ночь она тяжело ворочалась с боку на бок, а утром вставала раньше всех и гремела в кухне посудой. Потом будила зятя и дочь... Подходила к Борьке: «Вставай, батюшка мой, в школу пора!».*

– Зачем? – сонным голосом спрашивал Борька.

– В школу зачем? Темный человек глух и нем – вот зачем!

Борька прятал голову под одеяло: «Иди ты, бабка...».

Но бабка не уходила. Она натягивала на Борьку чулки, фуфайку. На лестнице бабка совала ему в сумку яблоко или конфету, а в карман – чистый носовой платок.

Уходя на работу, мать оставляла бабке продукты и уговаривала ее не тратить лишнего. Потом сыпались на бабку другие наставления. Бабка принимала их молча, без возражения. Когда дочь уходила, она начинала хозяйничать. Чистила, мыла, варила, потом вынимала из сундука спицы и вязала.

Приходил из школы Борька, сбрасывал на руки бабке пальто и шапку, швырял на стул сумку с книгами и кричал: «Бабка, поешь!».

Бабка прятала вязанье, торопливо накрывала на стол и, скрестив на животе руки, следила, как Борька ест. В эти часы как-то невольно Борька чувствовал бабку своим, близким человеком. Он охотно рассказывал ей об уроках, о товарищах.

– Все хорошо, Борюшка: и плохое и хорошее хорошо. От плохого человек крепче делается, от хорошего душа у него зацветает...

Наевшись, Борька отодвигал от себя тарелку: «Вкусный кисель сегодня! Ты ела, бабушка?».

– Ела, ела, – кивала головой бабушка. – Я, спасибо, сыта и здорова...

После обеда, если Борька оставался дома, бабушка подавала ему газету и, присаживаясь рядом, просила: «Почитай что-нибудь из газеты, Борюшка: кто живет, а кто мается на белом свете».

– «Почитай!» – ворчал Борька. – Сама не маленькая!

Со двора доносился визг ребят.

– Давай пальто, бабушка, скорей, некогда мне!

Досаждали бабушке забавы внука. То летали по комнате белые, как голуби, вырезанные из бумаги самолеты. Описав под потолком круг, они застревали в масленке, падали на бабушкину голову. То являлся Борька с новой игрой – в «чеканочку». Завязав в тряпочку пятак, он бешено прыгал по комнате, подбрасывая его ногой. А бабушка бегала за ним и растерянно повторяла: «Батюшки, батюшки... Да что же это за игра такая? Да ведь ты все в доме переколотишь».

– Бабушка, не мешай! – задыхался Борька.

– Да ногами-то зачем, голубчик? Руками-то безопасней ведь.

– Отстань, бабушка! Что ты понимаешь? Ногами надо.

Пришел к Борьке товарищ.

– Здравствуйте, бабушка!

Борька весело подтолкнул его локтем: «Идем, идем! Можешь с ней не здороваться. Она у нас старая старушенция».

Бабушка одернула кофту, поправила платок и тихо пошевелила губами: «Обидеть – что ударить, приласкать – надо слова искать».

А в соседней комнате приятель говорил Борьке: «А с нашей бабушкой всегда здороваются. И свои и чужие. Она у нас главная».

– Как это, главная? – заинтересовался Борька.

– Ну, старенькая... всех вырастила. Ее нельзя обижать... Смотри, отец взгреет за это.

– Не взгреет! – нахмурился Борька. – Он сам с ней не здоровается...

После этого разговора Борька часто ни с того ни с сего спрашивал бабушку: «Обижаем мы тебя?».

А родителям говорил: «Наша бабушка лучше всех, а живет хуже всех – никто о ней не заботится». Мать удивлялась, а отец сердился: «Кто это тебя научил родителей... осуждать? Смотри у меня – мал еще!».

Бабка, мягко улыбаясь, качала головой. «Вам бы, глупые, радоваться надо. Для вас сын растет! Я свое отжила на свете, а ваша старость впереди. Что убьете, то не вернете».

Перед праздником возилась бабка до полуночи в кухне. Гладила, чистила, пекла. Утром поздравила домашних, дарила носки, шарфы, платочки. Борька удивлялся: «Когда это ты навязала, бабка? Ведь у тебя глаза старые – еще ослепнешь!».

Бабка улыбалась морицинистым лицом. Были на ее лице разные морицинки: глубокие, мелкие, тонкие, как ниточки, и широкие, вырытые годами.

– Чего это ты такая разрисованная? Старая очень? – спрашивал он.

Бабка задумывалась. «По морицинам, голубчик, жизнь человеческую, как по книге, можно читать».

– Как же это?

– Просто горе и нужда здесь расписались. Детей хоронила, плакала – ложилась на лицо морицины. Мужа на войне убили – много слез было, много и морицин осталось.

Слушал Борька и со страхом глядел в зеркало: мало ли он порвел в своей жизни – неужели все лицо такими нитками затянется? «Иди ты, бабка! – ворчал он. – Наговоришь всяких глупостей...»

Была у бабки заветная икатулка с двумя замками; никто из домашних не интересовался этой икатулкой. Борьку одолевало любопытство: «Что там у тебя, бабка?».

– Вот помру – все ваше будет! – сердилась она. – Оставь ты меня в покое, не лезу я к твоим вещам!

– Все равно открою!

Бабка заплакала, отошла в свой угол, легла на сундук. Тогда Борька испугался. Бросил ей икатулку и убежал.

За последнее время бабка вдруг сгорбилась, спина у нее стала круглая.

– В землю вращает, – шутил отец.

– Не смейся над старым человеком, – обижалась мать. А бабке в кухне говорила: «Что это вы, мама, как черепаха. Пошлешь вас за чем-нибудь и назад не дожدهшься».

Умерла бабка перед майским праздником. Умерла одна, сидя в кресле с вязанием в руках: лежал на коленях недоконченный носок, на полу – клубок ниток. Ждала, видно, Борьку. Стоял на столе готовый прибор. Борька долго глядел на мертвую бабку и вдруг опростелся

бросился из комнаты. Бегал по улицам и боялся вернуться домой. А когда открыл дверь, отец и мать были уже дома. Мать плакала. А отец вполголоса утешал ее:

– Пожила и довольно. Мы ее не обижали, терпели и неудобства и расход.

На другой день бабушку схоронили... Домой шли медленно... Вернувшись со двора, Борька застал мать сидящей перед раскрытым сундуком. На полу была свалена всякая рухлядь. Мать вынула смятый рыжий башмачок и осторожно расправила его пальцами. «Мой еще, – сказала она и низко наклонилась над сундуком. – Мой».

На самом дне загремела шкатулка.

– Без ключей не открыть, – сказал Борька и отвернулся.

Когда ключи нашли, у Борьки отчего-то сжалось сердце.

Шкатулку открыли. Отец вынул тугой сверток: в нем были теплые варежки для Борьки, носки для зятя и безрукавка для дочери. За ними следовала вышитая рубашка из старинного выцветшего шелка – тоже для Борьки. В самом углу лежал пакетик с леденцами, перевязанный красной ленточкой. На пакетике что-то было написано большими печатными буквами. Отец повертел его в руках, прищурился и громко прочел: «Внуку моему Борюшке».

Борька вдруг побледнел, вырвал у него пакет и убежал на улицу. Там, присев у чужих ворот, долго вглядывался он в бабкины каракули: «Внуку моему Борюшке». В букве Ш было четыре палочки.

И вдруг, как живая встала перед ним бабушка – тихая, виноватая, не выучившая урока.

Борька растерянно оглянулся на свой дом и, зажав в руки пакетик, побрел по улице вдоль чужого длинного забора. Домой он пришел поздно вечером; глаза у него распухли от слез, к коленкам пристала свежая глина.

Бабкин пакетик он положил к себе под подушку и, закрывшись с головой одеялом, подумал: «Не придет утром бабушка!».

Вопросы к обсуждению:

1. Как вы представляете членов данной семьи? Что о каждом можно сказать? Ваше отношение к ним?

2. Была ли бабушка лишней в семье, как считали взрослые ее члены? В чем состояла ее роль кроме той, что она чистила, убирала, вяза-

ла? Почему так грустно звучат последние слова рассказа: «Не придет утром бабка»?

3. Как она относилась к каждому члену семьи и как они к ней? Было ли равенство в семейных отношениях? Хорошо ли бабке жилось в этой семье? О чем говорит фраза: «бабка спала на сундуке»? Отец Борьки считал, что никто бабку не обижал. Так ли это?

4. Как повлиял приятель Борьки на отношение Борьки к бабушке?

5. Почему содержание шкатулки, вскрытой после смерти бабушки, так растрогало Борьку?

6. Как вы понимаете слова бабки: «обидеть – что ударить, приласкать – надо слово искать»? Какое отношение эти слова имеют к Борьке и к самой бабке?

7. Как вы думаете, раскаялся ли Борька в своем отношении к бабке? Чем это можно доказать?

8. Какой завет оставила бабка внуку? А какой завет ваша бабушка или родители дают вам?

О рассказе Юрия Нагибина «Старая черепаха»

Если в рассказе В. Осеевой «Бабка» шел разговор о пробудившейся совести подростка за свое отношение к бабушке, то в рассказе Ю. Нагибина идет речь об осознании ребенком своей вины перед старой, мало подвижной черепахой Машкой, которую он променял на две маленькие быстрые черепашки. Очень они ему понравились: с ними было интересно играть. На старой можно было только сидеть или стоять. Для игры она не годилась.

Когда он принес домой двух черепашек, отдав за них старую, мать огорчилась, но он не понял, почему. Ему казалось, что ничего плохого он не сделал. Правда, когда он передавал старую черепаху новому владельцу, у него замерло дыхание и стало пощипывать в носу, но он не придавал этому значения. Он был счастлив и полюбил эти маленькие существа, о чем признался матери. От нее вместо похвалы услышал: «Выходит, старый друг не лучше новых двух». Вечером, лежа в постели и укрывшись одеялом, он начал обдумывать эти слова и уговаривать себя, что ничего дурного он не сделал. У старой черепахи он стал выискивать ее отрицательные качества. И все-таки беспокойно стало у него на душе: новым хозяевам он не объяснил, как надо за ней ухаживать, как кормить. Если неправильно-

но, она может умереть. И чем больше думал об этом, тем сильнее чувствовал недовольство собой.

Впервые Васе стало казаться, что он сделал то, чего нельзя было делать. Ему пришла в голову мысль, что мир существует не только для него, но и он – для мира. Возникшее чувство вины подняло его с кровати. Он засунул маленьких черепашек к себе под рубашку и направился к дому, где находилась старая черепаха, чтобы забрать ее у нового хозяина, а ему отдать молодых. И хотя ночью ему было страшно, он заставил себя идти. Он не знал, что за ним следует его мать, чтобы издали охранять его и чтобы не помешать своим окриком «первому доброму подвигу своего сына». На этой фразе заканчивается рассказ, оставив читателю возможность поразмыслить над ним и продолжить его сюжет.

Текст рассказа:

*В*ася поднял глаза. Над дверью висела вывеска, на ней было выведено «Зоомагазин». Мать с привычной покорностью последовала за сыном. Вася долго стоял у аквариума, затем направился в темную глубь магазина. И тут раздался его ликующий вопль:

– Мама, смотри!

Мать сразу все поняла. Она подошла к сыну. В углу магазина на дне выстланного соломой ящичка шевелились две крошечные черепашки. Они были не больше Васиного кулака, удивительно новенькие и чистенькие. Черепашки бесстрашно карабкались по стенкам ящичка, оскальзывались, падали на дно и снова, проворно двигая светлыми лапками с твердыми ноготками, лезли наверх.

– Мама! – проникновенно сказал Вася, он даже не добавил слова «купи».

– Хватит нам возни с Машкой, – устало отозвалась мать.

– Мама, да ты посмотри, какие у них мордочки!

Вася никогда ни в чем не знал отказа, ему все давалось по щучьему велению. Это хорошо в сказке, но для Васи сказка слишком затянулась.

Мать отрицательно покачала головой:

– Нет, три черепахи в доме – это слишком!

– Хорошо, – сказал Вася с вызывающей покорностью. – Если так, давай отдадим Машку, она все равно очень старая.

– Ты же знаешь, это пустые разговоры.

Мальчик обиженно отвернулся от матери и тихо произнес:

– Тебе просто жалко денег...

Мать сказала резко:

– Довольно! Сейчас же идем отсюда!

Для Васи это было странное утро. На пляже каждый камень представлялся ему маленькой золотистой черепашкой. В своей рассеянности мальчик даже не ощутил обычной радости купания, равнодушно вышел из воды по первому зову матери и медленно побрел за ней следом. У него не было никаких желаний и мыслей, кроме одной, неотвязной, как наваждение, и, когда он пришел домой, Вася твердо знал, что ему делать.

Днем старая черепаха всегда хоронилась в укромных местах: под платяным шкафом, под диваном, уползала в темный захламленный чулан. Но сейчас Васе повезло: он сразу обнаружил Машку под своей кроватью.

– Машка! Машка! – позвал он ее, стоя на четвереньках, но темный круглый булыжник долго не подавал никаких признаков жизни. Наконец в щели что-то зашевелилось, и минуты через три Машка выползла из-под кровати.

Не было на свете более ненужного существа, чем Машка, но и она на что-то годилась: на ней можно было сидеть и даже стоять. Вася потянулся к Машке и прижал ее рукой; под его ладонью она продолжала скрести пол своими раскоряченными лапами. Ее панцирь, состоящий из неровных квадратиков и ромбов, весь словно расширился от старости, на месте швов пролегли глубокие бороздки, и Вася почему-то раздумал на нее садиться. Он спрятал Машку под рубаху и быстро вышел на улицу.

Над поредевшим, полусонным от жары базаром высоко и печально звучал детский голос:

– Черепаха! Продается черепаха!

Васе казалось, что он стоит так уже много-много часов; прямые, жестокие лучи пекли его бедную неприкрытую голову, пот стекал со лба и туманил зрение, каменно-тяжелая Машка больно оттягивала руки. Его так и тянуло присесть на пыльную землю.

– Черепаха! Продается черепаха!

Вася произносил эти слова все глуше, он словно и боялся и хотел быть услышанным. Но люди, занятые своим делом, равнодушно проходили мимо него; они не видели ничего необычного в том, что для

Васи было едва ли не самым трудным испытанием за всю его маленькую жизнь. Если бы вновь очутиться в родном, покинутом мире, где ему так хорошо жилось под верной маминой защитой!

Но едва только Вася допускал себя до этой мысли, как родной дом сразу утрачивал для него всю прелесть, становился немилым и скучным: ведь тогда пришлось бы навсегда отказаться от веселых, золотистых черепашек!

– Ого, черепаха! Вот это то, что мне надо!

Вася так углубился в себя, что вздрогнул от неожиданности и чуть не выронил Машку из рук. Перед ним стоял рослый, плечистый человек, видимо портовый грузчик, и с каким-то детским восхищением глядел на старую черепаху.

– Продаешь, малец?

– Да...

– Сколько просишь?

– Девять... – смущенно сказал Вася, припомнив цену, какую в зоомагазине просили за двух черепашек.

– Нету у меня с собой девяти, понимаешь, – сказал он озабоченно, – ровно семь.

Вася был в отчаянии.

– Постой-ка, малец, я тут живу близко, зайдем ко мне, я тебе вынесу деньги!

И вот они вместе зашагали с базара. Вася был очень счастлив, все так хорошо вышло, он был горд своим первым жизненным свершением, к тому же ему нравилось шагать сейчас рядом с этим сильным и мужественным человеком, как равному с равным.

– Вот и пришли, малец. Обожди тут, я мигом!

Вася стоял перед большим белым домиком, окруженным кустами акации. Ему очень хотелось увидеть мальчика, которому достанется Машка.

– Эх, жаль, сынишки нет дома, – сказал, появившись грузчик, – а то познакомились бы. На, принимай монету! Да ты посчитай, денежки счет любят!

– Нет, зачем же... – пробормотал Вася и протянул покупателю Машку. Тот взял ее в свои большие ладони и приложил к уху, словно часы.

– А она не пустая внутри? – Грузчик, примостив черепаху против глаз, заглядывал в щель между щитками. – Нет, вроде там что-то трудится! Ну, бывай здоров, малец, спасибо тебе.

– Вот что, ее зовут Машкой, – вдруг быстро и взволнованно заговорил Вася. – Она очень фрукты любит и молоко тоже пьет.

– Ишь ты, – усмехнулся грузчик, – простая тварь, а туда же!

Он сунул Машку в широкий карман своей куртки и пошел к дому. А Вася растерянно глядел ему вслед. Он хотел еще много рассказать о Машке, о ее повадках, капризах и слабостях, о том, что она хорошая и добрая черепаха. В носу у него странно пощипывало, но он нахмурил брови, зажал в кулаке деньги и со всех ног бросился к зоомагазину.

Когда Вася принес домой двух маленьких черепашек и в радостном возбуждении поведал матери о всех своих приключениях, она почему-то огорчилась.

– Да-да, – только и сказала она задумчиво и печально, – милые зверушки.

Вася не заметил, как прошла вторая половина дня. Малыши были на редкость забавные, смелые и любознательные. Они оползали всю комнату, двигаясь кругами навстречу друг другу, а столкнувшись, не сворачивали в сторону, а лезли друг на дружку, стучаясь панцирями о панцирь. Не в пример старой угрюмой Машке, они не стремились забиться в какой-нибудь потайной угол, а если и хоронились порой, то это выглядело как игра в прятки.

На ночь Вася уложил их в ящик с песком и поставил на виду, против изголовья своей кровати. Ложась спать, он сказал матери счастливым, усталым, полусонным голосом:

– Знаешь мама, я так люблю этих черепашек!

– Выходит, старый друг не лучше новых двух, – заметила мать, накрывая сына одеялом.

Бывают слова, как будто простые и безобидные, которые, будучи сказаны ко времени, вновь и вновь возникают в памяти и не дают тебе жить. В конце концов Машка даже и не друг ему, Васе, а просто старая, дряхлая черепаха, и ему вовсе не хочется думать о ней. И все-таки думается все о той же никудышной Машке. Думается тревожно, не хорошо.

Почему он не сказал тому человеку, что на ночь Машку надо прятать в темноту? А теперь, наверное, зеленый свет месяца бьет в ее старые глаза. И еще не сказал, что к зиме ей надо устраивать пещерку из ватного одеяла, иначе она проснется от своей зимней спячки. И тогда она может умереть, потому что в пору спячки черепахи не принимают пищи. Конечно, он может завтра же пойти и все сказать, но захотят ли новые хозяева столько возиться со ста-

рой Машкой? Успокоение не приходило. Тогда он натянул одеяло на голову, чтобы скорее уснуть, но перед ним вновь возникли голые, немигающие птичьи глаза Машки, в которых отражался свет месяца.

Вася сбросил одеяло и сел на кровати. Он уже не испытывал ни жалости к Машке, ни раздражения против матери, отказавшейся держать в доме трех черепах. Все это вытеснилось в нем каким-то непонятым, болезненным чувством недовольства собой, обиды на себя. Это чувство было таким большим и незнакомым, что оно не помещалось в Васе, ему нужно было дать выход, и Вася попытался заплакать. Но ничего не получилось, это горькое, едкое чувство высушило в нем все слезы.

Впервые Васе перестало казаться, что он самый лучший мальчик в мире, достойный иметь лучшую маму, самые лучшие игрушки, самые лучшие удовольствия. «Но что я такое сделал? – спрашивал он себя с тоской. – Продал старую, совершенно ненужную мне черепаху». – «Да, она тебе не нужна, – прозвучал ответ. – Но ты ей нужен. Все, что есть хорошего на свете, было для тебя, а ты для кого был?» – «Я кормлю птиц и рыб». – «Да, пока тебе с ними весело, а не будет весело, ты сделаешь с ними то же, что и с Машкой». – «А почему же нельзя так делать?».

Вася не мог найти ответа, но ответ был в его растревоженном сердце, впервые познавшем простую, но неведомую прежде истину: не только мир существует для тебя, но и ты для мира. И с этим новым чувством возникло в нем новое веление. И это веление заставило Васю вскочить с кровати и быстро натянуть одежду...

Вася нацупал ящик и, достав черепашек, сунул черепашек под рубашку. Выйдя из комнаты, мальчик тихонько притворил за собой дверь. Вася вышел на улицу спокойным и уверенным шагом сильного и доброго человека. Луна высоко стояла на небе, холодно светилась бледная ширь улицы. Вася оглянулся на калитку. «Не смей!» – сказал он себе и заставил себя думать о том, куда и зачем он идет, и думал до тех пор, пока тело его стало послушно не страху, а этой большой и важной мысли.

Возможно, что мать сквозь сон уловила какой-то непривычный шум. Она встала, натянула на себя платье и подошла к Васиной постели. Одеяло лежало комком. Мать заглянула в черепаший ящик – черепашек не было, и она сразу все поняла. Набросив на плечи плащ, она вышла из дому и быстро зашагала туда, где, по рассказу Васи, находился белый домик с палисадником. Вскоре она увидела фигурку сына.

Вася шел по середине улицы, обсаженной густыми темными каштанами. Он казался таким крошечным на пустынной мостовой, что у нее сжалось сердце. Она шла и думала, какое счастье, если у ее мальчика будет сильное и верное сердце. Мать не окликнула Васю, она решила охранять его издали, чтобы не помешать первому доброму подвигу своего сына...

Вопросы к обсуждению:

1. Почему мама Васи была недовольна, что он променял старую черепаху на двух молодых? Оправдываете ли вы его поступок?
2. Как вы понимаете пословицу «Старый друг лучше новых двух»? Почему изменилось отношение Васи к самому себе, когда он понял, что поступил не так, как гласит пословица?
3. Разделяете ли вы намерение Васи вернуть старую черепаху? Почему он решил это сделать?
4. Что означают слова: «Не только мир существует для тебя, но и ты – для мира»? Какое отношение они имеют к Васе? А может быть, они имеют отношение к каждому из нас?
5. Что заставило Васю вскочить с кровати и идти по ночным улицам, чтобы вернуть черепаху?
6. Почему мама не окликнула своего сына, а лишь издали охраняла его? Поддерживаете ли вы ее мысль, что сын совершил первый добрый подвиг?

О рассказе Владимира Солоухина «Ножичек с костяной ручкой»

Рассказ построен на воспоминании автором случая из его собственного детства. Когда ему было восемь лет, и ходил он во второй класс, привезли ему из Москвы красивый перочинный ножичек с костяной ручкой и зеркальными лезвиями. Он стал для мальчика настоящим сокровищем, и он широко его использовал в своих мальчишеских делах. Даже учителю ножичек пригодился для оттачивания карандашей. Мальчик всегда носил его в сумке. И вот однажды в сумке ножичка не оказалось. Обнаружил он это на уроке. И первая мысль, какая пришла ему в голову, что ножичек украли. Он сказал об этом учителю. В классе начался допрос – кто взял ножичек. Но никто

не признался. Не дала искомый результат и проверка сумок и парт учеников. И в тот момент, когда уже почти все ученики были проверены, ножичек выскользнул из одной из тетрадок хозяина. Этот факт шокировал мальчика. Вместо радости начались терзания. Он не знал, как ему поступить: сознаться, что ножичек нашелся, или промолчать. Ему проще было промолчать, но тогда останется впечатление, что в классе есть воришка. Из-за несчастного ножичка учеников обыскивали, ставили их в унижительное положение, сорвали урок. Хоть и неосознанно, но мальчик причинил классу зло. Признаться, что ножичек нашелся, значит поставить себя под удар, вызвать гнев и учеников и учителя. И все-таки он выбрал второе, чем вызвал возмущение всех присутствующих. Учитель выгнал его из класса. И вместо того, чтобы бежать домой и выплакаться там, он встал около дверей школы, готовый на добровольную казнь – выслушивать упреки проходящих мимо одноклассников: «Эх ты!».

В центре обсуждения рассказа дилемма: как поступить – выгородить себя, поставив под удар класс, или снять с класса позор ценой собственного унижения. Мальчик выбирает второе: совесть не позволила ему промолчать о находке, т.е. солгать, хоть и хотелось ему, чтобы и ножичек, и он сам «провалились бы сквозь землю».

Текст рассказа:

Из Москвы мне привезли небольшой перочинный ножичек с костяной ручкой и двумя зеркальными лезвиями. Одно лезвие побольше, другое – поменьше. На каждом ямочка, чтобы зацепить ногтем, когда нужно открыть... Отец наточил оба лезвия, и ножичек превратился в бесценное сокровище. Например, ореховую палку толщиной с большой палец я перерезывал своим ножичком с одного раза. Чтобы вырезать свисток, напротив, нужна тонкая работа. И тут особенно важна острота. Из-под моего ножичка выходили чистенькие, аккуратные свистки.

С 1 сентября открылось еще одно преимущество моего ножа. Даже сам учитель Федор Петрович брал у меня ножик, чтобы зачинить карандаши. Неприятность произошла на уроке, при Федоре Петровиче. Мы с Юркой решили вырезать на парте что-нибудь вроде буквы «В» или буквы «Ю», и я полез в сумку, чтобы достать ножичек. Рука не встретила ножичка в привычном месте, судорожно

выгнулась по дну сумки, заметалась там среди книжечек и тетрадей, а под ложечкой неприятно засосало, и ощущение непоправимости свершившегося холодком скользнуло вдоль спины. Забыв про урок и про учителя, я начал выворачивать карманы, шарить в глубине парты, полез в Юркино отделение, но тут Федор Петрович обратил внимание на мою возню и мгновенно навис надо мной во всем своем справедливом учительском гневе.

– Что случилось, почему ты под партией? Встань как следует, я говорю!

Наверно, я встал и растерялся, и, наверно, вид мой был достаточно жалок, потому что учитель смягчился:

– Что случилось, можешь ты мне сказать?

– Ножичек у меня украли...который из Москвы...

Почему я сразу решил, что ножичек украли, а не я сам его потерял, неизвестно. Но для меня-то сомнений не было: конечно, кто-нибудь украл – все ведь завидовали моему ножу.

– Может, ты забыл его дома? Вспомни, подумай хорошенько.

– Нечего мне думать. На первом уроке он у меня был, мы с Юркой карандаши чинили... А теперь нету...

– Юрий, встань! Правда ли, чинили карандаши на первом уроке?

Юрка покраснел, как вареный рак. Ему-то наверняка не нравилась эта история, потому что сразу все могли подумать на него, раз он сидит со мной рядом на одной парте. Про карандаши он честно сознался:

– Чинили.

– Ну, хорошо, – угрожающе произнес Федор Петрович, возвращаясь к своему столу и оглядывая класс злыми глазами. – Кто взял нож, подними руку.

Ни одна рука не поднялась. Покрасневшие лица моих товарищей по классу опускались ниже под взглядом учителя.

– Ну хорошо! – Учитель достал список. – Барсукова, встань! Ты взяла нож?

– Я не брала.

– Садись. Воронин, встань! Ты взял нож?

– Я не брал.

Один за другим вставали мои товарищи по классу, которых теперь учитель (а значит, вроде б и я с ним заодно) хотел уличить в воровстве. Они вставали в простеньких деревенских платьишках и рубашонках, растерянные, пристыженные. Каждый из них краснел,

когда вставал на оклик учителя, каждый из них отвечал одно и то же: «Я не брал»...

– Ну хорошо, – в последний раз произнес Федор Петрович. – Сейчас мы узнаем, кто из вас не только вор, но еще и трус и лгун. Выйти всем из-за парт, встать около доски!

Всех ребяташек, кроме меня, учитель выстроил в линейку около классной доски, и в том, что я остался один сидеть за партой, почувствовалась мне некая отверженность, некая грань, отделившая меня от всех, грань, которую перейти мне потом, может быть, будет не так просто. Первым делом Федор Петрович стал проверять сумки и парты учеников. Он копался в вещичках ребяташек с пристрастием: и мне уж в этот момент (не предвидя еще всего, что случится потом) было стыдно за то, что я невольно затеял эту заварушку.

Прозвенел звонок на перемену, потом снова на урок, потом снова, но теперь не на перемену, а идти домой – поиски ножа продолжались. Мальчишки из других классов заглядывали в дверь, глазели в окна: почему мы не выходим после звонка, и что у нас происходит?

Нашему классу было не до мальчишек.

Тщательно обыскав все сумки и парты, Федор Петрович принялся за учеников. Проверив карманы, обшарив пиджачки снизу (не спрятал ли за подкладку?), он заставил разуваться, снимать чулки и, только вполне убедившись, что у этого человека ножа нет, отправлял его в другой конец класса, чтобы ему не мог передать пропавшее кто-нибудь из тех, кого еще не обыскали. Постепенно ребят около доски становилось все меньше, в другом конце класса все больше, а ножичка нет как нет!

И вот что произошло, когда учителю осталось обыскать трех человек. Я стал укладывать в сумку тетради и книжки, как вдруг мне на колени из тетрадки выскользнул злополучный ножичек. Теперь я уж не могу восстановить всего разнообразия чувств, нахлынувших на меня в одно мгновение. Ручаться можно только за одно – это не была радость от того, что пропажа нашлась, что мой любимый ножичек с костяной ручкой и зеркальными лезвиями опять у меня в руках. Напротив, я скорее обрадовался бы, если бы он провалился сквозь землю, да, признаться, и самому мне в то мгновение хотелось провалиться сквозь землю.

Между тем обыск продолжается, и мне, прожившему на земле восемь лет, предстояло решить одну из самых трудных человеческих психологических задач.

Если я сейчас не признаюсь, что ножничек нашелся, все для меня будет просто. Ну не нашли – в не нашли. Может, его кто-нибудь успел спрятать в щель, за обои, и какую-нибудь дырочку в полу. Но, значит, так и останется впечатление, что в нашем классе учился воришка. Может быть, каждый будет думать на своего товарища, на соседа по парте.

Если же я сейчас признаюсь... О, подумать об этом было ужасно!.. Значит, из-за меня понапрасну затеялась вся эта история, из-за меня каждого из этих мальчишек и девчонок унижительно обыскивали, подозревали в воровстве. Из-за меня их оскорбили, обидели, ранили. Из-за меня, в конце концов, сорвали уроки... Может быть, им все-таки легче думать, что их обыскивали не зря, что унизили не понапрасну?

Наверно, не так я все это для себя сознавал в то время. Но помню, что провалиться сквозь землю казалось мне самым легким, самым желанным из того, что предстояло пережить в ближайшие минуты.

Встать и произнести громко: «ножничек нашелся» – я был не в силах. Язык отказывался подчиняться моему сознанию, или может, сознание недостаточно четко и ясно приказывало языку. Потом мне рассказали, что я, как лунатик, вышел из-за парты и побрел к учительскому столу, вытянув руки вперед: на ладони вытянутой руки лежал ножничек.

– Растяпа! – закричал учитель (это было его любимое словечко, когда он сердился). – Что ты наделал!.. Вон из класса!.. Вон!..

Потом я стоял у дверей школы. Мимо меня по одному выходили ученики. Почти каждый из них, проходя, задерживался на секунду и протяжно бросал:

– Эх ты!..

Не знаю почему, я не бежал домой, в дальний угол сада, где можно было бы в высокой траве отлежаться, отплакаться вдалеке от людей, где утихла бы боль горького столкновения неопытного мальчишечьего сердца с жизнью, только еще начинающейся.

Я упрямо стоял около дверей, пока мимо меня не прошел весь класс. Последним выходил Федор Петрович.

– Растяпа! – произнес он снова злым шепотом. – Ножничек у него украли... Эх ты!..

Вопросы к обсуждению:

1. Почему ножичек с костяной ручкой был мальчику так дорог? В чем его ценность?

2. Какие чувства испытал мальчик, когда обнаружил исчезновение ножичка? Приходилось ли вам испытывать подобное в жизни?

3. Как хозяин ножичка реагировал на обыск одноклассников, какие чувства он испытывал при этом? Почему он испытывал неловкость, отчужденность свою от класса в этот момент? Разделяете ли вы его состояние?

4. Почему признаться, что ножичек нашелся, было так «ужасно» для него? Почему все же он заставил себя признаться?

5. Вместо того чтобы скорее убежать домой и там прийти в себя, он остался стоять у дверей школы, готовый казнить себя укорами одноклассников и учителя. Как вы думаете, почему он так поступил?

6. Поддерживаете ли вы его поступок или осуждаете?

7. Виноват ли мальчик? Если «да», то в чем его вина?

О рассказе Сергея Вольфа «Подарочек»

Ребенок ищет нравственные ценности. Он не всегда понимает, что хорошо, что плохо, где зло и где добро. В опыте горьких ошибок подчас обретает он критерии оценки людей и самого себя. Герой рассказа откровенно называет себя глупым: не умеет решать задачи по математике, а тут еще история с подарком однокласснику, поставившая его в явно глупое положение, заставившая его чувствовать себя виноватым. А себя судить куда трудней, чем других.

Узнав, что у Игорька (*так звали прикрепленного к нему отличника*) сегодня день рождения, мальчик испытал неловкость: пришел к нему заниматься и без подарка. Чтобы исправить положение, он предлагает «умнице-помощнику» трехцветную ручку, джинсы с себя, изоляционную ленту. Но вместо всего этого Игорек просит у мальчика – «дать в глаз» Сане Трофимову. Подумав, что речь идет об обидчике, мальчик с готовностью соглашается. Но оказалось, что Саня вовсе не «изверг», а обыкновенный, довольно симпатичный парень, занимающийся в секции бокса и не имеющий права драться. Преодолевая нежелание, искусственно вызывая в себе злость, колеблясь, но «раз обещал», маль-

чик бьет Саню, но тот умело увертывается. В ответ на это он слышит лишь хохот окружающих мальчишек да реплику «Ай да Игорек!». В скверном состоянии, вина себя, стыдясь того, что он сделал, драчун покидает ребят.

Заканчивается рассказ выводом: «Лучше я буду глупым». Этот рожденный в опыте переживаний моральный выбор героя не навязывается читателю, его можно оспаривать или защищать. Главное здесь, чтобы нежелание героя умнеть ценой подлости вызывало у читателей сочувствие, чтобы детальный разбор случившегося убедил в том, что душевные качества человека – не синонимы его знаний, что оценка за успеваемость далеко не всегда характеризует личность.

Текст рассказа:

Человек я удивительно глупый. Познакомились бы вы со мной, сразу поняли бы, что я имею в виду. На самом деле я далеко не дурак и кое в чем разбираюсь не хуже других. Но вот с задачками в школе у меня беда, сплошные нелады. Какое первое действие, какое второе, какое четвертое там или пятое? Нет, в этом я разобраться не могу, по глупости. Химия, физика, математика! Как подумаю, что будет со мной в старших классах, сразу же хочется быстро сесть в самолет и улететь хоть на край света и пожить там в тишине, совершенно не думая о том, сколько стоит метр ситца, если семь метров бархата в сорок раз дороже трех метров капрона.

И учителя, и ребята, и девчонки из нашего класса – все хотят научить меня уму-разуму – научить задачки решать. Все помогают. Ко мне даже разных учеников прикрепляли, кто поумнее меня, в помощь. Помню, что толку от этого было мало. Теперь мне Игорька прикрепил, и картина резко изменилась. Теперь у меня все чаще и чаще вместо двоек появляются тройки. Не могу сказать, что они очень крепкие, эти тройки, но это уже не двойки, не-ет... Видно, в школе так решили, что раз я знаю хоть немножечко больше, чем на двойку, двойку ставить уже несправедливо. Сами понимаете, как я рад и благодарен Игорьку. Человек он, правда, довольно противный, но умница, не то что я, хотя роста он ничтожного, клоп совсем, и головка у него до того маленькая, что я никак не могу понять, как он так запросто может решать эти задачки. Ему совершенно безразлично, с какого действия начинать решать – с первого или с пятого,

ему с самого начала ясно, что к чему и какой будет ответ. И объясняет он просто прекрасно, и я ему очень благодарен, хотя человек он довольно-таки противный. Я как-то раз захожу к нему на днях потренироваться в задачках, а он мне и говорит:

– Ты, – говорит, – возьми мою тетрадку, все перекатай, а потом сам сообразишь, что к чему, мне с тобой сегодня неохота возиться, у меня сегодня день рождения.

Я очень растерялся, когда он это сказал. Выходит, я пришел на день рождения к человеку – а сам без подарка.

– Слушай, – говорю. – Как же так?! Подарок-то я не принес.

А он говорит:

– А зачем? Ты ведь не знал. Ты не знал, потому что я ничего тебе не говорил. А не говорил я потому, что я тебя не приглашал.

Вот гад, а? Но мне все равно было неловко.

– Слушай, – говорю, – хочешь мою шариковую ручку, многоцветную?

Он спрашивает:

– На сколько цветов?

– На три, – говорю.

– Оставь себе, – говорит Игорек. – У меня на шесть есть.

– Тогда, – говорю, – хочешь, я подарю тебе свои джинсы? Они почти что новые, свеженькие.

Глупо, конечно, они и мне-то велики, а на него и одной штанины бы хватило, но уж очень мне было неудобно, что я без подарка явился.

– Твои джинсы – что, – говорит он. – Вот у меня скоро будут джинсы – это джинсы. А твои джинсы – это не джинсы, а так себе, неизвестно что.

Я совсем растерялся и брякнул полную ерунду:

– А хочешь, – говорю, – изоляционную ленту, а? Хочешь, я тебе ее завтра в школу принесу?

– А вот это совсем другое дело, – говорит Игорек. – Валяй. Мне она как раз может понадобится, а деньги тратить неохота. Тащи.

Я сказал ему, что ленту ему я обязательно притащу, раз день рожденья, но все никак не мог успокоиться, потому что быстро сообразил, что лента – какой же это подарок?! И сказал тогда:

– Игорек, позволь, я за тебя ведра с мусором вынесу?

Он говорит:

– Уже все. Чистые.

– Ну-у... может, тогда я пол вам вымою или окна. Ты не сомневайся, я здорово дома наловчился, я, как получу двойку по математике, сразу же мою пол – мне так велят. Давай тащи тряпку и ведро.

– Пол мыть – для меня не подарок, – говорит. – Я все равно сам его не мою. А во-вторых, чего ты стараешься? Я же тебя все равно не приглашал на день рождения.

– Да брось ты, – говорю. – Приглашал – не приглашал! Какое это имеет значение? У тебя день рождения, и я хочу сделать тебе подарок, так полагается.

Он вдруг быстро подошел ко мне и говорит:

– Ах, ты очень хочешь? Очень, да? Ну тогда ладно! Тогда вот что. Пошли сейчас к нам во двор, и ты дашь в глаз Саньке Трофимову, а еще лучше – отлупишь его. Понял?!

Я невероятно обрадовался и стал орать:

– Пошли! Пошли быстрее! Дадим в глаз Саньке Трофимову! Бежим!

Мы выскочили на лестницу и помчались вниз. Вдруг я остановился, и Игорек тоже, а я часто-часто так задыхался: дых-дых, дых-дых! – потом маленько успокоился и говорю:

– Слушай! А как же я бить его буду? Я же его даже не знаю. Плохой он человек или хороший – я же не знаю. Он для меня – нуль, мне его и бить-то не хочется. Зачем тебе, чтобы я его бил, у тебя с ним – что?

Игорек говорит:

– У меня с ним личные счеты.

Я спрашиваю:

– Какие же? Что он тебе сделал?

А он отвечает:

– Это не имеет значения. Никакого. Я вижу, ты не хочешь сделать мне подарок ко дню рождения!

Я говорю:

– Чушь какая! Да я с удовольствием. Но ты пойми меня правильно: как же я его буду бить, если он для меня нуль? Я на него даже и не сержусь. Я его и в глаза не видел, соображаешь? Может, тебе лучше самому его отлупить, а?

Игорек говорит:

– Ну и гад же ты все-таки! «Подарок! Хочу тебе сделать подарок!» А сам что? Я, можно сказать, тебя в люди вывел, ты теперь крепкий троечник, не так ли? А подарок мне сделать не хочешь.

Я сказал тихо:

– Ну, пойдём. Ладно. Раз обещал, значит обещал – в этом ты прав. Я ему дам в глаз, ты не сомневайся, но я прямо не знаю, как это сделать, – я на него даже не сержусь.

Он говорит:

– Ничего, ничего. Волноваться не стоит. Как только ты его увидишь – сразу же рассердишься и захочешь дать ему в глаз.

– Может, его нет во дворе? – говорю.

– Ерунда, вон он стоит, – сказал Игорек, когда мы как раз вышли с лестницы во двор.

Я увидел, что в другом конце двора стоят ребята, и, пока мы медленно к ним шли, всё старался угадать, кто же Саня, но так и не догадался, а спрашивать не стал. Я шел будто во сне, хотя и не боялся совсем. Мы подошли к этим ребятам и остановились, а они замолчали, и я сразу же понял: вот он, Саня, стоит себе и смеется (а все молчат) и глядит за мое плечо, видимо, на Игорька.

Я себя ужасно глупо чувствовал и вдруг даже захотел убежать, но в этот момент Игорек щипнул меня сзади, и тогда я захохотал не своим голосом и сказал Сане:

– Ну и носище у тебя! Кривой! Как пружина от матраса!

Он улыбнулся и сказал:

– И ничего подобного. Даже не похож.

Я-то и сам знал, что нос у него как нос, это сразу было видно, но сказал:

– Жуткий нос. Отвратительный. Как блямба!

Он говорит:

– И опять ты не прав.

И тогда я его ударил! Я толком даже не знаю, как это вышло, я его ударил и растерялся, и стал думать, что надо бы извиниться, а сам в это время ударил его еще несколько раз, а потом еще раз, и еще, и еще – и вдруг заметил, что теперь бью все время мимо, потому что он крутит головой так, что я промахиваюсь.

Я опустил руки и перестал его лупить. А он улыбнулся мне, потрогал пальцем ушибленные места, потом сказал: «Ай да Игорек!» – после повернулся и пошел, насвистывая, по двору, к парадной. Я слышал, как он идет вверх по лестнице и свистит и смеется в полной тишине.

Я обернулся и увидел, что Игорек куда-то исчез, а все ребята стоят молча и глядят на меня. Один сказал:

– Ну, ты ловкач! Здорово ты его разделал.

Второй говорит:

– Ага. Под орех. Редкое зрелище.

Я говорю:

– Я не хотел.

А первый опять:

– Ну, ты молоток. Ай да парень. Гигант.

– Я не хотел! Не хотел я! – крикнул я.

Они говорят:

– Ну, само собой.

Я кричу:

– Что «само собой»?! Что само собой?!

А они хохочут.

Я кричу:

– А что же он меня не бил? Что же он-то, а?!

Первый сказал:

– Он не любит. И еще он не имеет права. Он боксом занимается.

Им тренер не велел.

– Привет, – сказал я. – Всего наилучшего.

И пошел со двора прочь, и, пока шел, они все молчали и, наверное, смотрели мне в спину.

На душе у меня было... лучше не говорить. «Фиг я принесу ему завтра изоляционную ленту. Лучше буду мыть пол каждый день. Лучше уж быть глупым», – думал я.

Лучше я буду глупым.

Вопросы к обсуждению:

1. Почему рассказ называется не «Подарок», а «Подарочек»? Как вы это объясните?

2. Можно ли оправдать мальчика за его «подарочек»? Если вам кажется, что он должен был поступить иначе, то как именно?

3. Чем объяснить, что первоначальная решимость «дать в глаз» Сане Трофимову к концу сменилась у мальчика колебанием и нежеланием это делать?

4. Мальчик называет себя глупым человеком. Согласны ли вы с этим мнением? Какие черты характера проявились у мальчика в истории с подарком?

5. Зачем мальчик, прежде чем ударить Саню Трофимова, сказал, что у того нос кривой? Какой в этом смысл?

6. Почему он после драки с Саней Трофимовым не захотел говорить, что у него было на душе? Давайте попытаемся представить себя на его месте, когда он уходил со двора, и передать его чувства своими словами.

7. Как вы относитесь к решению героя: «Лучше я буду глупым»? Какое отношение к этому имеет молчаливый укор мальчишек, смотревших ему вслед после случившегося? Почему он осуждает себя, а не Игорька, спровоцировавшего драку?

8. «Умница» Игорек – какое чувство он у вас вызывает? Почему его зовут так ласково? Как он раскрывает себя в эпизоде с подарком?

9. Как, по-вашему, в дальнейшем сложатся отношения между приятелями? Почему вы так думаете?

О рассказе Надежды Васильевой «Полынья»

Среди книг Н. Васильевой, нашего современного писателя, есть немало сборников рассказов. Они не только издаются, но и переиздаются дополнительными тиражами, ибо рекомендованы для внеклассного и семейного чтения. Одним из таких сборников является «Жили-были» (2011), где помещен рассказ «Полынья». Речь в этом рассказе идет о четверых школьниках, которые в мартовский день, когда лед еще стоял на реке, но уже не был крепким, ушли на реку без разрешения взрослых. Самым серьезным из них был Лешка, умеющий рассказывать интересные истории и придумывать что-то необычное. Валерка – его друг – очень любил слушать Лешкины рассказы. Договорились пойти на речку после школы. Лешка взял трехлитровую банку, чтобы бросать в нее рыбешек, которые оказались на льду.

Около вмерзшего в лед плота была прорублена большая полынья. Лешка, присев на плот, выбирал живых еще рыбешек и опускал в банку. Рядом крутилась Жулька – любимая собачка Лешки. Проторчав около плота немного времени, мальчишкам, стоящим на берегу, стало скучно, и они отвлеклись, замеряя глубину лунок. Их насторожил надрывной лай Жучки: Лешка провалился в прорубь и с головой ушел под лед. Мальчишки были в ужасе, они «рванули на берег». Васька, самый старший из них, уговорил Пашку и Валерку ничего дома не говорить и сделать вид, что они у реки не были, а катались с горки. Дома

хватились Лешки. Стали искать. Его мама, когда узнала, что ребята катались с горки, плакала. Чего только Валерка не передумал в эту ночь. А на уроках завтра все ждал, что вот дверь откроется и войдет Лешка. Но ожидания его были напрасны. В день похорон мать Лешки еле откачала. Стоя в похоронной процессии, Валерка услышал, что какой-то мужчина видел ребят на реке. Валерка выбежал, чтобы скрыться от людей. Ему казалось, что все смотрят ему вслед и осуждают.

После похорон Валерка очень боялся встретиться с Лешкиной мамой. Но через несколько дней, увидев Валерку, она пригласила его к себе домой, чтобы в память о друге отдать Лешкин аквариум. Когда он вошел в квартиру, ему бросился в глаза портрет Лешки в черной рамке, висевший на стене. И он вспомнил, как тонул Лешка. Пришел он в себя только на улице. Он поднял мокрые глаза к звездному небу и вспомнил, как Лешка любил выискивать созвездия. Валерке стало казаться, что он один в этом бесконечном пространстве холодных звезд. Ему стало очень тоскливо. Его печаль о погибшем друге соединялась с еще не до конца осознанной им собственной причастности к этой трагедии. Из глубины души поднималось мучительное неодобрение самого себя. Облегчить это состояние помогла Валерке Жулька. Лаская любимицу Лешки, подняв ее на руки, он твердо произнес: «Будешь жить у меня». На этом заканчивается рассказ, оставляющий впечатление щемящей боли.

.....
Текст рассказа:

В тот субботний мартовский день на реке их было четверо: Валерка, Васька Синяк с младшим братом Пашкой да Лешка Лебедев. Васька Синяков ходил уже в седьмой класс и верховодил будь здоров, хоть по росту от Валерки с Лешкой ушел недалеко.

Веснушчатое Васькино лицо до ужаса хитрющее, и по нему сразу видно, когда очередная каверза в голове зреет. Дразнилки из него, как из рваного мешка, сыплются одна хлеще другой. И драчун, каких свет не видел! То кого-нибудь из малышей носом в снег ткнет, то головой вниз за ноги потрясет или подзатыльником уму-разуму научит. И только Пашка, который был младше Васьки на пять лет, не нюхал Васькиных кулаков.

Валерка с Лешкой Синяковых не больно-то жаловали. Но жили в одном дворе. Куда денешься? Над Лешкой Синяк любил измываться.

Это он его Лунатиком и прозвал. Лешка и правда, был немного странным. Даже на горке кататься не любил. После школы на лыжи – и один в лес уходит. Возвращается затемно. Смотришь: то какую-то звероподобную корягу оттуда тащит, то шишку величиной с ладонь, то камень причудливой формы. Дома у Лешки много интересного: и аквариум самодельный с озерными рыбками, и лук из вереска с железными наконечниками у стрел, и энциклопедий всяких. Бывают у Лешки Валерке очень нравились. Начнет Лешка что рассказывать – так распишет, будто своими глазами видел. И добычу жемчуга, и землетрясения, и сталактитовые пещеры. Лешка привык, что ему не верят. Сидит и в ус не дует!

Про издыхающую на льду рыбу Лешка Валерке на перемене рассказал. Договорились пойти на речку сразу после школы. Ранцы дома побросали, и вперед. Лешка, правда, еще банку трехлитровую с собой прихватил. К реке вообще-то родители ходить запрещали: зима мягкая, лед тонкий. Но впереди выходной, уроков делать не надо – авось не хватятся. По дороге Васька с Пашкой навязались.

Около деревянного, вмерзшего в лед плота была прорублена большая полынья. Снег вокруг нее до черноты пропитался водой. Из него клыками торчали осколки льда. Здесь, посреди реки, стоя на деревянном настиле, женщины обычно полоскали белье. Сейчас же от полыньи несло рыбой. На воде у бревен, лежа кверху брюшком, скопились мальки. В снегу вокруг полыньи их тоже было порядком.

Присев на скользкий плот, Лешка принялся выбирать из рыбешек тех, что подавали слабые признаки жизни. Он осторожно брал их в руки и опускал в банку с чистой водой. Рядом суетилась Жюлька – преданнейшее Лешке существо, щупленькая рыжевато-красная собачонка с узкой лисьей мордочкой и необыкновенно тоненькими лапками. Спала Жюлька в подъезде. Играли с ней во дворе многие, но стоило на улицу выйти Лешке, она крутилась только возле него.

Поторчав у плота некоторое время и не проявляя большого интереса к бредовой Лешкиной затее, мальчишки, от нечего делать, пошли измерять глубину лунок, просверленных рыбаками в небольшой заводи.

Надрывный Жюлькин лай привлек их внимание не сразу. Обернувшись, увидели барахтающегося в воде Лешку. Жюлька повизгивая металась по краю полыньи и все норовила ухватить Лешку за воротник куртки. Валерка с Пашкой так и застыли, открыв рты, а Васька зло-радно хохотнул:

– Во Лунатику мамаша ради праздника всыплет задохлых рыбок!
Нашел время купаться!

– А вдруг он того...потонет? – еле вымолвил Валерка.

– Выкарабкается... – не совсем уверенно протянул Васька, и мальчишки, не сговариваясь, все же припустили к плоту.

Лешка не кричал. Закоченевшими руками цеплялся он за острые глыбы по краям полыньи, силясь подтянуться на локтях. Ледяной край обломился в тот момент, когда мальчишки были уже в трех-четыре шагах. Лешка с головой ушел под воду. Мальчишки как вкопанные застыли на месте, с ужасом глядя на черную пузырившуюся поверхность полыньи. Лешкина коричневая спортивная шапочка, как пробка, вновь выторкнулась из воды, и дикий, совсем не похожий на Лешкин крик ударил ребятам по ногам. В ту же минуту подхваченное течением тело скрылось под обледенелыми бревнами плота, из под которого доносилось приглушенное: «Бу-бу-бу-бу-бу!».

Мальчишки рванули на берег. Валерку трясло, и ноги никак не хотели держать. Пашка по-рыбы глотал воздух. Васька прерывисто зашептал:

– Тикай! Дураки! И дома ни слова?!

– Вась, а может, маме Лешкиной скажем? – икая, спросил Пашка. Брат изо всей силы смазал ему по затылку.

– Заткнись, уродина! Чем ты ему теперь поможешь?! Мы не были здесь, понял?! С горки катались, ясно тебе! И смотри!.. – потряс он кулаком перед Пашкиным мокрым носом. – Я тебе сопли-то утру. Я те мозги-то вправлю!

Домой приплелся Валера еле живой. Он прошел в свою комнату, быстро разделся, выключил свет и юркнул под одеяло.

Поздно вечером к ним в дверь позвонили. Сердце у него екнуло: тетя Валя, Лешкина мать! Прислушиваясь к возбужденным голосам в прихожей, он изо всей силы вжился в подушку. Мама вошла в комнату и, не включая свет, осторожно потрясла его за плечо.

– Валера, проснись! Ты Лешу Лебедева сегодня после школы видел?

– Не... – притворившись сонным, пробормотал он. – Мы с Васькой на горке катались.

Тетя Валя всхлипывала:

– Не знаю, у кого спрашивать теперь. С ним что-то случилось! Он никогда не задерживался так поздно.

Мама утешала ее, советуя не расстраиваться раньше времени. Отец звонил в милицию и в больницу.

Чего только не передумал Валерка в эту ночь! А к утру начал бредить. Вскакивая с кровати, кричал: «Тащи его, Жулька, тащи! Держись, Леха!».

А после праздника на переменах в классе царил непривычная тишина. О происшествии уже знали все... Ребята собирались по углам группками и шептались про мертвого Лешку, про водолазов... Валерка уходил в коридор. А на уроках все время оглядывался на пустующее Лешкино место и всякий раз вздрагивал, когда открывалась дверь, в надежде, что вот сейчас на пороге, наконец, появится угловатая Лешкина фигура, и он с виноватой улыбкой на лице, как обычно, извинится за опоздание. Но Лешка не появлялся.

В день похорон уроков в классе не было. Все ходили прощаться. Валерка с ужасом смотрел на то, что когда-то было Лешкой, а теперь недвижно лежало в гробу, почему-то в белой нарядной рубашке. Валерка поежился: ему ведь холодно! Все это не укладывалось в Валеркиной голове.

– Мать-то еле откололи. Два дня не поднималась... так изводилась, что думали, руки на себя наложит, – донесся из-за спины чей-то старушечий шепот. – Совсем одна осталась, бедняжка! Три года назад мужа потеряла, теперь вот сыночка...

– Говорят, что мужчина с рыбалки шел, видел, какие-то мальчишки в тот день у реки, как угорелые мчались... Матери и сказал.

Валерка съежился. А уши так и ловили чужой разговор:

– Кто их знает. Может, и нарочно толкнули... Хулиганья теперь сколько хочешь... Чего от них хорошего ждать можно?!

Валерка боком стал выбираться из плачущей и вздыхающей толпы. Никто его не окликнул, но Валерке казалось, что все с немym осуждением смотрят ему в спину, а горький шепот преследует по пятам: «Такие никого не жалеют!».

Вечером его вызвал на улицу Васька.

– Никому не проболтался? – озираясь по сторонам, спросил он.

– Уйди! – У Валерки прямо руки чесались съездить по Васькиной физиономии. Тот отпрянул.

– Эй! Не дури! Пойдем лучше ко мне с воздушки постреляем. Батя вчера с работы принес...

– Вот и иди! И стреляй! А от меня отцепись, понял? – Валерка решительно направился к своему подъезду.

Поднимаясь по лестнице, он на одном дыхании пролетел мимо второго этажа, косясь на двери Лебедевых. До смерти боялся столкнуться с Лешкиной мамой. На похоронах ее вели под руки.

И все же через несколько дней Валерка прямо-таки налетел на нее у крыльца.

– Здравствуйте... – прошептал он и зачем-то остановился, будто к полу прилип.

– А...Валера? – не сразу узнала она его. – Давно тебя видеть хотела... У Алеши было мало друзей... Я уезжаю скоро. Тяжело мне здесь. Хочу тебе на память Алешин аквариум отдать. Он все твоего дня рождения ждал, хотел подарить.

– Не надо! Я... я... я не могу! – вырвалось у Валерки.

Если бы тетя Валя заметила, как хочется ему сейчас все рассказать ей!.. Но она устало и даже как-то безразлично стала уговаривать:

– Ты не стесняйся, возьми. Алеша о тебе столько хорошего рассказывал. Зайдем к нам.

На одеревенелых ногах поплелся Валерка за тетей Валей. Понять не мог: зачем идет? Но не идти тоже не мог.

Вешая его пальто, тетя Валя тихо сказала:

– Ты пройди в Алешину комнату. Аквариум все там же на окне. Я пока чай поставлю...

Валерка открыл знакомую дверь... да так и отпрянул: со стены, с большого портрета в черной рамке на него в упор смотрел Лешка, словно говорил: «Ты, Валера, аквариум возьми. Я ведь правда хотел тебе его подарить...». И вдруг мурашки поползли у Валерки по спине: вспомнилась полынья. Доверчиво улыбающиеся Лешкины глаза стали превращаться в те, обезумевшие от ужаса, какие видел он посреди зловещей черноты полыньи. В голове у Валерки надрывно гудело: «Бу-бу-бу-бу!».

Пришел он в себя только на улице. Пальто и шапка были на нем, а шарф и рукавицы, видимо, остались у тети Вали. Он поднял мокрые глаза к небу: сколько на нем было звезд! Лешка бы выискивал знакомые созвездия. Андромеда. Кассиопея... Он, Валерка, кроме Ковша, никаких и не знал больше. Сейчас ему казалось, что он один в этом бесконечном пространстве холодных мигающих светлячков. Так то-скиво и худо Валерке еще никогда не было!

И вдруг почувствовал чье-то легкое прикосновение.

– Жулька! – вырвалось у него. – Откуда ты взялась?

Опершись передними лапками о его колено, Жулька преданно заглядывала ему в глаза.

– Жулька! Жуленька! – лаская ее, плакал Валерка. – Будешь у меня жить? Ты не думай, мама разрешит, я уговорю... – И он осторожно взял трясущуюся собаку на руки.

Вопросы к обсуждению:

1. Что передумал Валерка в ночь гибели Лешки? В рассказе об этом не говорится. Давайте поставим себя на место Валерки и представим ход его мыслей.

2. Почему ему казалось, что все, кто был на похоронах, смотрели ему вслед?

3. Почему Ваську, который подговорил молчать, Валерка при встрече окинул ненавистным взглядом?

4. Почему он боялся столкнуться с Лешкиной мамой?

5. Как воспринял Валерка приглашение Лешкиной матери прийти к ней домой и взять в память о Лешке его аквариум?

6. Почему у него мурашки поползли по спине, когда он увидел портрет Лешки в черной рамке?

7. Виноват ли Валерка в гибели Лешки? Если нет, то почему ему так плохо? Что он сделал не так? Какой жизненный урок из случившегося он, по-вашему, для себя вынес?

8. Какое чувство Валерка у вас вызывает? Что его соединяло с Лешкой?

9. Можно ли было избежать гибели Лешки? Поделитесь вашими соображениями.

БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ

О теме

В философии есть понятия «явление» и «сущность». Явления видимы. Они лежат на поверхности. Сущность невидима и скрыта в глубине. Явления и сущность находятся в неразрывном единстве. Так характер человека (*его сущность*) обнаруживается в поведении, в словах, накладывает отпечаток на внешний облик (*явление*). В свою очередь, внешний вид и поступки человека дают основание судить о его характере. Особенно многозначны выражение глаз человека и движения рук. Однако видимые проявления человека и его внутренний мир не всегда совпадают. Иногда они расходятся до полной противоположности. В этом случае возникает особая трудность в оценке человека и, прежде всего, детьми с их малым жизненным опытом. Видимость в человеке они порой принимают за подлинность – ошибаются и теряют нравственный ориентир. Особенно эта черта проявляется у нынешних детей, бросающих на мишуру, на показной блеск, на внешнюю красоту без внимания к внутреннему миру человека. И все же, как бы внешность ни была привлекательна, она часто обманчива. Как бы человек ни старался спрятать зло под маской доброты, подлинная суть человека выдает себя. Она проявляется в машинальном жесте, случайно оброненной фразе, в произвольном движении, в поступке. Надо только пристально приглядеться к человеку. Приглядеться не только глазами, но и сердцем, ибо, как сказал Сент-Экзюпери в «Маленьком принце»: «Главное глазами не увидишь. Зорко одно лишь сердце».

На свете нет людей идеальных. В разных ситуациях один и тот же человек ведет себя по-разному. В одном случае он может проявить себя добрым, сердечным, в другом – суровым и злым. Обстоятельства жизни иногда обнаруживают в человеке его самые неожиданные свойства. Кажется, что ты знаешь человека, но вдруг какой-то случай или событие открывает его с неожиданной стороны. Человек оказывается совсем другим, каким казался раньше. Не только характеры бывают разными, но и каждый человек несет в себе возможность быть разным в зависимости от того, что диктует жизнь, в какую ситуацию он попал. Достоинства обычно бывают окутаны покровом скромности, а недостатки прикрываются маской лицемерия. На развитие способ-

ности видеть глубже, чем видит глаз, нацелено творчество лучших писателей, пишущих для детей. Обсуждение предлагаемых рассказов – попытка следовать этой же цели.

Рекомендуем обсудить:

1. Погодин Р. «Сима из четвертого номера»
2. Алексин А. «Третий в пятом ряду»
3. Яковлев Ю. «Багульник»
4. Бреженер М. «Достойнейший»
5. Пивоварова И. «Селиверстов не парень, а золото!»
6. Драбкина А. «Исключительный человек»

О рассказе Радия Погодина «Сима из четвертого номера»

Все говорило против Коли Григорьева. Новая блестящая обувь, шез, обмотанная шарфом, гусиный шаг выдавали в нем «воображалу». А тут еще альбом, на первой странице которого было выведено «Учительнице Марии Алексеевне от Григорьева Коли». «Подхалимством занимается», – решили ребята. Больше всех на негативное отношение к Симе настроил ребят заводила Мишка. Все согласилось с ним. Но дружная ватага поспешила с выводами. Трус на деле оказался храбрым, подхалим – благородным, воображала – слабым, большим человеком.

Это рассказ об открытии Человека в человеке. О преодолении противоречия между тем, каким он кажется и каков он есть на самом деле. Истина не дается в готовом виде. Она постигается в процессе работы ума и сердца. Вот почему многое в рассказе рассчитано на творчество читателей, активизировать которое и призвано обсуждение.

Текст рассказа

(в некоторых сборниках произведений Радия Погодина этот рассказ называется «Новенький из четвертого номера»):

Был мальчишка высок и худ, непомерно длинные руки совал глубоко в карманы. Голова на тонкой шее всегда немного клонилась вперед. За высокий рост и неестественную худобу ребята прозвали его Семафором.

Мальчишка недавно переехал в этот дом. Он выходил во двор в новых блестящих калошах и, высоко задирая ноги, шагал на улицу. Когда он проходил мимо ребят, то опускал и без того наклоненную вперед голову еще ниже.

– Ишь, воображает! – злился Мишка. – Знаться не хочет... – Но гораздо чаще Мишка кричал:

– Семафор, поди сюда, поговорим!..

Ребята тоже кричали вдогонку мальчишке разные насмешливые, а подчас и оскорбительные слова. Мальчишка только ниже опускал голову и ускорял шаг. Иногда, если ребята подходили к нему вплотную, он смотрел на них голубыми, очень большими, чистыми глазами и молча краснел.

Ребята решили, что Семафор для такого хлюпика слишком хорошая кличка, и стали звать мальчишку просто Сима, а иной раз для верности – Сима из четвертого номера. А Мишка все злился и ворчал при виде мальчишки:

– Надо этого гуся проучить. Ходит тут!

Однажды Сима исчез и долго-долго не появлялся во дворе. Прошел месяц, два... И вот в теплые по-весеннему дни он появился. Шея его еще плотнее обмотана шарфом. Под мышкой он держал черный альбом для рисования.

Сима посмотрел на небо, сощурился, словно отвык от света, замигал. Потом он направился в дальний угол двора, к чужой парадной.

– Эге, Сима вылез! ... – удивленно присвистнул Мишка. – Знакомство никак завел. – По лестнице, куда шел Сима, жила Людмила.

Сима подошел к парадной и стал медленно прохаживаться – взад-вперед, – нерешительно поглядывая в темный проем лестницы.

– Поджидает, – усмехнулся Круглый Толик, – Людмилку свою.

– А может быть, вовсе не Людмилку, – вставил Кешка.

– Чего он тогда там делает? Может, воздухом дышит?

– Может, – согласился Кешка.

Мишка слушал, как они пререкаются, и о чем-то размышлял.

– Пора действовать, – неожиданно вмешался он. – Пошли, поговорим с этим Симой.

– Пошли, – поддержал Толик.

Мишка и Круглый Толик плечом к плечу тронулись вперед. Кешка тоже пристроился к ним.

Заметив надвигающуюся на него армию, Сима поднял голову, как всегда покраснел и улыбнулся робко.

– Ты чего?.. – начал Мишка. – Чего тут?.. Ну, че?

Сима покраснел еще гуще. Пробормотал:

– Ничего... Хожу.

Мишка подался немного вперед.

– Ты что, может, нас за людей не считаешь?.. Да?.. Может, ты храбрый?.. Пойдем перекинемся....

Сима обвел всех ребят своими большими глазами.

– А я разве вам сделал что?

– А мы тебя бить не собираемся, – разъяснил ему Мишка, – мы это всегда успеем... Я говорю, пойдем, перекинемся один на один...

Посмотрим, что ты за страус такой необыкновенный, что к нам подходить не желаешь.

– С тобой? – переспросил Сима... – Так ведь грязно очень.

Ребята дружно захохотали. А Мишка презрительно оглядел Симу с ног до головы.

– Может, тебе персидский ковер постелить?

Сима прижал к себе черный альбом, потоптался на месте и попросил:

– Обождем, а... когда солнце будет?

Хохот был ему ответом. Когда ребята насмеялись вдоволь, Мишка шагнул вперед, рванул из Симиных рук альбом.

– Солнца ему надо... Ну-ка, дай поглядеть!

Сима побледнел, вцепился было в Мишкину руку, но его тут же оттеснили ребята.

А Мишка уже раскрыл черные коленкоровые обложки. На первой странице альбома красивыми цветными буквами было выведено: «Учительнице Марии Алексеевне от Коли Григорьева».

– Подхалимством занимается... Ясно! – Миша произнес эти слова тоном, будто ничего другого не ожидал.

– Отдайте альбом, – просил за спинами ребят Сима, а Мишка кричал.

– Ты, подхалим, не очень, а то я и солнышка дожидаться не стану, отпущу тебе порцию макарон по шее!

Кешка стоял рядом с Мишкой и торопил его:

– Переворачивай дальше, чего ждешь?

На следующей странице был нарисован парусный корабль. На палубе у мачты стоял капитан.

– Ух, здорово!..

Ребята плотнее окружили Мишку. Другие страницы альбома тоже были с рисунками. Каравеллы, фрегаты, крейсера, подводные лодки. И ни один корабль не стоял на месте, все или вперед. Бушевали акварельные штормы, тайфуны.

Кешка подпрыгнул от восторга. Он толкал Мишку под локоть, просил:

– Мишка, дай картиночку?.. Ну, Мишка же...

Все забыли, что альбом принадлежал Симе.

Мишка закрыл обложки и посмотрел на художника:

– Ты, подхалим Сима, слушай... Поступим по чести и по совести. Чтобы ты не подлизывался к учителям в другой раз, раз-

дадим твои картинки всем, кто захочет. Понятно? – и, не дожидаясь ответа, закричал: – А ну, подходи! Красивые картинки из морской жизни!..

Мишка скомкал первую страницу с надписью и принялся раздавать картинки.

Кешка получил четырехтрубный крейсер «Варяг», фрегат с черным пиратским флагом.

Раздав все картинки, Мишка подошел к Симе и толкнул его в грудь.

– Проваливай теперь!.. Слышишь?

Губы у Симы задрожали, он закрыл глаза кулаками в серых вязаных перчатках и, вздрагивая, пошел к своей лестнице.

– За солнышком следи! – крикнул ему вдогонку Мишка.

Ребята хвастали друг перед другом трофеями. Но их победное веселье было неожиданно нарушено. В дверях парадной появилась Людмила.

– Эй вы, дайте мне картинок, а то все расскажу про вас... Расскажу, что вы бандиты... Зачем Симу обидели?

– Ну, что я говорил? Они друг с другом заодно.

Людмила вспыхнула.

– Хулиганы, и вовсе я с этим Симой не знакома...

У пленницы, в излюбленном своем месте, мальчишки снова начали рассматривать рисунки. Один Мишка сидел, понурясь.

– Это какая учительница Мария Алексеевна? – бормотал он – Может, которая по Людмилиной лестнице живет?..

– Придумал... Она уже третий год в школе не работает, на пенсию ушла. – беспечно возразил Круглый Толик.

Мишка поднялся и, оборотясь к ребятам, стал отбирать картинки:

– Давайте, давайте, говорю...

Мишка собрал все листы, вложил их обратно в альбом. Только первой страницы с посвящением не хватало, она была безвозвратно испорчена. Мишка разгладил ее на колене и тоже сунул под обложку.

На другой день в небе хозяйничало солнце. Оно залило всю землю свежей, сверкающей силой. Оно распустило снежную жижу и веселыми потоками погнало ее к люкам посреди двора.

Мальчишки строили из кирпичей плотину. Ребята носили кирпичи, песок, щепки... И вот тут они заметили Симу.

Сима стоял неподалеку от ворот с портфелем в руках, словно раздумывал, куда ему идти – домой или к ребятам.

– А, Сима! – закричал Мишка. – Солнышко на небе... Сухо, смо-

три. – Мишка показал на большую подсохшую плешину. – Ну что скажешь?

– Может, подушку принести? – съязвил Толик.

Ребята смеялись, наперебой предлагали свои услуги: ковры, половики и даже солому, чтобы Симе не было жестко. А Сима немного постоял на прежнем месте и двинулся к ребятам. Разговоры тотчас смолкли.

– Давай, – просто сказал Сима.

Мишка поднялся, вытер мокрые руки об штаны, сбросил пальто.

– До первой крови или на всю силу?

– На всю силу, – не слишком громко, но очень решительно ответил Сима. – Побезденным считается тот, кто скажет: «Хватит, сдаюсь...».

Мальчишки расступились в кружок. Сима повесил свой портфель на один гвоздь с Мишкиной сумкой, снял пальто, завязал шарф вокруг шеи потуже и встал против Мишки.

Мишка поднял кулаки к груди, заскакал вокруг Симы. Сима тоже выставил кулаки, но по всему было видно, что драться он не умеет. Как только Мишка приблизился, он сунул руку вперед, пытаясь достать Мишкину грудь, и тут же получил удар по уху.

Ребята думали, что он заревет, побежит жаловаться, но Сима поджал губы и замахал руками, как мельница. Он наступал. Месил кулаками воздух. Иногда его удары доставали Мишку, но тот подставлял под них локти. Сима устал и тут же получил еще одну затрецину. Да такую, что не удержался и сел на асфальт.

– Ну, может, хватит? – спросил Мишка неожиданно миролюбиво.

Сима помотал головой, поднялся и снова замолотил руками.

Зрители подпрыгивали, дергали руками.

– Мишка, да что ты сегодня!.. Миша, дай!

И только один из ребят вдруг крикнул:

– Сима, держись!.. Сима, дай! – это кричал Кешка. – Да что ты руками-то машешь? Ты бей...

Мишка дрался без особого азарта.

– Атаc! – вдруг крикнул Толик и первый бросился в подворотню. К поленнице торопливо шла Людмилакина мать; чуть поодаль выступила Людмила. Заметив, что мальчишки разбегаются, Людмилакина мать прибавила шагу.

– Я вас, хулиганы!..

Мишка схватил свое пальто и шмыгнул в подворотню, где уже скрылись все зрители.

– За что они тебя били, мальчик? – строго спросила Симу Людмилакина мать.

– А они меня и не били вовсе, – угрюмо ответил Сима.

– Но я же сама видела, как эти хулиганы...

– Это был поединок. По всем правилам... И вовсе они не хулиганы. Сима надел пальто, снял с гвоздя свой портфель, пошел было прочь. Но тут Людмилакина мать спросила:

– А это чья сумка?

Мишкина! – выкрикнула Людмилакина. – Нужно ее взять. Мишка тогда сам придет.

Кешке из-за поленницы все было слышно. Он выскочил, сказал: «Это моя сумка», – подхватил Симу под руку, и они побежали к Кешкиной парадной. В парадной мальчишки перевели дух, сели на ступеньку лестницы.

– Меня Кешкой зовут, – представился Кешка, – тебе не очень больно?..

– Нет, не очень...

Они еще немного посидели, послушали, как Людмилакина мать грозит сходить в милицию, в отдел борьбы с безнадзорностью.

– Ты этот альбом своей учительнице подарить хотел? – спросил вдруг Кешка.

Сима отвернулся.

– Нет, Марии Алексеевне. Она на пенсии давно. Когда я заболел, она узнала откуда-то и пришла. Два месяца со мной занималась, бесплатно. Я ей специально этот альбом рисовал.

Кешка свистнул. А вечером пришел к Мишке:

– Мишка, отдай Симе альбом. Это когда он болел, так Мария Алексеевна с ним занималась... бесплатно...

– Сам знаю, – ответил Мишка.

Весь вечер он разговаривал с Кешкой не очень любезно, отворачивался, старался не смотреть в глаза. Кешка знал Мишку и знал, что неспроста это, что Мишка чем-то расстроен. А на следующий день случилось вот что.

Ближе к вечеру Сима вышел во двор. Он по-прежнему шел опустив голову и покраснел, когда к нему подскочили Мишка с Толиком. Он, наверное, думал, что опять его позовут драться, вчера никто не сдался, а ведь нужно довести до конца это дело. Но Мишка сунул ему свою красную мокрую руку.

– Ладно, Сима, мир.

– Пойдем с нами водохранилище делать, – предложил Толик. – Ты не стесняйся, дразнить не будем... А, Сима?

Большие Симины глаза засветились, потому что приятно человеку, когда сам Мишка смотрел на него, как на равного, и первый подает руку.

– Ты ему альбом отдай! – зашипел Кешика Мишке на ухо.

Мишка нахмурился и ничего не ответил.

Маленькая старушка в пуховом платке подошла к Симе, придирчиво осмотрела его пальто, шарф.

– Застегнись, Коля! Ты опять простудишься... – Потом посмотрела на него ласково и добавила: – Спасибо за подарок.

Сима покраснел густо и пробормотал, стыдясь:

– Какой подарок?..

– Альбом. – Старушка оглядела ребят, словно уличая их в соучастии, и торжественно произнесла: «Дорогой учительнице Марии Алексеевне, хорошему человеку».

Сима покраснел еще гуще. Он не знал, куда деться, он страдал.

– Я не писал такого...

– Писал, писал! – вдруг захлопал в ладоши Кешика... – Он нам этот альбом показывал, с кораблями...

Мишка встал рядом с Симой, посмотрел на старушку и сказал убежденно:

– Конечно, писал... Только он нас стесняется, – думает, что мы его подхалимом дразнить будем. Чудак!..

Вопросы к обсуждению:

1. Почему, еще не зная мальчика, ребята невзлюбили его? Как истолковали его внешний вид? За что дали ему обидное прозвище? Почему отобрали альбом с рисунками? Совпадает ли ход мысли ребят при виде новенького мальчика с вашими размышлениями о его внешности? Как объяснить, что Колю Григорьева мальчишки прозвали Симой?

2. Каким Сима выглядел и каким был на самом деле? Что заставило ребят изменить отношение к нему? С какого момента произошел поворот в их отношении к Симе?

3. Что вы скажете о Мишке? Проследите, как менялось его отношение к Симе. Какое значение в этом имел разговор с Людмилкой?

Почему именно после разговора Мишка стал отбирать у ребят картинки, принадлежавшие Симе?

4. Как объяснить, что Мишка дрался с Симой не в полную силу и был неразговорчив весь вечер, стараясь не глядеть в глаза своим товарищам? Почему он предложил Симе мир?

5. Как вы относитесь к тому, что ребята сами преподнесли подарок учительнице, за который раньше осуждали Симу? О чем говорит сделанная ими новая надпись на альбоме?

6. Приходилось ли вам ошибаться в людях и попадать в ситуацию, подобную той, в какой оказались Сима и мальчишки с одного двора?

7. Какие люди у вас вызывают симпатию, а какие – нет? Как вы обычно узнаете, что за человек перед вами: хороший он или плохой?

О рассказе Анатолия Алексина «Третий в пятом ряду»

«Я люблю читать произведения Анатолия Алексина, – пишет школьница в издательство, выпустившее в свет сборник рассказов писателя. – Они заставляют задуматься над характерами людей. Эти характеры не всегда разгадаешь с первого взгляда. Они только кажутся ясными, а на самом деле надо много думать, чтобы понять их. Например, отец Сережи в оценке сына – образцовый человек, а сам Сережа – "неправильный" («Тем временем где-то»). Но если вдуматься и сопоставить факты, то все наоборот. И такие парадоксы в его произведениях на каждом шагу». Парадоксален в этом смысле и «Третий в пятом ряду». Отчаянные, граничащие с хулиганством, поступки Вани Белова заставляют предполагать в нем эгоиста, не умеющего думать о других. Это его имеет в виду старая Вера Матвеевна, педагог с тридцатилетним стажем, говоря: «Познать характер гораздо труднее, чем судьбы». Только на виду большой беды, случившейся в ее жизни, она пришла к переоценке своего бывшего «злого гения» и увидела его таким, каким он был на самом деле – героем, умевшим «думать о других гораздо больше, чем другие о нем». Цель обсуждения – проникнуть в суть характера Вани Белова, увидеть в нем то, чего не увидишь с первого взгляда – мотивы его поведения, направленные на защиту и помощь другим.

Фрагменты рассказа:

*... В*моей комнате, над столом, висели фотографии классов, в которых я преподавала литературу и русский язык. Или была к тому же еще классной руководительницей. На фотографиях первые ряды полулежали, вторые сидели, а третьи и четвертые обычно стояли. На одной фотографии рядов было пять... Рыжий парень, который на черно-белом снимке выглядел просто светловолосым, в отличие от других улыбался. Он был третьим в том самом пятом ряду.

Я уже давно объяснила внучке, что это Ваня Белов, а рядом с ним стоит ее папа. Ваня поспорил в тот день, что сможет удержаться на стуле, который будет поставлен на другой стул. Так образовался дополнительный ряд, которого не было больше ни на одном снимке. Папа внучки последовал за приятелем, хотя еле удерживался на этом сооружении. И еще чуть не падал со стула Сеня Голубкин, который всегда мечтал стоять выше других.

А Ваня Белов улыбался. Это был мой злой гений. Я рассказывала внучке о его проделках, чтобы она никогда ничего подобного в жизни не совершала.

Однажды Ваня Белов на глазах у всей улицы прошел по карнизу третьего этажа, и, появившись в окне нашего класса, сказал: «Разрешите войти?».

– Как такое могло случиться? – в этот же день спросил у меня директор.

– Ваня Белов... – ответила я.

В другой раз он объявил голодовку... Ему показалось, что я несправедливо поставила двойку одному из учеников. Ваня подошел на перемене ко мне и тихо сказал:

– Вы, Вера Матвеевна, не задавали нам то, о чем спрашивали.

– Но и того, что я задавала, он тоже не знал...как следует.

– Как следует? Может быть. Но ведь за это не ставят двойку.

– Она уже в классном журнале!

– Но ее можно исправить.

– Нельзя!

– Вы должны это сделать!

– Никогда...

– Простите меня, Вера Матвеевна, но я буду протестовать.

– Каким образом?

– Объявляю голодовку!

Я улыбнулась и махнула рукой. Но в буфет он в тот день не ходил. Я проверила: не ходил и на следующий день. Вечером я пошла к родителям Вани. Беловы жили рядом со школой через дорогу.

– Что-то случилось? – спросила мать, как бы придерживая сердце рукой. – Что он там?

– Не беспокойтесь.

– Как же не беспокоиться? Для него живем.

Самое уютное место в комнате было отведено столу, на котором лежали Ванин портфель, тетрадки и книжки. Над столом висело расписание школьных уроков. И та самая фотография, где он был третьим в пятом ряду.

– Не беспокойтесь, – сказала я. – Он учится хорошо. Выдвинут на математическую олимпиаду!

– Слава богу! – сказал мать.

Тут я отважилась и спросила:

– Скажите, он... ест?

– Перестал... – со страхом ответила Ванина мама. – Только воду пьет... Даже хлеба в рот не берет. Я спросила: «Может, что с животом?» А он говорит: «Нет аппетита!». Уже второй день нету...

«А ведь так он выжмет из меня все, что захочет!» – подумала я. И на следующий день в присутствии Вани исправила тому ученику двойку на тройку. Я только не сказала внучке, что тем учеником был ее папа.

...Я знала, что за моим взаимоотношением следит, кроме Вани, еще один человек, Это был Сеня Голубкин. Он болезненно переживал чужие успехи. Ему всюду чудились выгоды и привилегии, которыми обладают другие. Если кто-то заболел, Сенька говорил: «Ясно... Решил отдохнуть!» Если кто-то получал пятерку за домашнее сочинение, он спрашивал: «Что? Мамочка с папочкой потрудились?»

...На 8 «В» надвигалась контрольная по математике. Собираясь в тот день в школу, Володя, мой сын, мечтал, чтобы с математикой что-нибудь приключилось. Я, конечно, сказала, что мечтать об этом бесчеловечно...

...И тут ее заперли. Повернули ключ со стороны коридора – и мечта Володи осуществилась: математичка застряла. Контрольная была сорвана. Я поняла, что пробил час Сеньки Голубкина! Математичка не захотела присутствовать при разборе этого «дела».

Я обвиняла сына. Но вдруг с задней парты раздался голос Вани Белова:

– При чем здесь Володя? Это я ее запер.

– Ты ... боялся контрольной по математике? – изумленно спросила я.

– Чувство коллективизма! – ответил Ваня Белов. И сел.

– Ты, Ваня, должен извиниться перед учительницей, – растерянно произнесла я.

– А я когда заперал, крикнул ей: «Извините, пожалуйста!»...

Меня вызвал директор школы:

– Что, опять Ваня Белов?

– Опять. Но с другой стороны.

– Пора принимать меры!

– Пора, – ответила я.

И дождавшись конца учебного года, перебралась вместе с Володей в другую школу. Она была дальше от нашего дома... Но зато дальше и от Вани Белова! Я совершила тот давний побег в другую школу, чтобы спастись от Ваниной отчаянности и отваги. Но, покинув школу, я часто вспоминала о Ване Белове.

Однажды, когда Володя и Ваня учились еще в шестом классе, был назначен «районный» диктант. Решили очередной раз проверить, насколько грамотны в нашем районе двенадцатилетние. Диктант был изоциренно трудным. Сеня Голубкин был в панике: двойка за тот диктант грозила ему второгодничеством. После диктанта Сенька бегал по коридору и выспрашивал у своих одноклассников:

– Как пишется «в течение»? Вместе или отдельно?

– Отдельно, – отвечали ему.

– Одна ошшибочка есть! – говорил он. И загибал палец. Чужие успехи его убивали. Ему казалось, что любые удачи приходят к людям как бы за его, Сенькин, счет. Зависть, в которой я всегда видела исток многих человеческих слабостей и пороков, не оставляла Сеньку в покое.

– Та-ак... Еще одна ошшибочка! – восклицал он и загибал следующий палец с таким видом, будто все кругом были виноваты в этой его ошшибке. После «районного» диктанта у Сеньки не хватило пальцев на обеих руках. Он насчитал двенадцать ошшибок. Кроме запятых и тире...

На переменке ко мне подошел Ваня Белов.

– Что ж, Вера Матвеевна, Голубкину теперь на второй год оставаться?

– Не знаю. Еще не проверяла.

Когда я уселась в учительской за тетради, оказалось, что шесть работ из пачки исчезли. Среди них были диктанты Сени Голубкина, Володи и Вани.

На большой перемене мы с директором в опустевшем классе стали пробиваться к голубкинской совести. Путь оказался непроходимым... Именно тогда, в разгар нашей беседы, в окне появился Ваня Белов и сказал: «Разрешите войти?».

Мы онемели. А Ваня оглянулся, смерил расстояние от третьего этажа до тротуара и, повернувшись к нам, спокойно сказал: «Я явился, чтобы отдать себя в руки правосудия!».

Нет, я не верила, что диктанты вытащил он. Но доказать этого я не могла. Директор тогда согласился с моей версией, подчеркнул, однако, что рыцарство тоже должно знать пределы... Но что не стоит превращать класс в комнату следователя. Для очистки совести я все же сказала Ване:

– Не верю, что ты способен на подобную дерзость!

– А пройти по карнизу третьего этажа – это не дерзость?

Мне стало ясно, зачем он появился в окне: мы должны были поверить, что он способен на все!

Тут же, после уроков, я продиктовала диктант тем шестерым, работы которых исчезли. Сеня Голубкин получил тройку, поскольку уже успел обнаружить на перемене свои ошибки. И перешел в седьмой класс.

Он не проникся благодарностью к Ване Белову. Напротив, именно с тех пор Сенька его невзлюбил. Он не простил благородства, как не прощал грамотности тем, кто ему же помогал находить ошибки. Ваня Белов это понял.

Чтобы направить энергию Вани в нужное русло, я, помнится, в седьмом классе назначила его редактором стенгазеты. Для начала Ваня завел на ее столбцах анкету: «Что о нас думают наши учителя?» Я написала, что люблю их всех, что поэтому бываю недовольна ими, строга и что желаю им счастья.

Следующая анкета называлась иначе: «Что мы думаем о наших учителях?». В этом номере Ваня спорил со мной: «Нельзя, я думаю, любить всех на свете людей. А мы – тоже люди. Я бы, например, не смог полюбить Сеньку Голубкина!». Так прямо и написал. Не побоялся Сеньку.

– Он помнил лишь о себе. И о своих выдумках... – сказала я как-то

своей внучке. Это была неправда. Он думал о других гораздо больше, чем другие о нем. Но для Вани это было неважно: совершая свои «спасательные экспедиции», он никогда ни за что не платил и ничего не желал взамен. У Вани был с в о й характер. Неподчинявшийся... А я в те годы, не отдавая себе отчета, стремилась привести все сорок три характера своих учеников к общему знаменателю. И этим знаменателем была я сама. О судьбах учеников мне хотелось знать все. Но оказалось, что познать характеры гораздо труднее, чем судьбы.

Прошло больше двадцати лет. Из того, прошлого Вани, который мог ради спасения Сени Голубкина пройти по карнизу третьего этажа, получился хирург. «Хирурги, – думала я, – ведь тоже должны помогать всем. Кто нуждается в них, – независимо от достоинств и качеств»...

– Ваня-то как? Где он? – спросила я, навестив в Москве его родителей. Они провели меня в комнату.

В самом уютном месте стоял стол, а над ним висела та же самая фотография, где он был третьим в пятом ряду.

Ну как он? – снова спросила я. Ванина мама подошла к столу, выдвинула ящик и протянула мне небольшой листок. Там было написано, что 27 апреля 1945 года их сын, Иван Андреевич Белов, пал смертью храбрых в боях за город Пенцлау.

Я никогда не слышала о таком городе...

Вопросы к обсуждению:

1. Почему рассказ называется «Третий в пятом ряду»? Чем этот «третий» отличается от двух других из пятого ряда? Вера Матвеевна назвала его «злой гений». Согласны ли вы с таким определением этого ученика?

2. Какой жизненный урок вынесла Вера Матвеевна из отношений с не подчинявшимся учеником Ваней Беловым? Зачем она рассказала о нем своей внучке? Почему в свое время она разлучила с ним собственного сына? Как вы объясните чувство вины, возникшее у нее перед своим учеником много лет спустя? Почему у нее возникла острая потребность разыскать Ваню Белова через двадцать с лишним лет?

3. Каким видела Вера Матвеевна Ваню Белова раньше и каким, спустя много лет, она увидела его в своих воспоминаниях? Что заставило так круто переоценить поведение ученика? Как объяснить

противоречие в суждениях – внучке она говорила: «Он помнил лишь о себе и своих выдумках». А для себя сделала вывод: «Он думал о других гораздо больше, чем другие о нем».

4. Случайно ли Ваня Белов, Сеня Голубкин и Володя – сын Веры Матвеевны – оказались вместе в пятом ряду? Ваня Белов и Сеня Голубкин оба осложняли жизнь Вере Матвеевне, но почему в трудную минуту ей захотелось увидеть первого, а не второго?

5. С кем из знакомых вам литературных героев или реальных людей можно сравнить Ваню Белова? Какая главная черта их характера, отличающая от многих других?

О рассказе Юрия Яковлева «Багульник»

Молодую учительницу Евгению Ивановну, которую дети между собой звали Женечка, раздражало в Косте то, что на уроках он зевал. Ей казалось, что он зевает от скуки. Выяснить причину у такого «молчальника», каким был он, ей не удавалось. И вообще молчальников учителя не любят – от них слова не добьешься. К таким люди относятся с недоверием. «Никто не знает, что у них, молчальников, на уме: плохое или хорошее». Необъяснимым казалось и то, что он принес в класс пучок тонких прутиков и поставил их в банку с водой. Их кто-то из школьников использовал в качестве веника, но Костя отнял «веник» и снова поставил в воду. Дети и сама Женечка посмеивались над ним. Но однажды прутики зацвели маленькими светло-лиловыми цветами и из почек прорезались листья. Это был багульник. Среди зимы улавливались в классе его тонкие ароматы, которые радовали. Молчальник в представлениях одноклассников превратился в волшебника. Но одно оставалось тайной, почему он стремглав по последнему звонку, как по сигналу ракеты, мчался с уроков из школы. Учительница стала присматриваться к нему и решила разузнать о его жизни побольше.

Оказалось, что он, покинув школу, устремлялся к своим собакам, которые ждали его. Это были собаки чужих хозяев, которые по тем или иным причинам не могли ухаживать за своими питомцами – уехали, заболели или погибли. Эти обязанности и взял на себя Костя. Он бескорыстно заботился об этих брошенных существах. Учительница, выследившая Костю после уроков, увидела, как он кормит и выгуливает собак. Совсем другими глазами она посмотрела на своего ученика. Как «прутики» багульника, так и душа самой учительницы

по отношению к Косте преобразилась. Да и сам молчальник подобно веткам багульника раскрыл свою красоту и нежность по отношению к существам, которых он спасал от гибели. Это рассказ о том, как учитель учится у ребенка доброте и сердечности, ответственности за порученное дело. Странный молчальник открылся читателю светлой стороной своей души.

Цель обсуждения – открытие души ребенка, проявленной в милосердии к тем, кто нуждается в этом больше всего.

Текст рассказа:

Он вызывающе зевал на уроках... Потом энергично тряс головой – разгоняя сон – и уставлялся на доску. А через несколько минут снова зевал.

– Почему ты зеваешь?! – раздраженно спрашивала Женечка. Она была уверена, что он зевает от скуки. Расспрашивать его было бесполезно: он был молчальником. Зевал потому, что всегда хотел спать. Он принес в класс пучок тонких прутиков и поставил их в банку с водой. И все посмеивались над прутиками, и кто-то даже пытался подмести ими пол, как веником. Он отнял и снова поставил в воду. Он каждый день менял воду.

И Женечка посмеивалась.

Но однажды веник зацвел. Прутики покрылись маленькими светло-лиловыми цветами, похожими на фиалки. Из набухших почек-узелков прорезались листья, светло-зеленые, ложечкой. А за окном еще поблескивали кристаллики уходящего снега.

Все толпились у окна. Разглядывали. Старались уловить тонкий сладковатый аромат. И шумно дышали. И спрашивали, что за растение, почему оно цветет.

– Багульник! – буркнул он и пошел прочь.

Люди недоверчиво относятся к молчальникам. Никто не знает, что у них на уме: плохое или хорошее. На всякий случай думают, что плохое.

Когда багульник зацвел, все забыли, что Костя молчальник. Подумали, что он волшебник. И Женечка стала присматриваться к нему с нескрываемым любопытством.

Женечкой за глаза звали Евгению Ивановну. Маленькая, худая, волосы конским хвостиком, воротник хомутиком. На улице ее никто не принимал за учительницу.

Женечка обратила внимание, что каждый раз, когда раздавался звонок с последнего урока, Костя вскакивал и сломя голову выбегал из класса. С грохотом скатывался с лестницы, хватал пальто и, на ходу, попадая в рукава, скрывался за дверь. Куда он мчался?..

Однажды Женечка не выдержала и бросилась вдогонку. Она вылетела из класса и увидела его в тот момент, когда он неся к выходу. Она выскользнула в дверь и устремилась за ним на улицу. Прячась за спины прохожих, она бежала, стараясь не стучать каблуками. Она превратилась в следопыта.

Костя добежал до своего дома, исчез в подъезде и минут через пять появился снова. За это время он успел бросить портфель, не раздеваясь проглотить холодный обед, набить карманы хлебом и остатками обеда. Женечка поджидала его за выступом зеленого дома. Он пронесся мимо нее. Она поспешила за ним. И прохожим не приходило в голову, что бегущая девушка не Женечка, а Евгения Ивановна.

Костя нырнул в кривой переулок и скрылся в парадном. Он позвонил в дверь. И сразу послышалось какое-то странное подвывание и царапанье сильной когтистой лапы. Потом завывание перешло в непрерывный лай, а царапанье – в барабанную дробь.

– Тише, Артюша, подожди! – крикнул Костя.

Дверь отворилась, и огненно-рыжий пес бросился на Костю, положил передние лапы на плечи мальчику и стал лизать длинным розовым языком нос, глаза, подбородок.

– Артюша, перестань!

Куда там! На лестнице послышался лай и грохот, и оба – мальчик и собака – с невероятной скоростью устремились вниз... Артюша кружился по двору. При этом лаял, подскакивал и все норовил лизнуть Костю в щеки или в нос. Так они бегали, догоняя друг друга. А потом нехотя шли домой.

Их встречал худой человек с костылем. Собака терлась о его единственную ногу. Длинные мягкие уши сеттера напоминали уши зимней шапки, только не было завязочек.

– Вот погуляли. До завтра, – сказал Костя.

– Спасибо. До завтра.

Артюша скрылся, и на лестнице стало темнее, словно погасили костер.

Теперь пришлось бежать три квартала. До двухэтажного дома с балконом, который находился в глубине двора. На балконе стоял пес

боксер. Скуластый, с коротким обрубленным хвостом, он стоял на задних лапах, а передние положил на перила. Боксер не сводил глаз с ворот. И когда появился Костя, глаза собаки загорелись радостью.

– Атилла! – крикнул Костя, вбегая во двор.

Боксер тихо взвизгнул от счастья. Костя подбежал к сараю, взял лестницу и потащил ее к балкону. Когда Костя наконец приставил лестницу к перилам балкона, боксер спустился по ней на землю.

Костя достал припасы, завернутые в газету. Боксер был голоден. Он ел жадно. Когда собачий обед кончился, Костя похлопал пса по спине, прицепил к ошейнику поводок, и они отправились на прогулку.

Женечка слышала, как дворничиха им вслед сказала:

– Выставили собаку на балкон и уехали. А она хоть помирай с голоду!

Когда Костя уходил, боксер провожал его глазами, полными преданности. Но Костя спешил дальше.

В соседнем доме на первом этаже болел парнишка – был прикован к постели. У него была такса.

Женечка стояла под окнами и слышала разговор Кости и больного мальчика.

– Она тебя ждет, – говорил больной.

– Ты болей, не волнуйся, – слышался голос Кости.

– Я болею... не волнуюсь, – отвечал больной. – Мать хочет продать Лапти. Ей утром некогда с ним гулять.

– Приду утром, – после некоторого раздумья отвечал Костя. – Только очень рано, до школы.

– Тебе не попадет дома?

– Ничего... тяну на тройки... Только спать хочется, поздно уроки делаю. Ну мы пошли... Ты болей... Не волнуйся. Пошли, Лапоть!

Таксу звали Лаптем. Костя вышел, держа собаку под мышкой. И вскоре они уже шагали по тротуару. Женечка шла за таксой. Ей хотелось заговорить с Костей. Расспросить его о собаках, которых он кормил, выгуливал, поддерживал в них веру в человека. Но она молча шла по следам своего ученика, который отвратительно зевал на уроках и слыл молчальником. Теперь он менялся в ее глазах, как веточка багульника.

Но вот Лапоть отгулял и вернулся домой. Костя двинулся дальше. Он вышел на берег. Неожиданно вдалеке, на самой кромке берега, возникла собака. Она стояла неподвижно, в странном оцепенении. Боль-

шеголовая, с острыми лопатками, с опущенным хвостом. Ее взгляд был устремлен в море. Она ждала кого-то с моря.

Костя подошел к собаке, но она даже не повернула головы, словно не слышала его шагов. Мальчик присел на корточки и разложил перед собакой хлеб и остатки своего обеда, завернутого в газету. Собака не оживилась. Костя стал поглаживать и уговаривать:

– Ну поешь... Ну поешь немного...

Собака посмотрела на него большими впальными глазами и снова обратила взгляд к морю... Костя взял кусок хлеба и поднес ко рту собаки. Та вздохнула глубоко и принялась медленно жевать хлеб.

Когда все было съедено, Костя сказал:

– Идем. Погуляем.

Собака снова посмотрела на мальчика и послушно зашагала рядом. Мальчик и собака шли не спеша, а Женечка слышала, как Костя говорил собаке:

– Ты хороший... Ты верный... Пойдем со мной. Он никогда не вернется. Он погиб.

Собака молчала. Она не отрывала глаз от моря. Ждала.

– Что же мне с тобой делать? – спросил мальчик. – Нельзя же жить одной на берегу моря. Когда-нибудь надо уйти.

Рыбацкая сеть кончилась. Костя оглянулся и увидел учительницу. Она стояла на песке босая, а туфли держала под мышкой. Женечка подошла к собаке. Собака глухо зарычала, но не залаяла, не бросилась на нее.

– Я ей сделал дом из старой лодки. Подкармливаю. Она очень тоская. Собаки всегда ждут. Даже погибших... Им надо помочь.

Костя и Женечка проводили собаку до ее бесшумного поста, где неподалеку от воды лежала перевернутая лодка, подпертая чурбаком, чтобы под нее можно было забраться. Собака подошла к воде. Села на песок. И снова застыла в своем вечном ожидании.

Обратно учительница и ученик шли вместе.

На другой день в конце последнего урока Костя уснул. Он зевал, зевал, но потом уронил голову на согнутый локоть и уснул. Сперва никто не замечал, что он спит. Потом кто-то захихикал.

И Женечка увидела, что он спит.

– Тихо, – сказала она. – Совсем тихо. Вы знаете, почему он уснул? – шепотом произнесла Евгения Ивановна. – Я вам расскажу... Он гуляет с чужими собаками. Кормит их. Собаки всегда ждут. Даже погибших... Им надо помочь...

Зазвенел звонок с последнего урока. Он звенел громко и протяжно. Но Костя не слышал звонка. Он спал.

Евгения Ивановна – Женечка – склонилась над спящим мальчиком, положила руку ему на плечо и легонько потрясла. Он вздрогнул и открыл глаза.

– Звонок с последнего урока, – сказала Женечка, – тебе пора.

Костя вскочил. Схватил портфель. И в следующее мгновение скрылся за дверью.

Вопросы к обсуждению:

1. Какое отношение к Косте сложилось в классе? Почему мальчика прозвали «молчальником»? Был ли он таким на самом деле?

2. Как класс отреагировал на принесенные Костей в класс прутьики, какие он поставил в банку с водой?

3. С какого момента ребята изменили свое отношение к Косте? Почему «молчальник», с их точки зрения, превратился в волшебника? Каким же Костя был на самом деле?

4. Какой загадочной жизнью жил Костя за пределами школы? Куда он так стремительно несся после звонка? Считаете ли вы его дело важным?

5. Почему «молчальник» в школе был разговорчив в общении с собаками? Чем объяснить их взаимную любовь друг к другу?

6. Как объяснить, что сонливость Кости, сначала так раздражавшая учительницу Женечку, перестала ее раздражать? Что значат последние слова рассказа, произнесенные Женечкой: «Тебе пора».

7. Верность собакам со стороны Кости и верность самих собак своим хозяевам, как они соединились в рассказе?

8. Костя поддерживал в собаках веру в человека? А как поддерживает веру в человека сам рассказ?

9. Героем рассказа, как мы убедились, является школьник Костя. Почему же рассказ назван «Багульник»?

О рассказе Макса Бременера «Достойнейший»

Достоинством называют положительные моральные качества в человеке, в которых соединяется самоуважение с уважением других людей. В рассказе Бременера его герой назван достойнейшим, т.е.

проявившим достоинство в высшей степени. Именно таким считает себя главный герой рассказа, шестиклассник Михаил. Он полагает, что ему есть чем гордиться. Он хороший ученик, а главное, член исторического кружка школы. Он мнит из себя важную персону и потому исполнен чувства собственного достоинства, превосходства над другими. По мере развертывания содержания рассказа читатель убеждается, что высокомерие Михаила «дутое». Не так уж он безупречен, как думает о себе. Однако чувство превосходства у Михаила постепенно пропадает, когда он начинает сравнивать себя с Сашей Тростянским – тоже членом кружка. Узнавая Сашу по рассказам о нем учителя Прокофия Семеновича, Михаил начинает понимать себя, что никакой он не исследователь исторического прошлого Южной части Черного моря. Что приехал он сюда не для целей изучения истории, а чтобы попутаться в море. Что «достоинейшим из достойных» является не он, а Саша, которого из-за нечестности Михаила не взяли в экспедицию. У Михаила возникает чувство вины перед приятелем. Положение можно было исправить только через год: в следующую экспедицию взять Сашу непременно. Но началась война, детей эвакуировали и было не до экспедиции. Михаил оказался на Урале в интернате, а Саша никуда не уехал, а стал помогать взрослым рыть противотанковые траншеи, чтобы преградить дорогу фашистам, рвущимся к Москве. От вражеской бомбы Саша погибает, так и не побывав на месте греческой колонизации, обитавшей на берегу Черного моря в давние времена. Его портрет висит на стене школы в ряду других учеников, погибших за Родину. Саша Тростянский, так и не побывавший в исторической экспедиции, вошел в историю школы.

Повесть вызывает чувство щемящей боли, что порой «достоинейшие» в кавычках люди оттесняют на задний план по-настоящему достойных людей, которые из-за скромности часто остаются в тени. Но именно они совершают подвиги и о них слагают песни. Обсуждение этого рассказа – это суровый разговор со старшеклассниками о жизни. О честности и бесчестии, справедливости и несправедливости, с чем каждому из них придется столкнуться в жизни.

Текст рассказа (в сокращении):

Я был учеником шестого класса и членом исторического кружка. Быть учеником шестого класса мне полагалось по возрасту, поэтому гордиться тут было нечем. А тем, что занимаюсь в историческом кружке, я гордился по праву: вся школа знала, что членом его может состоять лишь тот, кто «пытлив и деятелен в одно и то же время», как говорил наш руководитель Прокофий Семенович.

По-видимому, во мне сочетались оба достоинства. Я постоянно помнил об этом. Мне казалось, что все ребята также об этом помнят. Когда я шел по коридору в класс мимо секретничавших о чьем-то девочек, мне слышалось, будто они шепчут вслед: «Это Миша из шестого “Б”. Вот парень! Пытлив и деятелен...».

И я окидывал незнакомых девочек и мальчиков пронзительно-проницательным взглядом и удалялся энергичной, дружинистой походкой, как подобало, по моему мнению, исследователю и путешественнику.

Впрочем, путешественником мне только еще предстояло стать. Через две с половиной недели я впервые в жизни должен отправиться в поход. Мы собирались поездом доехать до Керчи, морем добраться до Феодосии, из Феодосии на автобусе прикатить в Ялту, затем пешком пройти по Южному берегу Крыма.

Вообще говоря, в ту пору мы грезили экспедициями... Мы гордились нашими полярными исследователями и тревожились за них. Прокофий Семенович первый объяснил нам, что исследователем можно быть не только на Севере. В течение зимы мы до мелких подробностей разработали с ним будущий маршрут. И вот от этого настоящего путешествия, путешествия наяву, меня отделяли лишь две недели.

Дело в том, что за две недели нужно было сдать весенние экзамены. А тот, кто получил бы на каком-нибудь экзамене «тройку», путешественником стать не мог. Так было у нас заведено не знаю с каких пор. Отбирали, по выражению Прокофия Семеновича, «достойнейших» из «достойных».

Я жгуче желал стать достойнейшим. Желание это стучало мне в сердце даже во сне. Я не отдыхал от него ни часа в сутки. Последним экзаменом была алгебра. На доске, разделенной надвое белой чертой, безукоризненно, как в букваре, были выписаны условия двух

задач. На левой стороне доски – для тех, кто сидит за партой слева, на правой – для их соседей.

Мгновенно я понял, что задача очень легкая! Настолько, что не стоило спешить. Ощущая полное и блаженное спокойствие, я даже поинтересовался задачей справа, которую не мне предстояло решать. Я растягивал время, чтобы не решить чересчур быстро. Потом меня потянуло на улицу, где солнце, где стучат волейбольным мячом, где меня встретят поздравлениями – семиклассник! И, большие уже не мешкая, я применил формулу, начал решать, решил буквенно, принялся за вычисления... Вот тут-то, когда я стал вычислять, моя уверенность не то чтобы исчезла, а перестала быть безоблачной. Дело в том, что цифры как-то неохотно делились. Говоря точнее, они были неподатливые... Впрочем, все еще могло бы кончиться хорошо. Лишь бы получилось в результате целое число... Но вот подсчеты проверены все, и ошибки в них нет. Значит, я напутал не в подсчетах. В самом решении?..

Заставляю себя снова, от начала до конца, прочитать задачу, как будто такую ясную. Просто я вижу, что применил не ту формулу. Придется начинать все с самого начала. Но тут открылось самое ужасное: я позабыл нужную формулу. Я стал лихорадочно рыться в памяти.

Череду моих мыслей оборвал шум: мальчик и девочка одновременно вышли из-за парт и по двум проходам двинулись в сторону учителя, неся перед собой сдвоенные тетрадные листки. Они протянули учителю свои работы. Это были отличники. У меня упало сердце. Два человека уже закончили работу, а я еще не начинал. И не могу начать.

Прошло еще пять минут, еще двое ребят покинули класс, и я подумал: «Сейчас тоже уйду. Сдам листочки с неправильными решениями и уйду. Не могу больше сидеть здесь».

Но только я собрался это сделать, как к столу учителя прошли трое ребят, третий на секунду замешкался возле моей парты, и на коленях у меня очутился тетрадный листок. Взглянул – на нем было решение задачи!

Так в одно мгновение все счастливо переменилось. Времени у меня, правда, оставалось мало, но писать быстро я умел.

Я сдал работу в числе последних, спустя два дня уже знал, что мне поставили «отлично», а спустя четыре дня вместе с Прокофием Семеновичем и десятью членами кружка выехал поездом в Крым.

2

И только в вагоне тронувшего вагона я узнал, что Саша Тростянский с нами не едет, он не будет участвовать в путешествии по Южному берегу. Его участие в путешествии как-то само собой разумелось.

Саша Тростянский не был моим другом. Но я относился к нему с большим любопытством и уважением, хотя иногда чувствовал свое превосходство. За один только последний год Саша сам собрал радиоприемник и фотоувеличитель. Но даже не это внушило мне к нему уважение. Саша не придавал своим достижениям никакого значения. Он не делал из них никакого события. Тростянский и лепил хорошо, однако ему в голову не приходило показать свои пластилиновые фигуры настоящим скульпторам. Когда я посоветовал ему это, он сказал: «Я же просто так... Что тут такого!».

Лишь свое увлечение историей он, должно быть, считал серьезным, потому что вступил в кружок и изредка советовался о чем-либо с Прокофием Семеновичем. В таких случаях они прохаживались, бывало, по коридору, причем оба держали руки за спиной и оба слегка горбились. Саша не робел перед Прокофием Семеновичем. Вообще же он был необыкновенно застенчив. Когда его вызывали отвечать, он смущался, и я чувствовал над ним превосходство: даже выучив урок кое-как, я сумел бы ответить лучше.

– Прокофий Семенович, почему Саша Тростянский не поехал? – спросил я у нашего руководителя.

– Саша? Он получил на испытаниях две четверки. Ну, и, как говорится, не прошел по конкурсу... Очень жаль.

– А если б я, допустим, получил на каком-нибудь испытании «плохо», тогда он поехал бы?

– Если бы ты получил двойку? – повторил Прокофий Семенович неторопливо. – Да, в этом случае, вероятно, Саша был бы сейчас на твоём месте. Но так как здесь все-таки ты, а не он, возьми, Михаил, у старосты листок бумаги и напиши кратко, чем в первую очередь тебя привлекает путешествие. Пусть об этом каждый напишет. Мы потом все листки вклеим в коллективный дневник.

Я взял листок, но не вывел и первой буквы: задумался...

– Ты чего не пишешь? – спросил меня Жора Масленников. – Не знаешь, что? Вот прочти для примера. – Он протянул мне веером несколько листков.

Я прочел: «Меня больше всего радует то, что, путешествуя,

можно будет познакомиться с большим числом исторических памятников времен греческой колонизации Черноморского побережья». Больше ничего. Коротко и определенно. И подпись – Саша Тростянский.

Этот неподдельно серьезный Сашин ответ привел меня в смущение. Я вдруг ясно понял то, о чем не задумывался ни в последние дни, ни раньше. Меня не интересовали в Крыму памятники времен греческой колонизации. Я мечтал увидеть море, горы, виноградники, кипарисы, пирамидальные тополя. Меня взяли в путешествие, но интересы мои были ничуть не научные. А Саша, которого интересовали следы греческого владычества на Черноморье, остался дома.

И мне стало совсем не по себе.

3

Не могу подобрать других слов: каждый день путешествия был прекрасным и неповторимым. Но это не значит, что мне было очень хорошо в те дни. Это значит только, что я все время ясно себе представлял, как прекрасно было бы Саше на моем месте. Буквально на все я смотрел сначала своими глазами, а затем – не желая того, против воли – Сашиними глазами...

Когда на месте раскопок древнегреческой колонии Тиритаки Прокофий Семенович рассказывал нам о рыбном промысле колонистов, я опять вспомнил Сашу. Он фотографировал бы цементные рыбозасолочные ванны, так хорошо сохранившиеся в течение двух тысячелетий, и гончарную печь рядом с ними. И его вряд ли беспокоило бы, как меня, что задерживаясь возле древней винодельни, мы уже не успеем, наверное, сегодня выкупаться до ужина.

(Во время путешествия случилось неожиданное, у Прокофия Семеновича разбились очки и он на время, пока не было других, взял в «поводыри» Михаила. И гуляя вместе, Михаил рассказал учителю, как он «незаконно» попал в поисковую группу). В скобках – пересказ составителя И.Т. Далее по тексту:

Наш руководитель выслушал меня и сказал:

– Очень и очень жаль, что Тростянский не поехал. Когда вкус к истории появляется так рано, как у Саши, особенно важно, чтобы человек не одними книгами питался, чтобы он осязал остатки материальной культуры прошлого. Ощупывал бы, что можно. Поэтому нехорошо, что Саша не поехал. Досадно. Теперь о тебе, Михаил, в этом соревновании перед путешествием, в котором выявлялись «достоинейшие из достойных», ты участвовал не вполне честно.

И переживаешь. И хорошо, что ты совестлив. Но не казись теперь – думаю, случившееся поправимо. Будущим летом, коли до той поры доживу, возьму Сашу в путешествие непременно... Досадно, что Тростянский не с нами, и хорошо, что ты совестлив, – повторил он по привычке педагога делать из сказанного краткие выводы.

Я уснул с легким сердцем.

Через несколько дней после нашего возвращения в Москву в школе был устроен вечер, на котором мы рассказывали о путешествии и читали отрывки из коллективного дневника. Послушать нас собралось довольно много ребят, и среди них – Саша Тростянский. В перерыве я подошел к нему и сказал, что Прокофий Семенович собирается непременно взять его в путешествие в будущем году.

– Знаю-знаю, спасибо, – признательно закивал Саша.

Я, набравшись духу, начал:

– Саша, ты хотел участвовать в путешествии, потому что твои научные интересы...

– Какие научные интересы... – перебил Саша со смущенной улыбкой.

Прокофий Семенович снова подтвердил, что в будущем году обязательно возьмет Сашу в путешествие.

И действительно, дело к этому шло. Прокофий Семенович и наш директор считали, что Саша достоин принять участие в очередном походе исторического кружка.

В начале июня вопрос решился окончательно.

А 22 июня началась война. И в самые первые дни войны, когда уходил на фронт мой отец, когда заговорили уже об эвакуации детей из Москвы на Восток, когда все, что занимало меня до 22 июня, стало и очень давним и совсем неважным, – в те дни я успел все-таки подумать однажды: «И путешествие не состоится. Какая жалость! Не придется Саше странствовать».

В октябре 41-го года в интернат на берегу реки Белой, где я оказался к тому времени, пришло письмо от Прокофия Семеновича.

Прокофий Семенович писал, что узнал мой адрес у бабушки, и дальше рассказал о наших ребятах, «юных историках». Все они, кто раньше, кто позже – пустились в дальние и печальные странствия. А Саша Тростянский оказался оседлым москвичом – он не уехал никуда.

«До вчерашнего дня, – писал Прокофий Семенович, – мы с Сашей виделись почти каждый день, так как оба дежурили на крыше школы во время налетов, которые в Москве уже никого не пугают, но меша-

ют выспаться. Только вчера Саша добился того, что его послали на рытье укреплений...».

Весть о том, что в этом участвует Саша, очень взволновала меня. И мое положение пятнадцатилетнего москвича, живущего на всем готовом вдалеке от родного города, показалось мне вдруг неловким и даже стыдным...

А неделей позже до интерната дошел страшный слух: в прифронтовой полосе во время бомбежки убит Саша Тростянский.

Я не хотел верить тогда, что это правда. И не верил до 44-го года, когда уже в Москве, в нашей школе, увидел его фотографию на большом стенде. Фотография была без траурной рамки, но весь стенд посвящался памяти бывших учеников, погибших в боях с фашистами... Я смотрел на стенд и медленно понимал, что Саша уже не просто прошлое школы – он ее история.

Было странно и больно. И еще – горько, потому что за короткую жизнь он увидел меньше, чем мог бы.

Вопросы к обсуждению:

1. Рассказ Макса Бременера назван «Достойнейший». Как вы думаете, кого из героев имел в виду автор, так назвав рассказ? Был ли тот, кто поехал в экспедицию, достойнейшим? Поясните свой ответ.

2. Как случилось, что в экспедицию исторического кружка попал Михаил, который историей не увлекался, а не Саша, – лучший член кружка, у которого вкус к истории появился очень рано?

3. Заслужил ли поездку на Черное море Михаил? Если нет, то почему?

4. Когда Михаил осознал, что занимает чужое место в экспедиции? Почему, узнав, что Сашу Тростянского не взяли, Михаил почувствовал себя неловко? Почему на все окружающее в экспедиции он стал смотреть глазами Саши?

5. Какую роль сыграл учитель Прокофий Семенович в осознании Михаилом нечестности своей поездки? И почему учитель успокоил Михаила, что эта нечестность поправима?

6. Почему, живя в интернате, далеко от Москвы, Михаил почувствовал себя неловко, узнав, что Саша Тростянский вместе с Прокофием Семеновичем дежурили на крышах московских домов, а потом он рыл траншеи от фашистских танков,двигающихся на Москву, где и погиб?

7. Как вы понимаете последние слова рассказа: «Я смотрел на стенд и медленно понимал, что Саша уже не просто прошлое школы – он ее история»? Что, по-вашему, значит – войти в историю? Каждому ли это суждено?

8. Какое у вас в целом осталось впечатление от рассказа? Как в реальной жизни вы определяете достоинство человека? Что кладете в основу своего определения? Встречали ли вы таких людей в жизни?

О рассказе Ирины Пивоваровой «Селиверстов не парень, а золото!»

Рассказ интересен тем, что показывает, как один и тот же человек – школьник Селиверстов – предстает перед читателем то злодеем, то добродушным «золотым» парнем, в зависимости от того, какими глазами мы сами на него смотрим – злыми или добрыми. То он кажется из ряда вон плохим, то на наших глазах становится хорошим. Даже внешность его воспринимается по-разному. Сначала он тощий как скелет, а в конце – «не такой он уж тощий». Какой же он на самом деле? Нет ли в названии рассказа иронии по отношению к нему? Судя по началу рассказа, Селиверстов явно не тянет на «золото». Он драчун. Его никто не любит. Но по ходу сюжета мы начинаем вместе с Люськой, от имени которой ведется рассказ, смотреть на него добрыми глазами. И наш герой преображается. Замыслив рассказать матери Селиверстова, какой ее сын плохой, Люська по доброте душевной рассказала, какой он хороший. Жалея мать, девочка в присутствии самого Селиверстова стала хвалить мальчика, говорить, что он добрый, все его любят в классе. И мать согласилась, – он действительно хороший: и пол моет, и в магазин ходит, и за сестрой в садик бегает. Оказалось, что и друг он тоже хороший. Вот на эту многогранность характера подростка, проявляемую в разных ситуациях по-разному, и в зависимости от того, с кем он имеет дело, и направлено обсуждение. Рассказ показывает, что в оценке человека легко ошибиться, если смотреть на него предвзято, и предостерегает от поверхностного суждения о людях.

Текст рассказа:

Селиверстова в классе не любили. Он был противный. У него уши красные были и торчали в разные стороны. Он тощий был. И злой. Такой злой, ужас!

Однажды он меня чуть не убил! Я в тот день была дежурной санитаркой по классу. Подошла к Селиверстову и говорю:

– Селиверстов, у тебя уши грязные! Ставлю тебе двойку за чистоту.

Ну что я такого сказала?! Так вы бы на него посмотрели! Он весь побелел от злости. Кулаки сжал, зубами заскрипел... И нарочно, изо всей силы, как наступит мне на ногу! У меня нога два дня болела. Я даже хромала.

С Селиверстовым и до этого никто не дружил, а уж после этого случая с ним вообще весь класс перестал разговаривать. И тогда он, знаете, что сделал? Когда во дворе мальчишки стали играть в футбол, взял и проткнул футбольный мяч перочинным ножом.

Вот какой был этот Селиверстов!

С ним даже за одной партией никто не хотел сидеть! Бураков сидел, а потом взял и отсел.

А Сима Корыстылева не захотела с ним в пару становиться, когда мы в театр шли. И он ее так толкнул, что она прямо в лужу упала!

В общем, вам теперь ясно, какой это был человек. И вы, конечно, не удивитесь, что, когда он заболел, никто и не вспомнил о нем.

Через неделю Вера Евстигнеевна спрашивает:

– Ребята, кто из вас был у Селиверстова?

Все молчат.

– Как, неужели за всю неделю никто не навещил больного товарища?! Вы меня удивляете, ребята. Я вас прошу сегодня же навещить Юру!..

После уроков мы стали тянуть жребий, кому идти. И, конечно, выпало мне!

Дверь мне открыла женщина с утюгом.

– Ты к кому, девочка?

– К Селиверстову.

– А-а, к Юрочке? Вот хорошо! – обрадовалась женщина. – А то все один да один...

Селиверстов лежал на диване. Он был укрыт вязаным платком.

Над ним к дивану была приколата салфетка с вышитыми розами. Когда я вошла, он закрыл глаза и повернулся на другой бок, к стене.

– Юрочка, – сказала женщина, – к тебе пришли.

Селиверстов молчал.

Тогда женщина на цыпочках подошла к Селиверстову и заглянула ему в лицо.

– Он спит, – сказала она шепотом. – Он совсем еще слабый!

И она наклонилась и ни с того ни с сего поцеловала этого своего Селиверстова. А потом она взяла стопку белья, включила утюг и стала гладить.

– Подожди немножко, – сказала она мне. – Он скоро проснется. Вот обрадуется! А то все один да один... Что же это, думаю, никто из школы не зайдет?

«Ага! – подумала я. – Сейчас я все скажу! Все!» – Сердце у меня забилось от волнения. Я даже встала со стула.

– А знаете, почему к нему никто не приходит?..

Селиверстов замер.

Мама Селиверстова перестала гладить.

– Почему?..

Она глядела прямо на меня. Глаза у нее были красные, воспаленные. И морщин довольно много на лице. Наверное, она была уже немолодая женщина... И она смотрела на меня так... И мне вдруг стало ее жалко. И я забормотала непонятно что:

– Да вы не волнуйтесь!.. Вы не подумайте, что вашего Юру никто не любит! Наоборот, его очень даже любят! Его все так уважают!..

Меня пот прошиб. Лицо у меня горело. Но я уже не могла остановиться.

– Просто нам столько уроков задают – совсем нету времени! А ваш Юра ни при чем!.. Он даже очень хороший! С ним все хотят дружить! Он такой добрый! Он просто замечательный!

Мама Селиверстова широко улыбнулась и снова взялась за утюг.

– Да, ты права, девочка, – сказала она. – Юрка у меня – не парень, а золото!

Она была очень довольна. Она гладила и улыбалась.

– Я без Юры как без рук, – говорила она. – Пол он мне не дает мыть, сам моет. И в магазин ходит. И за сестренками в детский сад бегают. Хороший он! Правда, хороший!

И она обернулась и с нежностью посмотрела на своего Селиверстова, у которого уши так и пылали.

А потом она заторопилась в детский сад за детьми и ушла. И мы с Селиверстовым остались одни. Я перевела дух. Без нее мне было как-то спокойнее.

– Ну вот что, хватит притворяться! – сказала я. – Садись к столу. Я тебе уроки объяснять стану.

– Проваливай, откуда пришла, – донеслось из-под платка.

Ничего другого я и не ждала. Я раскрыла учебники и затараторила урок. Я нарочно тараторила изо всех сил, чтобы побыстрее кончить.

– Все. Объяснила. Вопросы есть?

Селиверстов молчал. Даже «спасибо» не сказал. Я уже взялась за ручку двери, но тут он опять вдруг завопил под своим платком.

– Эй, ты... Синицына...

– Чего тебе?

– Ты... это...

– Да чего тебе, говори скорее!

– Семечек хочешь? – вдруг выпалил Селиверстов.

– Чего?! Каких семечек?!

– Каких-каких... Жареных!

И не успела я и слова сказать, как он выскочил из-под платка и босиком побежал к шкафу.

Он вынул из шкафа пузатый ситцевый мешочек и стал развязывать веревку. Он торопился. Руки у него дрожали.

– Бери, – сказал он.

На меня он не глядел. Уши у него горели малиновым огнем.

Семечки в мешке были крупные, одно к одному. В жизни таких семечек не видала!

– Чего стоишь? Давай бери! У нас много. Нам из деревни прислали.

И он наклонил мешок и как сыпанет мне в карман прямо из мешка! Семечки дождем посыпались мимо.

Селиверстов охнул, кинулся на пол и стал их собирать.

– Мать придет, ругаться будет, – бормотал он. – Она мне встать не велела...

Мы ползали по полу и собирали семечки. Мы так торопились, что два раза стукнулись головами. И как раз, когда мы подняли последнюю семечку, в замке звякнул ключ...

Всю дорогу я цупала шишку на голове, грызла семечки и смеялась:

– Ну и чудак этот Селиверстов! И не такой уж он тощий! А уши – уши у всех торчат. Подумаешь, уши!

Целую неделю ходила я к Селиверстову. Мы писали упражнения, решали задачи. Иногда я бегала в магазин за хлебом, иногда в детский сад.

Мария Ивановна все время меня хвалила:

– Хорошая у тебя подружка, Юра! Что же ты мне раньше о ней ничего не рассказывал? Мог бы давно нас познакомить!..

Селиверстов выздоровел. Теперь он стал приходить ко мне делать уроки. Я познакомила его с мамой. Маме Селиверстов понравился. И вот что я вам скажу: не такой уж он в самом деле плохой, Селиверстов!

Во-первых, он теперь учится хорошо и Вера Евстигнеевна его хвалит.

Во-вторых, он больше ни с кем не дерется.

В-третьих, он научил наших мальчишек делать змея с хвостом.

А в-четвертых, он всегда ждет меня в раздевалке, не то, что Люська!

И я всем так говорю:

– Вот видите, вы думали, Селиверстов плохой. А Селиверстов хороший! Селиверстов не парень, а золото!

Вопросы для обсуждения:

1. Какие качества в людях вы оцениваете как положительные и как отрицательные? Как вы определяете: человек хороший или плохой перед вами?

2. Почему Селиверстова в классе не любили и не дружили с ним? И почему он «побелел от злости» и со всей силой наступил Люське на ногу, когда она сделала ему замечание и поставила двойку за чистоту?

3. Оправдываете ли вы его поведение в данной ситуации? Как бы вы реагировали, если ваша одноклассница заглядывала бы вам в уши?

4. Права ли была Люська в своей характеристике Селиверстова? Не она ли сама проявила свои злые черты, видя в мальчишке только плохое?

5. С каким намерением Люська пришла домой к Селиверстову? Почему ее намерение рассказать матери Селиверстова, какой он плохой, было не выполнено. Почему вместо этого она стала говорить, какой он хороший? Что повлияло на изменение ее рассказа о мальчике?

6. Как реагировала мама Селиверстова на рассказ Люськи о ее сыне? Согласны ли вы с выводом мамы: «Хорошая у тебя подружка, Юра!»?

7. Что открыло Люське нового в Селиверстова, когда она посетила его дома? Почему первоначальное злое чувство к Люське, посетившей его дома, сменилось на доброе?

8. Какой же Селиверстов был на самом деле? И какое он и Люська оставили у вас впечатление?

9. Согласны ли вы, что Селиверстов не парень, а золото?

О рассказе Аллы Драбкиной «Исключительный человек»

Главный герой рассказа Сеня в недоумении, почему его никто не любит – ведь он себе самому кажется человеком исключительно хорошим. Его неумение посмотреть на себя объективно приводит его к одиночеству, ибо никто не хочет с ним дружить. Почему? Этот вопрос касается критериев оценки человеческого поведения. Сеня, от имени которого ведется рассказ, считает себя человеком добрым, справедливым, честным. Однако окружающие думают о нем совсем иначе. Кто прав? Разрешение этого противоречия и должно стать центром дискуссии. Искренняя убежденность мальчика в своей правоте и в несправедливости других (это подкупает читателей и вызывает готовность встать на его позицию) не должна помешать объективной оценке его действий.

.....

Текст рассказа:

Разве я виноват, что меня отовсюду исключают? Вот в хоре, ну что я такого сделал? Подумаешь, Новикова щипнул, когда он своё дурацкое соло исполнял. А почему дали петь ему, а не мне? Он, видите ли, «душу песни» чувствует. А, по-моему, так его просто-напросто Сан Саныч любит. Ещё бы, Новиков на все занятия и репетиции подряд ходит. А мне лично неинтересно петь гаммы, да ещё «вторым» голосом. Любимчикам своим Сан Саныч вечно «первые» голоса даёт, а мне так – «второй». Ну и щипнул я этого Новикова на школьном концерте, когда уж он особенно распелся. Так он ещё и геройство проявил, сделал вид, что не заметил, дальше петь продол-

жают. Тогда я его второй раз ущипнул, он опять не реагирует – поёт. Ну я, понятно, в третий раз...

В общем, исключили меня из хора.

Сан Саныч сказал:

– Эх, Сеня, мало того, что я тебя в хор взял, хоть тебе слон и наступил на ухо, так ты ж ещё и товарищем плохим оказался...

Неумный человек этот Сан Саныч, хоть и старый и заслуженный деятель. «Слон на ухо наступил!» Да если б мне слон на ухо наступил, так меня бы и в живых уже не было. Да и вообще – у нас же не Африка, слоны по улицам не гуляют...

Потом я в драмкружок поступил, тоже к искусству близко, да и кружком руководила наша пионервожатая, которая мне вначале очень понравилась. Но потом что оказалось? Сами посудите: разве обязаны артисты пол на сцене мыть? Что я, уборщица? Как роли дать, так не дают, поручили в звонок за сценой звонить. Говорят, пока я новенький, главных ролей и подождать могу, а как пол мыть – так изволь вместе со всеми. Пускай, которые роли играют, те и пол моют. А звонить за сценой, так уж я им позвонил, век помнить будут! Шилоперова и Смирнов ждут звонка, чтоб сказать: «Ой, звонок, кто-то идёт!», а никакого звонка и нет. Они ждут, а я не звоню, они ждут, а я не звоню! Тогда этот Смирнов без всякого звонка и говорит: «Ой, звонок! Кто-то идёт!»

Вот тут-то я им и отомстил, высунулся на сцену, да как закричу:

– А вот и не было звонка! Не было звонка! Никакого звонка и не было!

Что тут началось! Весь зрительный зал хохочет, и правильно: пусть над ними посмеются. Да и меня все видели, даже мама моя меня видела, вот! Я им показал «звони за сценой!» Я не хуже других зал рассмешить могу.

Так ведь не оценил же никто! Мама дома ремнём выдрала, а вожатая... Даже рассказывать неприятно. «Ты, – говорит, – Сеня, просто предатель...».

Но я тоже знаю, что ответить! Я ей говорю:

– Вот вы меня ругаете, а Смирнова не ругаете, хотя сами учили нас «правде искусства», а какая же правда, когда никакого звонка не было, а ваш Смирнов говорит: «Ой, звонок...»?

Вожатая даже за голову схватилась. Ну, понятное дело, со сцены я ушёл. Я ж говорю – человек я исключительный. Мне к исключениям не привыкать.

Потом я в кружок кройки и шитья пошёл. Но про это даже рассказывать неинтересно: сиди с девчонками да всякие ивы «козликком» и «крестиком» вышивай. Оттуда меня даже исключить не успели, я сам ушёл.

Да, тяжело быть исключительным человеком! Дружить со мной никто не хочет, каждый думает, что я хуже его, даже самые последние двоечники и второгодники нос перед тобой задирают, ударить да толкнуть норовят.

А я драться терпеть ненавижу. Ну, если только щипну кого.

А мне-то как раз драться нужно уметь. Вот и подумал я: хватит заниматься искусством, не пойти ли в спортивную школу и не заняться ли боксом?

Ну, пришёл я туда. Кружком руководил молодой, красивый и сильный Иван Николаевич. Очень он мне понравился: сразу видно – добрый и весёлый. Вы, наверное, за меня обрадовались, что наконец-то я хорошего человека встретил, тем более, что я ему тоже, вроде, понравился.

– Да ты же богатырь, – сказал он, – да у тебя же мускулы, как у Юрия Власова, да я же из тебя чемпиона выращу!

Обрадовался я так, что и рассказать не могу. Вот, думаю, наконец-то и меня поняли, оценили. Да, как видно, напрасно я обрадовался.

Тут уж слушайте всё по порядку, потому что никак я не могу понять, за что из бокса-то меня исключили, ведь я делал всё правильно, честное слово!

Вот как было дело.

Собрал Иван Николаевич свою боксёрскую группу, поставил меня перед строем и сказал:

– Вот, ребята, новенький! Зовут его Сеней, прошу любить и жаловать. Мальчик он сильный, принимайте его в свои товарищи!

Но тут вылез Витька Длинный (он в нашем доме живёт) и говорит:

– Иван Николаевич! Я не ябеда, я перед всеми говорю: Сеня плохой человек! Нельзя его драться учить, плохой он человек.

Вы представляете, ещё говорит, что не ябеда! А ведь в одном доме живём! Вот ведь до чего вредные бывают люди!

– Хулиган, что ли? – спросил Иван Николаевич.

– Хуже! – сказал Длинный.

Вот уж сказанул так сказанул! Разве бывает кто-нибудь хуже хулиганов?

– Ну, так ты ему, Витя, объясни наши правила, – сказал Иван Николаевич.

– Не буду я ему объяснять! – буркнул Витька.

– Что-то ты мне не нравишься сегодня, Витя. Нехорошо так дурно думать о людях.

– Я сказал, что думаю. Я честно сказал, при всех...

Иван Николаевич только плечами пожал.

– Тогда пусть Володя Петров скажет наши правила!

Из строя вышагнул какой-то коротышка и торжественно завопил:

– Мы! Не должны! Применять! Свою! Силу! Там! Где! Люди! Слабее! Нас! Мы! Не должны! Драться! Научившись боксу! Научись! Быть! Добрым!

– Понял? – спросил меня Иван Николаевич.

Хоть этот коротышка и вопил как резаный, у меня даже в ушах зазвенело, но я, конечно, понял, что драться им тут просто так запрещают. Пожалуйста, я и сам не люблю драться, потому что не умею. А когда научусь, так уйду из бокса и такого всем покажу...

Ну, а главная история произошла в воскресенье. Вышел я во двор погулять, никого из ребят там не было, так что бояться мне нечего, сел на лавочку, дышу воздухом. Вдруг из соседнего двора заходит в наш один хулиган и говорит мне:

– Что-то мне твоя рожка не нравится.

– А меня она вполне устраивает, – отвечаю.

– Ишь ты, «устраивает»! Слова-то какие умные знаешь! Давай лучше на кулаках поговорим.

– Не могу, – отвечаю, – нам в боксе просто так драться запрещают.

Он посмотрел на меня с недоверием.

– А ну, покажи приём!

А какой я могу приём показать, если только один раз на занятиях был. Но чувствую, что говорить об этом нельзя, иначе он меня отлупит и спасибо не скажет.

– Не могу, – отвечаю, – как начну показывать – покалечу. Я тут одного чуть насмерть не убил, пока показывал.

Хулиган посмотрел на меня с уважением.

– Жалко, – говорит, – а то меня из-за двоек в бокс не берут.

Сидим мы с ним и мирно разговариваем. Вдруг, как назло, вышли

во двор два близнеца-второклашки из третьего подъезда. А хулиган мне и говорит:

– Смотри, чего я умею! Своим умом дошёл! Без всякого бокса!

Подошёл он к близняшкам да как стукнет их лбами! Те, конечно, реветь хором.

– Это ещё что! – говорит хулиган и как-то очень ловко – раз! – и подножку сразу же обоим поставил. – Я и ещё кой-чего могу, – говорит. – И без всякого бокса! Вот смотри!

Показать остальные свои штучки он не успел, потому что во двор выскочил Витька Длинный и так его стукнул (ну и приёмчики!), что тот свалился с ног. И такая между ними началась драка, какую и по телевизору не часто увидишь. Но только я конец её из окна досматривал, потому что у меня на этот счёт мыслишка одна появилась. Будет Длинный знать, как на порядочных людей жаловаться!

На следующем же занятии, когда Иван Николаевич выстроил нас перед разминкой, я и говорю:

– Иван Николаевич! А вы спросите, где Витька Длинный синяк заработал?

При всех говорю, так же, как и Витька в прошлый раз. Его же монетой плачу.

– Дрался-то он со слабым, – говорю, – которого в бокс не взяли.

– Это кто ж такой слабенький умудрился тебя так сильненько побить? – почему-то не очень строго спросил Иван Николаевич у Витьки.

– Да этот, Никаноров, который к нам в прошлом году просился, – опустив голову, сказал Витька.

– Эх, Витя, Витя, куда же твоя реакция девалась? Как же ты мог позволить ему до лица добраться! А ну, надевай перчатки, защищайся!

Нет, вы представляете? Вместо того чтоб Витьке нахлобучку устроить, он его стал драться учить. Вы теперь поняли, какие тут крепкие правила, если они их на каждом шагу нарушают? Как мог я стерпеть такую несправедливость? Я закричал, теперь уже не помню что, бросился к Ивану Николаевичу, потянул его за рукав, а он... – Он так бешено на меня посмотрел...

– Слушай, Сеня, – сказал он страшным голосом. – Я слишком хорошо знаю Витю и слишком хорошо знаю Никанорова. Витя не дерётся зря. Я ему верю.

Нет, вы представляете? А вы думали, он хороший? Как же!

– И вообще, Сеня, – говорит он, – тебе бы в Америке в какой-нибудь жить, где с твоими принципами процветать можно. Да и там, наверное, порядочные люди найдутся, чтоб тебя раскусить.

... Но это ещё не всё, нет. Бойкот они мне объявили, вот ведь как! И в школе, и во дворе. А за что? За честность мою, за доброту мою, за наивность? Не разговаривают со мной и не смотрят на меня, и не бьют теперь даже, вот ведь до чего дошло. Хулигана Никанорова один раз встретил, хоть с ним поговорить хотел, а он мне только и сказал:

– Ух, дал бы я тебе, да только руки пачкать не хочется.

А что ждать от этого Никанорова, когда он за Витькой Длинным теперь как собачонка бегает!

Ребята! Я вам всю правду про себя рассказал! Неужели никто со мной дружить не захочет? Может, кто из ваших знакомых найдётся? Вы пришлите мне его адрес. Согласен даже с девчонками водиться, с кем угодно! Я не могу больше один!

Вопросы к обсуждению:

1. «Разве я виноват, что меня отовсюду исключают?» – недоумевает Сеня, начиная рассказ о себе. Как думаете вы? Почему мальчика исключили из хора, из драмкружка, а в секции бокса объявили бойкот?

2. Права ли была вожатая, назвав Сеню предателем? По его мнению, с ним поступили несправедливо: он ратовал за «правду искусства», никого не выдавал, верности не нарушал.

3. Почему Витька Длинный счел важным не допустить Сеню в секцию бокса, за что он назвал его «хуже хулигана»?

4. Почему драку сильного Витьки со слабым Никаноровым руководитель секции бокса признал «по правилам»? Является ли правдой факт, изложенный Сеней («дрался-то он со слабым»), правдой по существу?

5. Правильно ли оценивал герой себя и других? Подтвердите примерами?

6. Как вы думаете, найдутся ли желающие дружить с Сеней (как помните, он этого страстно хочет)? Есть ли в нем качества, достойные уважения? Как вы отнесетесь к тому, кто протянет Сене руку помощи и дружбы?

7. Почему рассказ называется «Исключительный человек»? Как

свою исключительность понимает герой, как ее понимаете и оцениваете вы? Исключительное ли это явление в нашей жизни? Не встречали ли вы людей, похожих на него? С кем из литературных героев можно сравнить Сеню?

Дополнительная литература:

Бременер М. «Толя Трилли»

Бременер М. «Чур, не игра!»

Погодин Р. «Алфред»

Тендряков В. «Весенние перевертыши»

Алексин А. «Безумная Евдокия», «Тем временем где-то».

Васильев Б. «Великолепная шестерка»

Масс А. «Дик Сенд»

О ШУТКЕ ВСЕРЬЕЗ

О теме

Одним из проявлений человеческих отношений является шутка, то есть то, что делают не всерьез, ради забавы или другой цели. Казалось бы – мелочь. Но в межличностном общении не бывает мелочей. Характер шутки и ее мотивы – это зеркало человеческой души, показатель воспитанности, способности к внутреннему чутью на нравственные нормы поведения по отношению к другому человеку. В шутке человек проявляет свои моральные качества, характеризующие его как личность.

Часто подростки в оправдание своей шалости, обмана или совершенной подлости говорят одно: я пошутил. Но шутка шутке рознь. Одно дело, когда шутка – забавная выдумка, сказанная ради веселья или поддержки кого-то. Совсем другое, если она унижает, оскорбляет или осмеивает человека. Шутка может быть и доброй и злой, безобидной и ранящей, раскрывающей шутника или с положительной, или отрицательной стороны. Все зависит от того, какими соображениями она продиктована, какие побуждения лежат в ее основе, к каким последствиям она ведет. Бывают шутки-загадки, которые можно разгадывать всю жизнь. О такой, например, рассказал писатель А.П. Чехов в рассказе «Шуточка». Вот почему разговор о шутке – серьезный разговор о человеке, о людских отношениях, о тайнах души, о человечности и бесчеловечности. Выявляя нюансы шуточных проявлений в человеческом общении, писатели открывают нам подлинные движения человеческой души.

Рекомендуем обсудить:

1. Погодин Р. «Шутка»
2. Внуков Н. «Новенький»
3. Томин Ю. «Шутка»
4. Бреженер М. «Лешкина переэкзаменовка»

О рассказе Радия Погодина «Шутка»

Случилось это в одном из отдаленных северных поселков. Надвинулась на поселок пурга, а на Севере с ней шутки плохи: «свалит человека, ударит о камни, засыплет снегом – беда!» И вот в это-то время придумали школьные приятели написать записку, будто бы они ушли в кино, а сами спрятались под кроватями: «все напугаются, а когда напугаются – мы тут как тут. Здрате. Вот потеха будет!» Но потехи не вышло. Не подумали ребята о последствиях своей шутки. Увидев записку, поднялись по тревоге люди – и летчики, и солдаты, и родители, «двинулись в пургу, чтобы искать за каждым ледяным бургом, в каждой каменной щели». Надежда на спасение детей удваивала их силы. Но когда узнали люди про обман – ослабели сразу, с ног повалились от усталости. И в результате полна больница: у кого руки поморожены, у кого – лицо. Вот она, цена шутки, когда за ней стоит неумение думать о людях.

К осознанию последствий бездумного отношения к своим поступкам ведет и сам рассказ, и вопросы к обсуждению.

Текст рассказа:

Привезли родители Колю Уральцева на край земли, в самый северный, отдаленный поселок. Горсточку слабых огоньков увидел Коля с аэродрома. А вокруг этих теплых, живых огоньков увидел Коля Уральцев громадную ночь, неподвижную и торжественную. Небо в звездах, как в орденах.

«Ух ты!..» – подумал Коля Уральцев, втянул уши в воротник, перевязанный толстым маминым шарфом, и долго потом молчал.

Родители определили своего единственного сына в школу-интернат, в первый класс. Сами залезли в железный вездеход и укатили по ночному снегу еще дальше на север. Там, на пустом берегу, в деревянной избушке предстояло им поселиться для научной работы. О своем сыне справлялись они по радио. На зимовках все узнают по радио: и последние новости, и насчет работы, и о здоровье своих ребятешек. Сидят мать и отец на зимовке перед горячей печкой, думают о своем сыне единственным.

Коля о них тоже думает. Выйдет на крыльцо и думает. «Вон там, – думает, – в темноте под Полярной звездой родители мои зимуют, изучают самую верхнюю оболочку Земли, где рождается северное сияние».

Когда Коля смотрел на сияние, студясь на сквозном ветру, он казался себе меньше самой маленькой недвижимой кочки. И это было приятно ощущать, как огромен мир и как трудно в нем разобраться.

Жил Коля Уральцев с двумя мальчишками в комнате. Одного, сына охотника, звали Ленькой. Другого мальчишку звали Санька – это был сын радиста. Оказались они все трое ровесниками – первоклассниками. Про всех троих шли родителям на зимовки хорошие радиogramмы. Но случился день, о котором в радиogramмах не сообщалось. О котором и Ленька, и Сашка, и Уральцев Коля вспоминать не хотят, но всегда помнят. Был этот день воскресенье.

Санька привел в гости малого своего брата из детского сада. Звали малого брата Стасом. И когда Санька его привел, и когда они уже поиграли немного, и уже собрался Санька отводить Стаса обратно в его круглосуточный детский сад, по радио объявили метеосводку: мол идет непогода – пурга.

В пургу ветер воет так жутко, словно кончается на земле его лихая бродячая жизнь. В пургу ветер дует так сильно, что летчики привязывают самолеты к специальным крепким столбам. Люди из домов выходить опасаются. Свалит ветер человека, ударит о камни, засыплет снегом – БЕДА!

Большим и малым это известно. Только герой-первоклассник Ленька к метеосводке отнесся странно.

– Парни, – сказал он отважным голосом, – побежали быстрее на остров. Там сегодня кино интересное будут показывать – А до острова три километра через голый пролив по льду.

Коля ему напомнил:

– Как же так. Ведь пурга.

– До пурги успеем. Мы ходко побежим.

– Мне нельзя, – сказал Санька. – У меня Стас в гостях. Он быстро не может.

– Я побыстрее всех могу, – сказал Стас. – Только я не согласен. Я сейчас спать захотел.

Ленька обрадовался.

– Ну и ложись. Ну и спи. Нам без тебя еще лучше. Мы одни побежим.

Коле стало жутко. Он еще раз Леньке напомнил: «Пурга ведь».

– А ты, Уральцев Коля, не суйся. – сказал Ленька. – Ты на Севере сколько живешь? А мы здесь уже давно живем. Кто лучше знает?

– А я не могу одного Стаса оставить, – сказал Санька.

Тогда Ленька посмотрел на них на всех свысока.

– Трусы, – сказал он, – вот вы кто.

По радио объявили, что пурга подошла совсем близко к поселку, и велели всем-всем из домов не выходить. А тем, кто еще был в пути, приказали торопиться изо всех сил в укрытые от ветра места.

Санька пригорюнился.

– Опоздал. Придется тебе, Стас, у нас оставаться.

– А мне все равно, – сказал Стас. – Только вы не очень шумите. Я спать буду, сидя.

И тут Ленька придумал.

– Знаете, – сказал он, – давайте напишем записку, будто мы все вчетвером ушли на остров кино глядеть. А сами оденемся и под кроватями спрячемся. Все напугаются, а когда напугаются – мы тут как тут. Здрассте. Вот потеха будет!

– Давайте, – сказали Санька и Коля.

Приятели вырвали лист бумаги в косую линейку, на которой первоклассники пишут в тетрадках. Написали свою записку. А когда написали, оделись во все теплое, в чем гулять ходят. Стаса закутали. Под кровати залезли. Лежат себе тихо. Ждут, когда их спохватятся. И уснули в темноте да в тепле под кроватями. Воспитательница приходила. Заглянула к ним в комнату. Видит, никого нет, а на столе записка. Прочитала воспитательница эту записку – и быстрее к директору. Прочитал директор эту записку – и скорее к телефону.

– Беда, – говорит, – у меня мальчишки из интерната на остров ушли. Унесет пурга ребят в океан.

Капитан порта сказал:

– Тревога. Поднимайте моряков, пусть веревки берут, фонари электрические захватывают. Мальчишки-мальшии на остров пошли.

Начальнику гидрологов сказал:

– Тревога. Выводите вездеходы в пролив. Идите к океану. Трое мальчишек из интерната и один мальчишка-дошкольник в проливе в пургу попали.

На остров позвонил, командиру летчиков и начальнику метеорологов сказал:

– Тревога. Поднимайте людей. Четверо малышей в проливе, в пурге.

Поднялись по тревоге солдаты. Стали цепью. Двинулись в пургу, чтобы искать за каждым ледяным бугром, в каждой каменной щели. Всюду, где глаз в такую темень достанет.

А мальчишки Ленька, Коля, и Санька спят под кроватями. Возле паровых батарей в теплых шубах парятся. Дошкольник Стас слаще всех спит.

Пурга валит людей. Идут они, друг с другом веревками связанные. Тревожно у людей на душе. Мнится им, что уже осилил ветер четверых ребятишек. Катит их где-нибудь далеко.

Цепью идут солдаты. Молча идут солдаты. Один солдат, по фамилии Петров, в лунку провалился. Гидрологи во льду лунку пробили, чтобы зимнее море изучать в глубине. Намок солдат Петров, и тут же на ветру его одежда заледенела. Командир велел солдату в поселок спешить. В больницу.

– Я же не больной, – сказал солдат. – Я только мокрый.

– Идите быстрее, – приказал ему командир. – Из всех сил торнитесь.

Тревожные радисты шлют в пургу один только вопрос:

– Нашли или нет?

– Нет. – Отвечают им из пурги.

Директор школы устал по коридору ходить. Старый он был. Будь помоложе, он бы тоже пошел в пургу. Заглянул директор в комнату к пропавшим ребятишкам. Валенки из-под кровати торчат. Директор этот валенок ногой шевельнул. Не пустой, есть в нем что-то. Директор нагнулся, взялся за валенок и вытащил из-под кровати Стаса. Стас обратно лезет, сон свой досматривать. Директор под одну кровать заглянул, под другую. Из-под каждой вытащил по мальчишке.

– Так, – говорит. – Очень прекрасно, – говорит. – Объясните мне ваш поступок.

Мальчишки еще не поняли со сна в чем дело, почему у директора такое усталое белое лицо.

– Мы пошутили. Мы тут...

– Хорошо пошутили... – Директор сел на кровать, сгорбился. – Не раздевайтесь. Сейчас мы в одно место пойдём. Вы там, кому нужно, объясните про вашу шутку.

По дороге директор завернул к себе в кабинет, позвонил на радиостанцию. Сказал радисту:

– Нашлись мальчишки. Они под кроватями спали. Это, извините, была шутка с их стороны. – И еще большие сгорбился.

Радист тут же принялся посылать сигналы в пургу: «Нашлись ребяташки... Нашлись ребяташки... Они под кроватями спали... Это была шутка с их стороны... была шутка...».

Услышали такой сигнал на зимовках. «Вот это да, – подумал каждый зимовщик. – Вот это порадовали. Может быть, среди шутников и наш сын дорогой...».

Приняли сообщение радиста спасательные отряды. Повернулись они возвращаться. Горько им стало и тяжело. Горько потому, что почувствовали они себя обманутыми. Тяжело потому, что, когда они ребяташек искали, была у них тревога за ребятачью судьбу, была надежда, что не дадут они ребяташкам пропасть. Эта тревога и эта надежда силу людям удваивали. Сейчас от обмана ослабли люди... А пурга, как назло, в своей самой лютой ярости вызрела. Прямо в лицо, прямо в грудь ледяными когтями бьет и снизу, и сверху, со всех сторон треплет. Стараются оторвать людей друг от друга. С ног сбить. Укатить. И следы замести. Директор вывел первоклассников и дошкольника Стаса из своего кабинета. Велел за собой следовать. Улицу преодолели и очутились, где нужно.

В больнице.

Доктора лечат солдата Петрова. Он весь поморозился в мокрой одежде. Едва до больницы добрался. Кроме солдата, в больнице еще много людей. У кого лицо поморожено, у кого руки. И другие люди все приходят. С ног валяются от усталости. И у всех, кто приходит, что-нибудь поморожено.

– Вот, – сказал директор. – Это и есть те самые ребяташки. Посмотрите на них. Пусть они вам ответят.

А что тут ответишь?

– Мы пощупили, – сказал Ленька и полез вместе со Стасом под белый больничный диван – реветь. Санька встал в угол лицом – ревет.

Только Коля остался стоять, где стоял. Смотрит в пол – реветь не может. Слезы у него не идут – по пути к глазам выкипают.

Молчат обмороженные люди.

А пурга за окном хохочет.

Вопросы к обсуждению:

1. Почему о своей шутке ребята вспоминать не хотят, однако помнят о ней всегда?
2. Расскажите, как люди искали детей. Чего стоили им эти поиски?
3. Почему старый директор школы еще больше сгорбился, когда сообщал радисту: «Это, извините, была шутка с их стороны»?
4. Как вы понимаете слова: «от обмана ослабели люди»? Почему шутка названа обманом? Обман и шутка – в чем разница?
5. Почему возвращение с поисков для людей было тяжелее, чем сами поиски?
6. Зачем директор повел шутников в больницу? Что дало им это посещение? Почему шутники залезли под больничный диван?
7. Какое отношение к случившемуся имеет размышление Коли Уральцева: «И как все-таки необходимо обо всем думать»?
8. Приведите примеры из вашей жизни, или из кино, когда шутка развеселила, и когда – она огорчила человека.

О рассказе Николая Внукова «Новенький»

Отношение к новичку в классе – тема довольно частая для произведений о школе. Новичок всегда находится под пристальным вниманием класса. Нового человека проверяют на качества характера. В данном случае ребята решили зло подшутить над новичком.

Если шутка ребят из рассказа Р. Погодина причинила зло людям неумышленно в силу непонимания возможных последствий, то в рассказе Внукова – в шутке скрыто преднамеренное желание унижить новичка, публично потешиться над ним. На первый взгляд кажется, что выходка Кольки – простое озорство. А если вдуматься – неоправданная жестокость. Однако шутка Кольки в адрес новичка Бориса Линецкого неожиданным бумерангом ударила в самого шутника. Своей ответной шуткой – на этот раз заслуженным осмеянием обидчика – Борис Линецкий заставил уважать себя. В том и другом случае шутка вызвала безудержный смех присутствующих. Однако сущность шуток здесь разная. На это различие и рекомендуем обратить внимание участников обсуждения рассказа.

Текст рассказа:

Наш географ, Сергей Иванович, запаздывал. Юрка Блинов у стола одной рукой поднимал за заднюю ножку стул. Орька показывал мне новую книгу с таинственным названием «Старая крепость». Краем глаза я следил за Юркой. Он поднял стул уже одиннадцать раз. Передние парты визжали от восторга. И тут вошел директор. Все бросились по местам.

Леонид Павлович никогда не приходил в класс просто так. Значит, что-то случилось. Но директор сказал: «Садитесь» – и вдруг улыбнулся. И тогда мы увидели новенького. Он шагнул вперед из-за директорской спины и остановился, будто показывая себя.

– Рыжий! – шепотом прошло по классу.

– С галстуком!

– А портфель-то, портфель!

В самом деле, у новенького был огромный портфель с двумя ослепительными замками и голубой галстук.

– Тише! – сказал директор. – Это ваш новый товарищ Борис Линеvский.

Мы знали, что свободное место в классе было только одно – рядом с Галкой Щеголевой. Мы все посмотрели на Галку. Она покраснела и передвинулась на самый край скамейки.

– Линеvский, – сказал директор. – Подите сядьте за шестую парту в среднем ряду.

Новичок прошел по проходу и уложил в ящик парты свой портфель. Потом сел. Он все делал уверенно и спокойно, как будто всегда учился в нашем классе, а сегодня только случайно опоздал.

Директор кивнул нам головой и тихо вышел. Мы все обернулись к новенькому и стали его разглядывать. Он спокойно, без улыбки смотрел на нас, положив руки на парту, как будто в любой момент собирался встать и уйти.

В класс вошел Сергей Иванович.

– Так-с, голубчики, – сказал он – Значит, у нас пополнение? Очень хорошо. Сегодня мы начнем новую тему. Мы начнем изучать физическую географию стран света. Дежурный, где карта? Сходите в учительскую. И принесите карту полушарий. А пока сделаем переключку.

Орька толкнул меня в спину:

– Тебе нравится этот рыжий?

– Не знаю, – сказал я.

– Мне тоже не нравится. Посмотри, как он сидит.

Я обернулся и посмотрел на Линевского. Он сидел очень прямо, как будто за спиной у него была стена. Руки он все так же держал на парте и перед ним сиял чистенький учебник географии. Волосы у него были рыжие, что ломало глаза. Крупные веснушки рассыпались по всему лицу. А глаза у него были серые и сердитые, как мне показалось. Он взглянул на меня и нахмурился.

И тут в голову мне пришла такая мысль, от которой я сразу вспотел. Честное слово, даже Орья никогда не придумал бы такое. Просто гениальная мысль.

– Орья, – сказал я одними губами, замирая от восторга. – У меня есть пирог с повидлом.

– Вкусный? – спросил Орья.

– Вкусный, – сказал я. – Мне мать дала на завтрак. Прямо не пирог, а торт. Но мы не будем его есть. Я отдам его новенькому.

Орья вытаращил глаза.

– Ты что, подлизываться?

– Ты дурак, Орья, – сказал я. – Помнишь, ты хвастался, что у тебя есть перец?

– Ну? – сказал Орья. Он еще не догадывался.

– Мы посыплем пирог перцем и ...

– Ух ты! – сказал Орья и стал шарить по карманам. Он всегда носил с собой множество всякой всячины. Перец он отсыпал дома у матери на всякий случай. Кто знает, может, на что-нибудь пригодится.

– Нашел, – сказал Орья и показал мне пакетик.

Я достал из портфеля пирог.

– Не заметит?

– Не знаю. Наверное, нет. Повидло тоже красное.

Дежурный принес из учительской карту, и Сергей Иванович на минутку повернулся к нам спиной.

– Давай, – прошептал Орья.

Сверток с пирогом поехал по рукам к шестой парте.

– Итак, мы начнем с Европы, – сказал Сергей Иванович и постучал указкой по карте. – Рельеф Европы – самый сложный и самый интересный с точки зрения географии.

Мы притаились. Мы ждали. Попробует новенький пирог или не попробует? Глаза у Орьи сделались большие, губы надулись – вот вот прыснет.

– Наиболее глубоко изрезаны северные берега Европы. Скандинавский полуостров... Что с вами творится, Линевский?

Я и Орька разом обернулись. Новенький сидел, обалдело вытаращив глаза. Рот у него раскрылся, по красным щекам сползали частые слезины. Он силился вздохнуть и не мог.

Я захлебнулся. Я больше не мог. Я закрыл лицо руками и положил голову на парту. Сзади тоненько взвизгнул Орька.

Сергей Иванович положил указку на стол.

– Встаньте, Линевский!

Новенький встал. По его лицу расплывались сырые веснушки. Теперь уже хохотал весь класс.

– Что с вами? – спросил Сергей Иванович очень спокойно.

Новенький вытер слезы.

– Мне... – сказал он. – Мне... я поперхнулся. Можно выйти попить?

– Идите, – сказал Сергей Иванович.

– Ну и получишь ты сегодня, – сказал новичок, проходя мимо меня к двери.

На большой перемене мы разработали условия. Мы будем драться на старой базарной площади. Вечером там никогда не бывает людей, и никто нам не помешает. Мы будем драться, пока один из нас не запросит пощады.

Я не боялся. В прошлом году я дрался с Алимурзой Бесланевым, а это страшнее, чем какой-то Линевский. Алимурза подбил мне оба глаза, но я все-таки успел дать ему несколько раз по уху и в живот.

После уроков мы отправились к месту боя. С гор опускались сумерки. Пустая базарная площадь казалась огромной. Ни одного человека не было видно на ней. Мы выбрали хорошо утрамбованное место в той стороне, где по воскресеньям торгуют мукой и сеном. Все мальчишки нашего класса пришли смотреть, как я буду драться с Линевским.

Я почти не волновался. У меня была своя верная тактика – я всегда нападаю первым и бил неожиданно, сразу. Мальчишки встали широким кругом. Я сбросил пальто и пиджак на землю. На другой стороне круга раздался Линевский. Ему помогал Алимурза. Юрка еще раз напомнил:

– Драка до пощады. Без отдыха, без подножек. Лежачего не бить. За волосы не хвататься. На честность.

Меня вытолкнули в круг. С другой стороны вышел Борька. Он как-то странно, носками внутрь, поставил ноги, наклонил голову и закрыл подбородок и грудь кулаками.

Юрка крикнул: «Пошли!» – я ринулся вперед и что было силы с широкого размаха ударил Борьку по уху. Но удар не получился. Борька быстро присел, мой кулак пролетел над его головой, и я, не удержав равновесие, плашмя упал на землю. Кругом засмеялись. Я вскочил. Я разозлился по-настоящему, потому что сильно ссадил колено. Теперь я пошел на Борьку плечом вперед, стиснув зубы, вздрагивал от напряжения. Мы сошлись вплотную, грудь к груди, выжидая момент. Я слышал, как глубоко и спокойно дышит Борька. И вдруг он незаметным движением откатнулся в сторону, и это получилось так быстро и неожиданно, что я снова упал.

Кругом хохотали. А я, вскочив, уже не замечал ничего вокруг. Мне стало жарко. Круги плыли перед глазами, и там, среди этих кругов, смутно светлела фигура Линевского. Низко пригнув голову, выставив кулаки вперед, я побежал на Борьку, надеясь кончить драку одним ударом. Я решил взять Линевского «на бычка», то есть ударить головой в подбородок, а после, не давая опомниться, пустить в ход кулаки. Это был верный прием. Так всегда дрались мальчишки с нашей улицы. Я набежал на Линевского, втянул голову в плечи и, как пружина, всем телом бросился вперед и вверх.

...Я поднялся в земли только через минуту. Базарная площадь медленно поворачивалась и покачивалась под моими ногами. В голове гудело.

Юрка отряхнул мне рубаишку и брюки. Платком вытер мне лицо. Я оглянулся. Линевский стоял в толпе ребят спокойный, уже одетый, со своим толстым портфелем в руках. Я рванул к нему, но Юрка схватил меня за пояс.

– Хватит!

– Пусти, блин!

– Хватит, – сказал Юрка.

– Нет, еще не хватит! – заорал я. – Пусти!

– Куда? Хочешь, чтобы он тебя ударил?

– ?!!

– Хватит, Колька. Ведь Линевский тебя еще ни разу не стукнул. Оказывается, он боксер, – объяснил Юрка. – А ну-ка, пожмите друг другу лапы.

Это была традиция. После боя самые злейшие враги должны по-

жимать друг другу руки. Но сейчас мне не хотелось протягивать руку Линевскому. Он сыграл со мной злую шутку.

– Давай-давай, не кобенься, – сказал Юрка и подвел меня к Линевскому.

Вопросы к обсуждению:

1. Согласны ли вы с мнением самого Кольки, что шутка его была гениальной?

2. Как вы оцениваете поступок Кольки, направленный на ни в чем неповинного новичка? Почему у него возникло желание напакостить ему?

3. Что говорит о Линевском тот факт, что, закашлявшись от подсыпанного ему перца, он не выдал шутника учителю, а сказал, что просто поперхнулся?

4. Прав ли был Колька, считая, что Линевский сыграл с ним злую шутку. Чья шутка – Кольки или Линевского – вызвала у вас уважение? В чем между шутками разница? Надо ли прощать того, кто под видом шутки делает подлость другому?

5. Как вы думаете, успешно ли прошел Линевский испытание «на прочность» характера? И как, по-вашему, сложатся отношения между Колькой и Линевским в дальнейшем?

О рассказе Юрия Томина «Шутка»

Этот рассказ о том, к каким необратимым последствиям может привести шутка, когда она безнравственная, когда под ее воздействием рушится, унижается человеческое достоинство, высмеивается настоящее, высокое, чистое в человеческих отношениях.

В основе сюжета рассказа – шутка, которая часто бытует среди подростков. Она выражается в виде формулы: $A+B = \text{любовь}$. Чаще всего ею пользуются шестиклассники, начинающие изучать алгебру. Именно с этого момента и начинается рассказ, который ведется от имени учителя математики и одновременно классного руководителя шестого «а» класса. Воспользовавшись алгебраической формулой « a »+ « b »= ... , шестой класс, «самый дружный и самый горластый», подшутил над Аней и Володей, сидевшими за одной партой и часто гуляющими

вместе. Все усилия классного руководителя прекратить эту недобрую шутку не имели успеха. Она вышла за пределы класса, из бездумно веселой стала осознанно жестокой. С помощью злополучной формулы взаимоотношения Ани и Володи выставлялись на публичное обозрение и осмеяние. Шутка чуть не стоила Володе жизни. Подлинным виновником оказался не зачинатель Костя Радужный, а Коля Боков – «порядочный, скромный мальчик», тайно завидовавший Радужному. И хотя Бокова уже нет в школе, и надпись на скале выгорела, и Володя здоров, «но они с Аней ... сидят на разных партах».

Как оказалась возможной эта жестокая шутка в таком дружном классе? Не безумное ли веселье одноклассников способствовало ей? Не строится ли жестокость отдельных подростков на неумении всего класса быть добрым? Решение этих вопросов – «сверхзадача» обсуждения. Писатель не навязывает читателям готового ответа. Ответ должен сделать читатель в результате вдумчивого отношения к тому, что случилось в классе.

.....

Текст рассказа:

Когда я вошел в класс, на местах оказались всего несколько человек. Остальные сгрудились в углу возле Кости Радужного. Он что-то рассказывал. Увидев меня, ребята со смехом расселись по своим партам. Я ждал. Я уже успел привыкнуть к своему классу. Они считали, что в первые десять минут после каникул им позволено все. Эти десять минут – их право, которое они сами себе присвоили. Я не оспаривал этого права. Наконец они уселись.

– Здравствуйте, шестой «а»! – сказал я.

– Здравствуйте, Юрий Васильевич, – отозвался один.

– Юрий Васильевич, здравствуйте, – сказал другой.

– Здравствуйте! Здравствуйте! – говорили они по очереди, и, наконец, из дальнего угла класса послышалось тихо, но отчетливо:

– Юрий, здравствуйте, Васильевич! – Здороваться по очереди (опять же в первый день) было их выдумкой, которой они очень гордились...

– Ну и хорошо, – сказал я. – А теперь достаньте новые тетради в клетку. Мы приступим к изучению алгебры. Раньше мы с вами имели дело только с числами. Если нам нужно было произвести сложение, мы писали так. Я подошел к доске и написал: $2+3 = 5$.

– Теперь представьте себе, что нам нужно записать сложение не двойки и тройки, а каких-то двух других чисел. Любых. Как поступить в этом случае? Давайте попробуем заменить цифры буквами. И я написал на доске:

Вместо 2 подставим «а»

Вместо 3 подставим «в»

Тогда имеем: $2+3 = 5$, или $a+v = \dots$

Я не успел написать, чему равна сумма. С последней парты, где сидел Костя Радужный, послышался шепот. Потом зашептались другие. Кто-то хихикнул, и вслед за ним рассмеялся весь класс.

– В чем дело? – спросил я.

За партой поднялся Радужный. Весь класс с надеждой смотрел на него. Костя радостно объявил:

– Юрий Васильевич, вы лучшие напишите другие буквы, а то мы все равно будем смеяться.

– Почему?

– А потому, – сказал Костя, – что когда мы читаем эти буквы, у нас получается не «а» плюс «б». Получается «а» плюс «ве».

Снова раскатился по классу дружный смех. Теперь все смотрели уже не на Костю, а на вторую парту в левой колонке, где сидели Аня Мельникова и Володя Ефремов. Я сделал вид, что ничего не понял.

– Сядь, Радужный! Ты прекрасно знаешь, что в математике русское «ве» читается как «бе». И я дописал: $a + v = c$.

Ребята уткнулись в свои тетради. Еще минута, и формула эта, в том смысле, в каком понимал ее Костя, была бы забыта навсегда. Но Костя считался самым остроумным человеком в классе. Он очень дорожил своей славой.

– Юрий Васильевич, – сказал он, – если вы пишете «а» плюс «ве», то справа нужно поставить другую букву...

– Какую букву? – спросил я, глядя прямо на Костю. Я думал, что он не посмеет сказать, и тогда все кончится само собой. Но если можно рассмешить класс, Костя себя не щадит.

– Букву «л»! – выпалил он.

Опять грохнул смех. Кто-то от восторга затопал ногами. Аня Мельникова покраснела. Володя Ефремов сидел, повернувшись к окну, и не отрываясь смотрел на белую равнину замерзшей бухты. Он как будто ничего не слышал, но я видел, как медленно, почти незаметно он отодвигается от Ани на край скамейки.

– Радужный, выйди из класса! – сказал я.

На другой день Костя привел в школу мать.

Два дня Радужный боялся даже шевельнуться, и я уже забыл об этой истории с буквами. В конце недели я вызвал к доске Аню.

– Напиши алгебраическую сумму.

Аня взяла мел и аккуратно вывела на доске: $a + b \dots$ Рука ее задрожала всего на секунду, но это решило дело.

– Э! – донеслось из глубины класса.

– Кто это сказал?

– Я, – встал Радужный. – Извините, Юрий Васильевич, вы же сами говорите, что у меня язык бежит впереди мыслей. Я только подумал, а оно само вырвалось.

Я видел, что Радужный говорит правду: «оно» действительно само вырвалось.

– Тебе нужно извиниться не передо мной.

– Конечно, – сказал Костя. – Я понимаю, Юрий Васильевич. – Он взглянул на Аню и вежливо – слишком вежливо! – произнес: Извини, Аня, – затем обернулся к Володе: – И ты, Ефремов, извини, пожалуйста. – В голосе его было столько нежности, что шестой «а» прямо-таки взвыл от восторга.

Аня положила мел и, ссутулившись, пошла к своей парте и села на самый край скамьи, словно боялась испачкаться о Володю. Володя покраснел и сжал кулаки. Мне показалось, что он бросится на Радужного...

Но шестой «а», самый дружный, самый горластый класс нашей школы, не научился еще быть добрым. Ему было весело, и он смеялся, а все остальное не имело никакого значения.

Эту историю с формулой надо было прекратить, пока не поздно.

– Вот что, друзья, – сказал я, когда ребята немного успокоились. – Это очень скверно – то, что сейчас делается. – И я произнес речь. Я говорил долго и горячо. Я гордился тем, что нашел понятные ребятам слова. Они слушали внимательно, и, когда, закончив, я спросил: «Ясно?» – они хором отозвались: «Ясно!». В тот день у меня было великолепное настроение.

А на следующее утро перед уроком на бортике доски появилась надпись: $a+b = \text{любовь}$. Я заметил ее сразу, как только вошел. Я обвел взглядом класс. Я уже думал начать разбирательство. Но пока я перелистывал журнал, мне в голову пришла мысль, что этого как раз не следует делать. Ведь получалось так, что каждое мое слово, ска-

занное в защиту Ани и Володи, оборачивалось против них. Я только лишний раз привлекал внимание ребят к этой формуле.

– Дежурный, сотри с доски.

Урок прошел спокойно.

В перемену ко мне подошел Володя:

– Юрий Васильевич, можно, я пересяду на другую парту?

Я был классным руководителем и должен был спросить: почему?

Но я не спросил, хотя во мне все сильнее поднималось раздражение. Мне уже надоело делать вид, что я ничего не понимаю.

– Хорошо, садись.

– Спасибо... – сказал Володя и ушел, так и не взглянув на меня.

Во время большой перемены в учительскую вошел Коля Боков.

– Юрий Васильевич, – прошептал он, отведя меня в сторону, – ведь ребята поступают нехорошо. Я про «а» + «в».

– Отвратительно. Вот и скажи ребятам, если это повторится...

– Конечно, – сказал Коля. – Какое нам дело, если они влюбились! – Он посмотрел на меня, словно проверяя, как я отнесусь к этому слову.

Странный был парнишка Боков. Он очень любил говорить правильные слова. Порядочный, скромный мальчик. Но я знал, что Боков тайно завидует Радужному.

– Ты знаешь, кто написал?

Боков покраснел.

– Ну... Вообще.. как бы сказать...

– Радужный?

– Ну... вообще... я сам-то не видел...

– Ну что же, – я пожал плечами. – Если ты не видел, тогда и говорить не о чем. Иди в класс.

После уроков я задержал Радужного.

– Слушай, Костя, если я еще увижу на доске эти надписи, будет худо.

– Да ведь ничего особенного нет, – сказал Костя, – мы просто шутим. А они очень заводятся. Вы же знаете, если человек обижается на шутки, его еще больше хочется дразнить.

Прошел целый месяц. Класс как будто забыл о Володе и Ане. И они, уже не скрываясь, уходили из школы вместе. Я был доволен, что все забыто и ничто больше не отвлекает класс от занятий. Но я ошибался. Они ничего не забыли. Вернее, кто-то из них...

Левее, пониже школы, течет река Нива. Ребятам, сидящим у окна, доставляет удовольствие следить за подъемом воды.

В один из февральских дней, войдя в класс, я увидел, что ребята сгрудились у окна, выходящего к Ниве. Они толкались, лезли друг на друга, смеялись. Они были так возбуждены, что мне пришлось потратить пять минут, чтобы их успокоить.

– Что вы там увидели?

– А вы посмотрите, – сияя сказал Радужный.

Я подошел к окну. Плоская белая Нива. Баркасы на берегу, занесенные снегом. Все обычно... И вдруг я увидел на темной отвесной стене утеса громадными белыми буквами было выведено: $A+B = L$. Буквы большие, почти в рост человека. Я повернулся к ребятам. Они сразу притихли.

– Ну что ж, молодцы! – сказал я. Они переглянулись. По выражению моего лица они, конечно, поняли, что я не собираюсь радоваться вместе с ними.

– А может быть, это и не мы... – пробурчал кто-то в глубине класса. И тогда они задвигались и зашумели. Они закричали: одни с обидой, другие – с возмущением, третьи – просто так, чтобы покричать:

– Да! Не мы!

Я посмотрел на Радужного. Он тоже кричал что-то, но, встретившись со мной взглядом, осекся, выпятил губы и уткнулся носом в парту.

«Он!» – подумал я. Я был уверен, что это сделал Радужный. Но как заставить сознаться Радужного, если он не хочет? И вообще, кто я такой – учитель или сыщик?

Итак, я все больше запутывался в этой истории. А она, кажется, еще только начиналась. С этого дня все, что имело отношение к Володе и Ане, отражалось на скале. Они перестали друг с другом разговаривать.

Володя и Аня дружили давно, ребята говорили: с первого класса. Нужно было во что бы то ни стало прекратить проделки неизвестного «художника». И я вызвал Бокова.

– Коля, ты, кажется, знаешь, кто писал на доске. Он же наверное пишет и на скале. Скажи мне – кто? Я не буду его наказывать. Мы вместе с тобой пойдем сейчас к этому ученику и поговорим с ним. Иначе ему будет хуже – рано или поздно это откроется.

Боков переступил с ноги на ногу и одернул рубаху. Он не глядел на меня. Этот разговор был ему явно неприятен.

– Да весь класс не знает, – сказал он. – Все хотят узнать и не могут. А почему вы спрашиваете меня?

– Я же объяснил. Мне показалось, что ты знаешь.

– Нет, – сказал он наконец. – Я тоже не знаю.

Он ушел. Белый знак вопроса по-прежнему маячил перед нашими окнами. Он постепенно бледнел и скоро стал едва заметен. Наступил день 1 мая. По главной улице ребята шли к морю, чтобы зажечь костер. Володя с Аней были в одной шеренге, рядом. И так же, как все, они пели песни. А третьего мая на скале засияла свежая надпись: $A+B = !!!$

В этот день ни Мельникова, ни Ефремов не пришли в школу. Я объяснял урок, и внутри у меня все кипело. Ребята, видно, чувствовали мое настроение. Никто не смотрел в окно, никто не улыбался. Они сидели тихие и немного растерянные. Прозвенел звонок.

– После уроков – собрание! – бросил я и вышел из класса.

Последний урок я проводил не в своем классе. Продолжая объяснять, я подошел к окну. Возле скалы стояла толпа. Два человека отделились от этой толпы. Они несли третьего. Еще не веря своей догадке и, не глядя на тех двоих, я знал, что они несут Володю Ефремова. Они поднялись на гору, направляясь в поликлинику.

Я прибежал в поликлинику без пальто. Человек в белом халате мыл руки. Володи не было... Я вернулся в школу к концу пятого урока. Класс встал мне навстречу. Они уже знали, я понял это по их лицам.

– Что же будем делать? – спросил я.

Класс молчал. Вид у ребят был растерянный.

– Юрий Васильевич, он поправится? – Радужный стоял, наливаясь краской. Внезапно он крикнул:

– Это не мы!.. Не мы! Никто не знает...

Словно по команде, ребята сорвались со своих мест, бросились к столу и обступили меня. Они кричали все сразу. Я обводил взглядом ребячьи лица – негодующие, обиженные, возмущенные...

«Нет, не из моего класса...» – с облегчением подумал я и вдруг увидел Бокова. Он не кричал. Он стоял позади всех и глядел в пол.

– Тихо! – сказал я. – Я знаю, кто это сделал.

Шум оборвался, как будто выключили радио.

– Я знаю, кто это сделал. Пусть признается сам.

Молчание.

– Тогда я буду спрашивать.

– Радужный.

Тот выдохнул воздух и мотнул головой.

– Боков?

Боков поднялся. У него дрожали губы, и, скажу по-честному, на какое-то мгновение мне стало его жалко.

– Почему... я... Нет...

– Ты или нет?

– Юрий Васильевич... – дрожащим голосом сказал Боков. – Можно вам одному?.. Можно с вами выйти?

– Нет, говори при всех!

Боков отвернулся и, не глядя ни на кого, пошел к выходу. Он ушел и класс проводил его молчанием. Вечером Боков догнал меня на улице.

– Юрий Васильевич, – сказал он, заглядывая мне в лицо, – это не я. Честное слово, не я!

– Почему же ты ушел из класса и ничего не объяснил ребятам?

– Все из-за краски... Я только подавал банку с краской. На меня случайно капнуло, а писал не я. Я стоял рядом.

– Кто писал?

– Мой знакомый. Он из другой школы. Я рассказал ему, а он говорит: «Давай напишем!». А я согласился... Но я только краску подавал... и еще размешивал... Извините, Юрий Васильевич. Больше не буду. Я ведь честно признался... Хотите, я вам его адрес скажу? Красная улица, дом девять, квартира...

– Не нужно квартиры, – перебил я. – Думаю, Боков, тебе лучше уйти из нашей школы. Самому.

– Я же честно признался... – растерянно повторил Боков.

На другой день мать Бокова принесла заявление о переводе сына в другую школу. Директор не возражал. За лето надпись на скале выгорела, поблекла, и осенние дожди стерли ее окончательно.

Володя давно уже здоров. Но они с Аней по-прежнему сидят на разных партах.

Вопросы к обсуждению:

1. Как вы оцениваете то, что произошло в шестом «а» классе? Кто виноват в случившемся? Некоторые считают, что виноват только Боков, другие полагают, что главная вина – зачинщика Радужного, третьи обвиняют весь класс. Чью позицию разделяете вы? Почему?

2. Почему рассказ начинается с подробного описания поведения ребят в первые минуты после звонка на урок? Какое отношение это имеет к тому, что произошло дальше?

3. Можно ли считать шуткой то, что произошло в классе? Как «шутит» Радужный и как Боков?

4. Могла ли подобная шутка закончиться благополучно? В чем ее губительные последствия, только ли в том, что Володя сорвался со скалы и чуть не погиб? Проследите, как влияло каждое проявление шутки на взаимоотношения Ани и Володи.

5. Почему, хотя надпись на скале стерлась, и Володя давно выздоровел, они с Аней по-прежнему сидят на разных партах?

6. В рассказе неоднократно встречаются слова «быть добрым». Как вы их понимаете? Какая связь между добротой и тем, что произошло? Как изменился класс в результате истории с «шуткой»?

7. Почему Радужного простили, а Бокову пришлось уйти из школы, и класс провожал его молчанием?

8. Чему научила шестой «а» класс история с шуткой? Какой след эта история оставила в вашей душе? Случалось ли подобное происшествие в вашей жизни?

0 рассказе Макса Бременера «Лешкина переэкзаменовка»

Поддавшись настоянию ребят, Володя ловко разыграл своего одноклассника Лешку по телефону: изменив голос, выдал себя за Анну Аркадьевну – преподавательницу русского языка, по которому Лешке предстояла переэкзаменовка. Из далекого Кисловодска, где она отдыхала, «Анна Аркадьевна» дала Лешке ряд советов, как готовиться к экзамену и заодно подбодрила его: «Я уверена, что ты выдержишь переэкзаменовку как следует. Совершенно не сомневаюсь». Внимание учительницы Лешка принял за чистую монету, не подозревая, что с ним говорит его одноклассник из соседнего дома. Телефонный звонок окрылил Лешку, придал ему силы. Раскрыть подвох значило бы лишить Лешку поддержки. Ложь, которую Володя вынужден был предпочесть правде, оказалась спасительной. И хотя настоящая Анна Аркадьевна не верила, что Лешка выдержит экзамен, он его выдержал. Узнал Лешка правду или нет – это уже не имеет значения. Важно, что Володя с Лешкой остались друзьями, и Лешка перешел в седьмой класс.

Побуждая школьников к анализу случившегося, важно показать, что во имя добра даже ложь или розыгрыш становятся нравственной категорией.

Текст рассказа:

В тот вечер, когда началась эта история, мы трое – Владик, его сестра Вера и я – сидели на новом, очень шикарном диване у Владика дома. Вера, которая радовалась, что Владик ее не гонит, старалась рассказать что-нибудь интересное.

– А одна девочка из нашего класса знает кого видела? – начала она.

– Ну? – спросил Владик лениво.

– Анну Аркадьевну, учительницу, вот кого! Она сейчас знает где? В Кисловодске, на Кавказе, вот!

В это мгновение на столе зазвонил телефон.

– Включили! – закричали Владик с Верой, одновременно схватившись за трубку. Звонили с телефонной станции, чтобы сказать, что аппарат, который вчера установили, включен в сеть.

– Что бы теперь такое... а, ребята? – начал Владик.

– Придумали! Ну и будет сейчас!.. От нетерпения Вера даже не договорила и принялась набирать номер телефона.

– Что ты придумала? – спросил я.

– То, что ты сейчас разыграешь Лешку!

Я не успел даже возразить, как Вера, изменив голос на писклявый, выпалила в трубку:

– Лешу Лодкина!.. Вы Лодкин? Кисловодск вас вызывает. Абонент, не отходите от аппарата! Соединяю! – И Вера притиснула трубку к моему уху.

Я понял, что задумала Вера. Она хотела, чтобы я поговорил с Лодкиным голосом Анны Аркадьевны, нашей преподавательницы русского языка и классной руководительницы. Но я не подготовился к розыгрышу и не знал, что скажу Лодкину. Я помнил только, что ему предстоит переэкзаменовка по русскому, значит, надо Лешу спросить, как у него дела с грамматикой. О чем бы еще могла спросить его Анна Аркадьевна, я не представлял.

– Здравствуй, Лодкин, – сказал я неторопливым, слегка певучим голосом Анны Аркадьевны.

– Здравствуйте, Анна Аркадьевна! – закричал Лодкин не то обрадованно, не то испуганно. – Мне вас очень хорошо слышно!

– Ну как у тебя дела с грамматикой? – спросил я. И это у меня получилось так похоже на Анну Аркадьевну, что Вера в восторге запрыгала по комнате, а Владик выскочил хохотать в коридор.

Лодкин ответил, что вчера был в школе и писал тренировочный диктант.

– А как ты думаешь, ты сделал в нем ошибки? – спросил я. Такой вопрос вполне могла задать Анна Аркадьевна.

– Наверное, сделал, – ответил Лодкин печально. – Боюсь, что сделал, Анна Аркадьевна.

Мне стало жаль Леишу, захотелось подбодрить его, и я сказал:

– Я уверена, что ты выдержишь переэкзаменовку как следует. Совершенно не сомневаюсь. Уделяй только побольше внимания правилам. Заглядывай почаще в орфографический словарь. И все будет хорошо, вот увидишь. Ты вполне можешь написать на четверку, Лодкин. Я желаю тебе успеха, и я в тебе уверена!

Не знаю, была ли в этом уверена Анна Аркадьевна там, в Кисловодске, но, по-моему, и она, если бы услышала, до чего Леиша печальный, решила бы его подбодрить.

– Спасибо, Анна Аркадьевна, – сказал Леиша, – теперь я... Мне ребята тоже говорили, что я могу выдержать, только я... А раз вы говорите, то, значит... я... Может, правда выдержу! Большое вам спасибо, Анна Аркадьевна! Вообще...

– За что же, Леиша? – спросил я, едва не забыв, что изображаю Анну Аркадьевну.

– За то, Анна Аркадьевна, что позвонили... Время не пожалели. Вот что я спросить хочу, – вдруг вспомнил он, – вводные слова в предложении всегда запятыми выделяются? Я в диктанте выделил.

Этот совсем неожиданный вопрос меня затруднил.

– Видишь ли, Лодкин, – промямлил я с таким сомнением, какого у педагога быть не должно, – все зависит от случая, понимаешь ли... Правила без исключений бывают редко, так что...

Тут, к счастью, Вера заметила, какой у меня стал нерешительный тон, и затараторила в трубку:

– Ваше время истекло! Заканчивайте разговор. Разъединяю вас!

Когда я положил руку на рычаг телефона, Вера и Владик захлопали в ладоши. Но я был не особенно доволен собой. Мне и раньше приходилось подражать голосом других людей. Но тогда это была просто шутка, и мне нравилось видеть, как все ребята смеются. А сейчас получилась путаница.

– Надо объяснить Леишке, что я его разыграл, – сказал я, – а то он... – И я потянулся к телефону.

Но Вера отвела мою руку:

– Хорошо, скажешь ему, но только не сейчас. Завтра скажешь ему, ладно? Или, еще лучше, мы с Владиком ему скажем. Вот он удивится, представляешь?

Владик тоже стал меня уговаривать подождать до завтра. В конце концов я согласился.

Наутро я проснулся оттого, что кто-то орал мне прямо в ухо. Я открыл глаза и увидел Владика.

– Да проснись же, Володька! – закричал он. – Лешка взялся за ум, понял?

– Удивился, наверно, Лешка, когда узнал, что это я его вчера разыграл? – спросил я.

– Он-то, наверно, так бы удивился, что и представить нельзя, – сказал Владик, – только я ему, конечно, ничего не сказал. Сам понимаешь.

– Ничего не понимаю! – перебил его я. – Как же, когда...

Но тут Владик тоже меня перебил:

– Слушай, это даже спящий поймет! Со вчерашнего вечера Лешка стал заниматься на совесть. После твоего звонка он решил обязательно выдержать переэкзаменовку. Хочешь, чтобы ученик нашего класса остался на второй год? Думай...

Лешу Лодкина я знал давно. Он был известен не только в нашем классе, но и в параллельных. Я думаю, что о нем слышали и в роно.

Леша Лодкин делал огромное количество ошибок в диктантах. Его диктанты хранились в методических кабинетах. Ему удавалось иногда сделать несколько ошибок в одном слове. Из-под его пера выходили часто слова совсем без гласных. Запятые он ставил без всякого разбора.

То, что Лешка решил во что бы то ни стало сдать переэкзаменовку, было, конечно, очень хорошо. Я отправился к Лешке. Мать Лодкина – она открыла мне дверь – сказала торжественно:

– Леша занимается! – У нее был праздничный вид.

– Володя, ты уж... – Лешка посмотрел на меня виновато и дружески. – Я сейчас с тобой разговаривать не буду и на улицу не пойду. Не обижайся, ладно? Дело, Володя, в том... И он сказал мне, что должен теперь заниматься так много, как только может, потому что Анна Аркадьевна даже на отдыхе о нем не забывает и вчера звонила из Кисловодска.

– Может быть, она еще позвонит. Я ее тогда обязательно хочу порадовать, – сказал он. – Ведь она же может еще позвонить?

– *Может, – ответил я, глядя не на Лешку, а на стену, увешанную суффиксами и приставками.*

– *Слушай, она сказала, что во мне уверена... – Лешка помолчал. – Я не могу проваливать переэкзаменовку! Раньше бы мог, а теперь...*

Я продиктовал Лешке страничку из хрестоматии, поправил ошибки и ушел, не сказав, что вчера разыграл его.

Через несколько дней, когда мы собрались в Парк культуры, Володя сказал, что Лодкин приуныл.

– *Его нельзя оставлять без присмотра! – вздохнула Вера так, словно приходилась Лодкину бабушкой и он давно уже отравлял ей спокойную старость.*

– *Молчи, – сказал Владик. – Понимаешь, Володя, Лешка опять стал меньше заниматься. Говорит, не осилить ему всей премудрости. Прямо старая песня... Его все время вдохновлять надо...*

– *Кто же его будет вдохновлять? – спросил я.*

– *Ты, – ответил Владик сразу. – Позвонишь, как в тот раз за Анну Аркадьевну?*

– *Ну нет!*

– *Позвонишь! – сказал Владик внушительно.*

Я призадумался... Кончилось тем, что они с Верой отправились в Парк культуры, а я, чтобы вечером не оплошать, решил взяться за грамматику и синтаксис. Так как я не знал, по какому разделу Лешка меня о чем-нибудь спросит, то занимался весь день. Когда, перелистав учебники, я поднялся из-за стола, уже стемнело. Набитый правилами, я побежал к Владиду.

Вера, как и в первый раз, соединила меня с Лодкиным, и я услышал громкий, очень довольный Лешкин голос:

– *Анна Аркадьевна, это вы, да?*

– *Я, – ответил я.*

– *У меня дела лучше, Анна Аркадьевна! – крикнул Лодкин.*

– *Очень рада, – сказал я. – Надеюсь, Леша, ты занимаешься все время?*

– *Все время... то есть последнее время я... а так все время, Анна Аркадьевна.*

– *Прекрасно, – сказал я. – Я желаю тебе успеха. Будь только внимателен, когда сядешь писать диктант. Не спеши, как это с тобой бывает. До свиданья!*

Когда я положил трубку, мне стало очень не по себе. Но Владик стал убеждать меня, что ничего дурного не произошло...

Больше я с Лодкиным по телефону не разговаривал. Видно, Владик в канун переэкзаменовки решил, что обойдется и без меня. И действительно, Лешка написал диктант на четверку. Лешка был счастлив. Его перевели в седьмой класс, и он, едва об этом узнав, бросился покупать все необходимое для нового учебного года...

Встретив Анну Аркадьевну из Кисловодска, я без всякой утайки рассказал все с самого начала: как позвонил Лешке в первый, а потом во второй раз, как мы пошли к Лешке, чтобы все ему растолковать. А вместо этого его обманули.

Анна Аркадьевна слушала меня очень внимательно. Сначала у нее было такое лицо, как будто я ей отвечаю у доски, и она хочет, чтобы я знал, правильно отвечаю или нет. Не знаю почему, но больше всего удивилась Анна Аркадьевна, когда узнала, что Лешка сдал на четверку. Она даже вскрикнула и переспросила:

– На четверку? Не может быть! Но это точно, что он сдал, ты не путаешь?

Я сказал, что знаю наверняка.

– Непонятно! Представляешь, я совершенно... ну ни капельки не верила, что Лодкин может выдержать! Как это произошло, трудно представить!

– Очень просто, – попытался я объяснить, – ваши звонки имели огромное воспитательное значение! То есть... я говорю, что когда я звонил, то... то помогало все-таки, – спохватился я.

Анна Аркадьевна нахмурилась.

– Так, – сказала она. – А чего же ты теперь хотел бы?

Я ответил, что хочу, чтобы Лешка по-прежнему думал, будто ему правда звонила Анна Аркадьевна. Я сказал, что знаю, что я виноват, и прошу, чтобы тайну не открывали не из-за себя, а только из-за Лешки и его матери. И пока я это говорил, Анна Аркадьевна молчала и смотрела мне прямо в глаза так, что я не мог их отпустить, и мне все казалось, что надо еще что-то сказать важное-важное.

– Если бы Лешка с матерью после этих звонков подумали о вас плохо, – сказал я, – тогда бы обязательно пришлось им все рассказать. А раз они теперь о вас думают даже гораздо лучше, чем раньше, то, по-моему... – И я замолчал, потому что Анна Аркадьевна покраснела так, как никогда при мне не краснел ни один учитель. По-моему, так человек может покраснеть, только если ему станет не по себе.

– Так тебе не хочется говорить с Лодкиным? – спросила Анна

Аркадьевна тихо и медленно. – Ладно. Можешь ему ничего не объяснять. Я поговорю с ним сама. – Анна Аркадьевна остановилась. – Я еще не знаю, что расскажу ему, а чего не расскажу. Надо подумать. Но, в общем, я это беру... да, беру на себя. Вот так, Володя. А пока что...

Анна Аркадьевна быстро подошла к телефону, заглянула в книжечку и набрала какой-то номер. Я услышал:

– Пожалуйста, Лешу Лодкина!

Было интересно, какая у них получится беседа, но почему-то мне стало немного не по себе, и я решил уйти.

– До свиданья. Я пойду.

Попрощавшись с Анной Аркадьевной, я быстро пошел к входной двери. Когда я уже отомкнул замок, до меня донеслось: «Поздравляю тебя, Леша!».

Я сбежал по лестнице и пешком отправился домой.

Владик ко мне с того дня не приходил. Я у него тоже не был.

А Лешка забежал ко мне на днях за какой-то книжкой. Про что говорила с ним Анна Аркадьевна, он не сказал. Во всяком случае, он не обижен на меня, это точно. Иначе он не позвал бы меня на свой день рождения, на который я пойду сегодня вечером.

Вопросы к обсуждению:

1. Почему Володя с самого начала не был доволен собой, что подшутил над Лешкой? Почему ему очень хотелось открыть правду Лешке? Почему то, что произошло, он назвал не шуткой, а путаницей?

2. Какую роль сыграл для Лешки звонок Володи, произведенный якобы Анной Аркадьевной? Почему именно после звонка Володи Лешка стал готовиться к экзаменам на совесть?

3. Правильно ли поступили ребята, что не открыли Лешке правду? Разделяете ли вы их мнение, что обман «имел большое воспитательное значение»? В каких случаях так бывает?

4. Почему, когда Лешка сдал экзамен, ребята так и не сказали ему правду?

5. Почему, узнав о звонке и о том, что Лешка сдал на четверку, Анна Аркадьевна «покраснела так, как никогда не краснел ни один учитель»? О чем, по вашему мнению, подлинная Анна Аркадьевна говорила с Лешкой по приезде из Кисловодска?

6. Почему история с обманом подружила Володю с Лешкой и раздружила его с Владиком и Верой?

7. Чем отличается добрая шутка от злой?

Дополнительная литература по теме:

Железников В. «Чучело»

Грошева О. «Славкины истории: в шутку и всерьез»

Крюкова Т. «Единожды солгавший: повесть и рассказы»

Махотин С. «Вирус ворчания»

Нагибин Ю. «Как был спасен Мальмгрен»

Пантелеев Л. «Честное слово»

Алексин А. «В стране вечных уроков»

О ПРАВДЕ, ЛЖИ И ДЕТСКОЙ ФАНТАЗИИ

О теме

Правда – то, что соответствует действительности, что верно, что было на самом деле. Любовь к правде – в природе человека. Слова «правда», «правильный» относятся ко всему, что находится в гармонии с мирозданием, с желаниями и поступками, способствующими духовному развитию человека. Когда человек скрывает правду или подавляет ее, он идет против своей природы. Тому, кто не способен лгать и говорит всегда правду, даже враги отдадут предпочтение. Правда требует стойкости, силы характера, за нее часто приходится бороться, чтобы ее доказать и ей следовать. Закладывание в сознание детей ценностей правды поможет им правильно строить свою жизнь теперь и в дальнейшем.

Антиподом правды является ложь. В народных сказках ее чаще называют «кривдой». Ложь – это намеренное искажение правды, чтобы ввести слушателя в заблуждение ради своей выгоды. Это недобросовестный поступок. Замеченный во лжи человек теряет доверие других, даже в правдивых словах ему перестают верить. Виноватым никому не хочется быть. Чаще всего ребенок прибегает ко лжи в оправдание себя. Но есть ложь и во спасение другого, ради его блага. Ее люди оправдывают. Ее надо отличать от лжи злонамеренной, когда злые побуждения прикрываются чистосердечием. Ради корысти человек притворяется, выдает себя не за того, кто он есть на самом деле. Лживый человек привыкает ко лжи. Лживыми становятся не только слова его, но и сердце. Чтобы правильно относиться ко лжи, надо исходить из ее мотивов, понимать, чем она обусловлена и какова ее цель.

Однако не всякая неправда есть ложь. К такой неправде относится фантазия – самобытная и бескорыстная сила созидания, продукт воображения и творческой активности мозга. Взрослые детскую фантазию часто принимают за ложь. В отличие от лжи фантазия – бескорыстна. Ребенок, склонный к фантазии, – это чаще всего творчески одаренный ребенок. Однако в детстве нередки случаи, когда фантазией ребенок прикрывает ложь. Все эти и другие нюансы правды, лжи и фантазии детские писатели-психологи и отразили в своих произведениях, в том числе и в рассказах. Заставить задуматься читателей об истинных мо-

тивах поведения персонажей, их высказываний – это значит побудить каждого из них задуматься не только о других людях, но и о самом себе.

Предлагаем обсудить:

1. Яковлев Ю. «А Воробьев стекло не выбивал»
2. Драгунский В. « На Садовой большое движение»
3. Носов Н. «Карасик»
4. Носов Н. «Фантазеры»
5. Драгунский В. «Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах»
6. Злотников В. «Записки»

О рассказе Юрия Яковлева «А Воробьев стекло не выбивал»

Этот рассказ о защитнике правды, каким предстает перед читателем школьник по фамилии Сёмин, прозванный за свой характер Марком Порцием Катонем Старшим. Этот римлянин, живший во втором веке до нашей эры, вошел в историю тем, что упорно твердил: «Карфаген должен быть разрушен». Сёмин подобен ему по упорству, но не по целям: римский консул жаждал мести, а Сёмин – справедливости. Упорство подростка заключалось в том, что при каждом удобном случае он твердил одно: «А Воробьев стекло не выбивал», хотя тот – известный стеклобой в школе – признался в совершенном проступке, что это он выбил стекло в двери кабинета директора. Однако Семин, невзирая на признание Воробьева, продолжал твердить свое – «А Воробьев стекло не выбивал». Эта ситуация зашла в тупик: Воробьев говорил, что он разбил стекло, Сёмин уверял, что Воробьев врет. Резон врать у Воробьева был: директор пообещал не вызывать его мать в школу, а значит, соврать мальчишке было безопасно, да и допытываться больше никто не станет, и его оставят в покое. Сёмин, знавший точно, что Воробьев стекло не выбивал, при каждом удобном случае твердил заученную фразу о невиновности Воробьева. Когда директор, чтобы прекратить эту историю, еще раз вызвал Сёмина, тот продолжал твердить своё, что Воробьев стекло не выбивал. Когда разгневанный директор спросил Сёмина, долго ли это будет продолжаться, тот ответил: «Всегда». С этого момента и появился в школе Марк Порций Катон Старший. К его фразе все привыкли и не обращали на это внимание. Однако история имела продолжение на выпускном вечере. «Средь шумного бала» вдруг раздались слова: «А Воробьев стекло не выбивал». На вопрос директора, чего добивается Сёмин, тот ответил: «Правды». И действительно, истинным виновником был не Воробьев, а совсем другой школьник. Так закончилась история борьбы лжи и правды, произошедшей в школе, в пользу правды. Эта борьба и эта победа запомнились автору рассказа на долгие годы. Поверят ли в эту победу сегодняшние читатели? Вызовет ли у них уважение борец за правду?

Текст рассказа:

Мне жалко людей, которые рано перестали верить в сказки, разлюбили зверей и птиц, забыли дорогу в детство...

Я часто имею дело с детьми, и моё собственное детство мне кажется не таким отдаленным. И я неожиданно начинаю ощущать себя не взрослым человеком, а состарившимся мальчиком. Это странное состояние, радостное и грустное одновременно, неожиданно увеличивает в своем значении события детских лет. И рядом со мной все чаще появляется мой школьный товарищ Сёмин – Марк Порций Катон Старший.

Его двойник, живший во втором веке до нашей эры в Риме, прославился тем, что всю жизнь, изо дня в день, упорно повторял: «Карфаген должен быть разрушен!».

Мой друг не требовал разрушения Карфагена, и не потому, что этот прекрасный город был разрушен римлянами задолго до его рождения (в 146 году до нашей эры), – просто он был добрым мальком. Однако имя римского цензора он носил с завидным достоинством.

Эта необычная история началась с разбитого стекла. Толстое, шершавое, как бы покрытое морозным инеем, стекло в дверях директорского кабинета оказалось разбитым. И напоминало броню, пробитую снарядом. В образовавшейся бреши, как в пасти чудовища, торчали острые зубы осколков, и директор, маленький подвижный человек с розовой безволосой головой, выглядывал из этой зубастой пасти. В этот день у него был сокрушённый вид, как у человека, и впрямь попавшего в пасть.

– Кто разбил стекло?

Естественно, тот, кто всегда бьет стекла: портфелем, мячом, корзинкой для бумаг, локтями. Воробьёв! Если собрать все стёкла, разбитые за долгий век Воробьевым, то их хватит, чтобы застеклить новый дом. Итак, позвать сюда Тяпкина-Ляпкина, то бишь Воробьева!

Воробьев заглянул в «пасть» директорской двери:

– Звали?

– Войди! – приказали из «пасти».

Воробьев открыл дверь. Осколок стекла с легким звоном упал к его ногам. В этом звоне звучал укор.

– Ты выбил стекло? – спросил директор, поглаживая маленькой рукой бронзовую лошадь чернильного прибора. – Ты?

– Не-е! – односложно ответил Воробьёв.

Казалось бы, всё ясно. Ведь никто лучше Воробьёва не знал, выбивал он стекло или не выбивал. Но, оказывается, ничего не было ясно. По крайней мере директору. Он сказал:

– Пойди, подумай. Зайдешь на следующей перемене.

– Подумаю, – буркнул Воробьёв, хотя думать ему было нечего. – Зайду.

На следующей перемене «пасти» в дверях директорского кабинета уже не было: ее забили фанерой. Чистой, ещё не исписанной словами и словечками. Воробьев постучал в фанеру.

– Подумал? – спросил директор, – Ты выбил стекло?

– Не-е!

Директор ударил рукой по крупу бронзовой лошади.

– Воробьёв! Хоть раз в жизни признайся чистосердечно, тогда тебе ничего не будет.

Это был деловой разговор!

– Мать вызывать не будете? – поинтересовался мальчик.

– Не будем!

Воробьев устало посмотрел на директора – верить или не верить? – и решил рискнуть:

– Я выбил... Можно идти?

– Иди, – с облегчением сказал директор и почти с любовью посмотрел на Воробьёва. А Воробьёв посмотрел на директора, как на участника в заговоре.

На этом история с разбитым стеклом могла благополучно завершиться, если бы Сёмин не был в душе Марком Порцием Катонем Старшим. В тот же день мой школьный товарищ открыл дверь с фанерой вместо стекла и с твёрдостью, с какой его римский двойник произносил: «Карфаген должен быть разрушен!», сказал:

– А Воробьёв стекло не выбивал!!

– Это ещё что за новости?! – Рука директора оседлала бронзовую лошадь чернильного прибора.

– А Воробьёв стекло не выбивал! – повторил Сёмин.

– Кто же, по-твоему, выбил?

– Не знаю.

– Вот-вот, – оживился директор, – не знаешь, а говоришь! Воробьев сам признался. Понятно?

– Понятно, – ответил Марк Порций Катон Старший. – А Воробьёв стекло не выбивал.

Розовая голова директора поплыла по кабинету как воздушный шарик.

– Воробьёв говорит – выбил, ты говоришь – не выбивал! Кому прикажешь верить?

– Мне! – приказал упрямый римлянин.

Директор вспыхнул:

– Позвать Воробьёва!

Позвали. Воробьёв пришёл.

– Ты выбил стекло?

– Я, – как по-заученному, выпалил Воробьёв.

– Что ты на это скажешь, Сёмин? – победоносно спросил директор моего школьного товарища.

– Он врёт! – ответил Сёмин.

– Какой ему резон врать? Если бы он отпирался, тогда другое дело. Но он признаётся. Не вижу логики!

– Он врёт! – повторил Сёмин, который видел логику.

– Отстань ты! – лениво буркнул Воробьёв и тайком погрозил Сёмину кулаком. – Я выбил.

– Теперь ты убедился? – Директор торжествующе трепал по холке бронзового коня.

– А Воробьёв стекло не выбивал!

– Во-он! – тихо сказал директор, и его розовая голова стала пунцовой.

Так была упущена ещё одна возможность раз и навсегда покончить с выбитым стеклом. История продолжалась.

В классе шел сбор, посвящённый сбору колосков в подшефном колхозе. Все шумно обсуждали колоски. Спорили. Брали обязательства. Мой товарищ поднял руку.

– Обязуюсь собрать мешок колосков, – сказал он и тут же добавил: – А Воробьёв стекло не выбивал!

– Какой Воробьёв? Какое стекло? – растерялась возжатая. – Ведь мы говорим о колосках!

– Так я и говорю о колосках, – сказал Марк Порций Катон Старший. – А Воробьёв стекло не выбивал.

– Выбил, – мрачно сказал Воробьёв: он был верен уговору, держал слово.

– Ну конечно, выбил, – подхватила возжатая, – а колоски...

– Не выбивал, – стоически повторил двойник римского цензора.

– Сёмин, ты говоришь не на тему, – огорчилась возжатая. – Не срывай сбор, посвящённый сбору...

– Я за колоски! А Воробьёв стекло не выбивал!

На вечере самодеятельности Сёмину поручили читать стихотворение Пушкина «Вьюга». Он вышел на сцену, заложил руки за спину, привстал на носочки и объявил:

– Стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Вьюга». – Потом ещё выше привстал на носочки и выдохнул: – А Воробьёв стекло не выбивал! – Он произнёс эту фразу горячо и вдохновенно, как строку пушкинского стихотворения. Зал загудел. Засмеялся. Захлопал.

А Марк Порций Катон Старший смотрел в темный зал и широко улыбался. Он думал: ребята хлопают, шумят и смеются потому, что согласны с ним. Он вдохнул поглубже и радостно стал читать стихотворение:

– Буря мглою небо кроет

Вихри снежные крутя;

То как зверь, она завоет,

То заплачет, как дитя...

В зале стоял гул, шумели, но он не слышал шума, он читал с душевным жаром, и ему казалось, что пушкинские строки подтверждают его правоту. Директор, сидящий в первом ряду, поднялся со стула и пошел прочь, сказав, чтобы Сёмина немедленно прислали к нему.

Прямо со сцены Сёмина подвели к дверям директорского кабинета. К тому времени фанеру уже успели исписать и изрисовать вольностями, её пришлось выкинуть. На её место поставили толстое шершавое стекло, как бы покрытое морозным инеем. Сёмин постучал в новое стекло. Вошёл.

– Долго это будет продолжаться? – спросил директор.

– Что... продолжаться? – спросил мальчик.

– «А Воробьёв стекло не выбивал!» – голосом Сёмина произнес директор.

Сёмин немного подумал и тихо сказал:

– Всегда.

Тогда директор положил обе руки на спину бронзовой лошади и сказал:

– Среди древних римлян тоже встречались чудачки. Калигула, например, мечтал сделать своего любимого коня консулом и приводил его в сенат. А цензор Марк Порций Катон Старший все речи в сена-

те начинал словами: «Карфаген должен быть разрушен!», но так и не дождал до того дня, когда римляне смели с лица земли этот прекрасный город. Кто же ты? – спросил директор моего школьного товарища Сёмина. – Калигула или Марк Порций?

И мой друг, не моргнув глазом, ответил:

– Марк Порций Катон Старший.

Он стоял перед директором в потёртой курточке, в ботинках со сбитыми каблуками, маленький, щуплый, так не похожий на могущественного римлянина в просторной тоге, как бы сшитой из двух простыней. Но в своей гордой непреклонности он был похож на своего древнего двойника. Римский цензор требовал мести – мой друг хотел справедливости, поэтому был выше цензора на целую голову.

С этого момента в нашей школе не стало Сёмина, а появился Марк Порций Катон Старший. Его только так и называли. А он всюду и везде – на сборах, на классных собраниях, на встречах с любимыми писателями – повторял свою неизменную истину: «А Воробьёв стекло не выбивал!». Сперва на него сердились, с ним спорили. Потом привыкли и стали воспринимать его слова как шутку.

Прошли годы. Уже давно ребята из нашего класса перестали бить стекла. А самый главный стеклобой Воробьёв отпустил усы – жиденькие, рыжие усики – и очень гордился ими. Холил и лелеял... Наступил выпускной вечер. Все пришли в школу нарядные, возбуждённые. Очень шумели, чтобы заглушить грусть. Все произносили речи, как взрослые. Учителя тайком смахивали с глаз слезу и говорили, что лучше нас не было и не будет. И вот тогда «среди шумного бала» неожиданно поднялся наш Марк Порций Катон Старший и сказал:

– А Воробьёв стекло не выбивал!

Все засмеялись, решили, что теперь это шутка. И ждали, что наш римлянин тоже засмеётся. Но на его лице не было лучиков смеха: глаза смотрели напряжённо, а сам он был очень серьёзен. И все почувствовали, что он не шутит. На прощальном вечере у него оставалась последняя возможность доказать свою чудаковатую правоту.

– Честное слово... не выбивал...

Его голос дрогнул. Пальцы на руках задвигались: он пытался сжать их в кулак, а они, как на пружинках, распрямлялись. Ребята притихли, а наш маленький директор с розовой безволосой головой спросил:

– Послушай, Сёмин, чего ты добиваешься?

– Правды, – сказал Сёмин.

– Это было так давно...

– У правды не выходит срок.

– Но правда эта выеденного яйца не стоит. Маленькая правда.

Мой друг твердо посмотрел в лицо директору и сказал:

– Правда не бывает маленькой. Правда всегда большая. Меня так дома учили. Стоит один раз изменить правде, и тогда уже не останешься... Воробьёв стекло не выбивал!

И тогда поднялся Воробьёв и, прикрывая усы ладонью, словно стесняясь, сказал:

– Не выбивал. Я в тот день в футбол гонял на соседнем дворе. А в школе меня не было.

– Кто же выбил злосчастное стекло? – вырвалось у директора.

– Если по правде, то я, – сказал длинный парень, за свой рост прозванный Верстой.

Так закончилась эта маленькая история. Но все собравшиеся в актовом зале вдруг почувствовали облегчение, словно после тяжёлого знойного дня припали губами к холодному роднику.

Вопросы для обсуждения:

1. Почему автор рассказа не может забыть Сёмина – своего школьного товарища? Чем он привлекателен?

2. За что Сёмин получил прозвище Марк Порций Катон Старший? Уважительное или негативное это прозвище?

3. Почему ему было важно повторять директору и другим фразу: «А Воробьёв стекло не выбивал»? Какой смысл, вопреки признанию Воробьёва, твердить, что Воробьёв стекло не выбивал?

4. Почему сам директор был возмущен этой историей, полагая, что это слишком маленькая правда, чтобы её так упорно отстаивать?

5. Поддерживаете ли вы ответ Сёмина: «Правда всегда большая»?

Верите ли вы в рассказанную историю? Правдива ли она? Есть ли в вашей школе такие борцы за правду? Если есть, как вы к ним относитесь?

6. Как вы объясните концовку рассказа: «Все собравшиеся в актовом зале вдруг почувствовали облегчение, словно после тяжёлого знойного дня припали губами к холодному роднику»? А какое у вас родилось ответное чувство?

7. Достойна ли, по-вашему, эта маленькая история того, чтобы ав-

тор уделил ей внимание, запомнил ее и посвятил ей целый рассказ? Может быть, прав директор, что эта маленькая правда не имеет большого значения?

О рассказе Виктора Драгунского «На Садовой большое движение»

Этот рассказ об обманутом доверии, которое пришлось испытать Дениске и его другу Ваньке. Друзья долго чинили старый велосипед, чтобы можно было на нём прокатиться по «всему миру». Когда ремонт был закончен, они с радостью поехали кататься по московским улицам. У них было отличное настроение, и им казалось, что на земле живут только добрые люди. По возвращению домой, им дорогу преградил незнакомый парень с разрисованными руками и с лохматенькой собачонкой. Он, размазывая слёзы по лицу, стал жалобно просить у ребят велосипед, чтобы поехать в аптеку за лекарством для умирающей бабушки. В залог он готов оставить хозяевам велосипеда своего друга, которого представил «ценной собакой такс». Доверчивые и жалостливые к чужому горю ребята поверили парню, поклявшемуся, что через пятнадцать минут велосипед будет возвращён. Они прождали два часа. Но парень не вернулся. Тяжелее потери велосипеда была пришедшая в голову мысль о подлом обмане. Первому пришла эта мысль более опытному в оценке людей Ваньке. Что касается Дениски, то он так и не понял, что парень их обманул. Он беспокоился, что на Садовой большое движение и, возможно, с парнем произошло что-то страшное. Сердце Дениски не допускало, что среди людей существуют подлые лжецы. Разговор о рассказе – это разговор о правде и лжи, о доброте и доверии, о людях честных и бесчестных.

Текст рассказа:

У Ваньки Дыхова был велосипед. Довольно старый, но все-таки ничего. Раньше это был велосипед Ванькиного отца, но когда велосипед сломался, Ванькин папа сказал:

– Вот, Ванька, чем целый день гонка гонять, на тебе эту машину, отремонтируй ее, и будет у тебя свой велосипед. Он, в общем, еще хоть куда. Я его в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году купил на барахолке. Он тогда почти новый был.

И Ванька так обрадовался этому велосипеду, что просто трудно передать. Он его утащил в самый конец двора и совсем перестал гонка гонять, наоборот, он целый день возился со своим велосипедом: стучал, колотил, отвинчивал и привинчивал. Он весь чумазый стал, наш Ванька, от машинного масла, и пальцы у него были в ссадинах, потому что он когда работал, часто промахивался и попадал себе молотком по пальцам. Но все-таки дело у него ладилось, потому что у них в пятом классе проходят слесарное дело, а Ванька всегда был отличником по труду. И я Ваньке тоже помогал чинить машину, а он каждый день говорил мне:

– Вот погоди, Дениска, когда мы починим, я тебя на ней катать буду. Ты сзади на багажнике, будешь сидеть, и мы с тобой всю Москву изъездим!

И за то, что он со мной так дружит, хотя я всего только во втором, я еще больше ему помогал, и, главное, старался, чтобы багажник получился красивый. Я его четыре раза черным лаком покрасил, потому что он был всё равно, что мой собственный. И он у меня так сверкал, этот багажник, как новенькая машина «Волга», и я всё радовался, как я буду сидеть на нем, и держаться за Ванькин ремень, и мы будем носиться по всему миру.

И вот однажды Ванька поднял свой велосипед с земли, подкачал шины, протер его весь тряпочкой, и сам умылся из банки, и зацемил брюки внизу бельевыми зажимами. И я понял, что приближается наш с ним праздник. Ванька сел на машину и поехал. Он сначала объехал не торопясь вокруг двора, и машина шла под ним мягко-мягко, и было слышно, как приятно трутся о землю шины. Потом Ванька прибавил скорости – и спицы засверкали, и Ванька пошёл выковыривать номера, и стал петлять и крутить восьмёрки, и разогнался изо всех сил, и сразу резко тормозил, и машина останавливалась под ним как вкопанная. И он по-всякому ее испытывал, как летчик-испытатель, а я стоял и смотрел, как механик, который стоит внизу и смотрит на штуки своего пилота. И мне было приятно, что Ванька так здорово ездит, хотя я могу, пожалуй, еще лучше, во всяком случае, не хуже. Но велосипед был не мой, велосипед был Ванькин, и нечего тут долго разговаривать, пускай он делает на нем что угодно. Приятно было видеть, что машина вся блестит от краски, и невозможно было видеть, догадаться, что она старая. Она была лучше любой новой. Особенно багажник. Любо-дорого было смотреть на него, прямо сердце радовалось.

И Ванька скакал так на этой машине, наверное, с полчаса, и я уже стал побаиваться, что он совсем забыл про меня, но нет, напрасно я так подумал про Ваньку. Он подъехал ко мне. Ногой уткнулся в забор и говорит:

– Давай влезь.

Я, пока карабкался, спросил:

– А куда мы едем?

Ванька сказал:

– А не всё равно? По белу свету!

И у меня сразу появилось такое настроение, как будто на нашем белом свете живут только одни веселые люди, и все они только и делают, что ждут, когда же мы с Ванькой к ним приедем в гости. И когда мы к ним приедем – Ванька за рулём, а я на багажнике, – сразу начнется большущий праздник, и флаги будут развеваться, и шаррики летать, и песни, и духовые оркестры будут греметь, и клоуны ходить на голове.

Такое вот у меня было удивительное настроение, и я примостился на свой багажник и схватился за Ванькин ремень. Ванька крутил педали – и прощай, папа, прощай, мама! Прощай весь наш старый двор, и вы, голуби, тоже до свидания! Мы уезжаем кататься по белу свету! Ванька вырулил со двора, потом за угол, и мы поехали разными переулками, где я раньше ходил только пешком. И все теперь было совершенно по-другому, незнакомое какое-то, и Ванька все время позванивал в звонок, чтобы не задавить кого-нибудь!

«Ззь! Ззь! Ззь!».

И пешеходы выпрыгивали из-под нашей машины, как куры, и мы мчались с неслыханной быстротой, и мне было очень весело, и на душе было свободно, и очень хотелось горланить что-нибудь отчаянное. И я горланил букву «а». Вот так: «Ааааа!..» И очень смешно получалось, когда Ванька въехал в один старенький переулок, в котором дорога была вся в булыжниках, как при царе Горохе. Машину стало трясти, и моя оралка на букву «а» стала прерываться, как будто стоило ей вылететь изо рта, как кто-то сразу обрезал ее острыми ножницами и кидал на ветер. Получалось: «А! а! а! а!» Но потом мы опять покатали по асфальту, и всё снова пошло как по маслу: «Ааааа-ааааа!».

И мы ещё долго ездили по переулкам и, наконец, очень устали. Ванька остановился, и я спрыгнул с багажника.

Ванька сказал:

– Ну, как?

– Блеск, – сказал я.

– Тебе удобно было?

– Как на диване, – сказал я – еще удобней. Что за машина! Прямо экстра-класс!

Он засмеялся и пригладил свои растрёпанные волосы. Лицо у него было пыльное, грязное, и только глаза синели. И зубы блестели вовсю.

И вот тут-то к нам с Ванькой и подошел этот парень... Он был высокий, и у него был золотой зуб. На нем была рубашка с короткими рукавами, и на руках у него были разные рисунки, портреты и пейзажи. И за ним плелась такая лохматенькая собачушка, сделанная из разных шерстей... Были кусочки шерсти черненькие, были беленькие, попадались рыженькие и был один зелёный... Хвост у нее завивался крендельком, одна нога поджата.... Этот парень сказал:

– Вы откуда, ребята?

Мы ответили:

– С Трехпрудного.

Он сказал:

– Вона! Молодцы! Откуда доехали! Это твоя машина?

Ванька сказал:

– Моя. Была отцовская, теперь моя. Я ее сам отремонтировал. А вот он, – Ванька показал на меня, – он мне помогал.

Этот парень сказал:

– Да. Смотри ты!.. Какие неказистые ребята, а прямо химики-механики.

Я сказал:

– А это ваша собака?

Этот парень кивнул:

– Ага. Моя. Это очень ценная собака. Породистая, Испанский такс.

Ванька сказал:

– Ну что вы! Какая же это такса? Таксы узкие и длинные.

– Не знаешь, так молчи, – сказал этот парень. – Московский там или рязанский такс длинный, потому что он все время под шкафом сидит и растёт в длину, а это собака другая, ценная. Он верный друг. Кличка – Жулик.

Он промолчал. Потом вздохнул три раза и сказал:

– Да что толку! Хоть и верный пес, а все-таки собака. Не может мне помочь в моей беде...

И у него на глазах появились слезы! У меня прямо сердце упало: что с ним?

– Какая у вас беда?

Этот парень сразу покачнулся и прислонился к стене.

– Бабушка помирает, – сказал он и стал часто-часто хватать воздух губами и всхлипывать. – Помирает бабуся! У ней двойной аппендицит...

Он посмотрел на нас искоса и добавил:

– Двойной аппендицит и корь тоже на левой ноге...

Тут он заревел и стал вытирать слезы рукавом. У меня заколотилось сердце. А парень прислонился к стене поудобнее и стал выть довольно громко. А его собака, глядя на него, тоже завывала. И они оба так стояли и выли – жутко было слышать. От этого воя Ванька даже побледнел под своею пылью. Он положил свою руку на плечо этому парню и сказал дрожащим голосом:

– Не войте, пожалуйста! Зачем вы так воете?

– Да как же мне не выть, когда у меня нет сил дойти до аптеки? Три дня не ел! Ай-уй-уй-уй! – И он еще хуже завыл. И ценная собака такс – тоже. И никого вокруг не было. И я прямо не знал, что делать...

Но Ванька не растерялся нисколько.

– А рецепт у вас есть? – закричал он. – Если есть, давайте его поскорее сюда, я сейчас же летаю на машине в аптеку и привезу лекарство. Я быстро летаю!

Я чуть не подскочил от радости. Вот так Ванька, молодец! С таким человеком не пропадёшь, он всегда знает, что надо делать. Сейчас мы с ним привезём этому парню лекарство и спасём его бабушку от смерти.

Я крикнул:

– Давайте же рецепт! Нельзя терять ни минутки!

Но этот парень задержался еще хуже и замахал на нас руками, перестал выть и заорал:

– Нельзя! Куда там! Вы что? В уме? Да как же это я пуцу двух таких пацанят на Садовую? Да еще на велосипеде? Вы что? Да вы знаете, какое там движение? А? Вас там через полсекунды в клочки разорвёт... Куда руки, куда ноги, головы отдельно. Ведь грузовики-пятитонки! Краны подъемные мчатся! Вам хорошо, вас задавит, а мне за вас отвечать придётся! Не пуцу я вас, хоть убейте! Пусть лучшие бабушка умрёт, бедная моя Февронья Поликарповна!

И он снова завыл своим толстым басом. Ценная собачка так вообще выла без остановки. Я не мог вынести, что этот парень такой благородный и что он согласен рисковать бабушкиной жизнью, только бы с нами ничего не случилось. У меня от всего этого губы стали кривиться в разные стороны... Да и у Ваньки тоже глаза стали какие-то подмоченные, и он шмыгнул носом.

– Что же нам делать?

– А очень просто, – сказал этот парень деловитым голосом. – Давайте ваш велосипед, я на нем съезжу. И сейчас вернусь... Век свободы не видать!

И он провел ладонью поперек горла. Это, наверно, была его страшная клятва. Он протянул руку к машине. Но Ванька держал её довольно крепко. Этот парень подержал её, потом бросил и снова зарыдал:

– Ой-ой-ой! Погибает моя бабушка, погибает не за понюх табаку, погибает ни за рубль за двадцать, ой-уюю!.. – И он стал рвать со своей головы волосы. Прямо вцепился и рвет двумя руками.

Я уже не смог выдержать такого ужаса. Я заплакал и сказал:

– Дай ему велосипед, ведь умрёт бабушка. Если бы у тебя так?

А Ванька держится за велосипед и рыдает:

– Лучшие уж я сам съезжу...

Тут этот парень посмотрел на Ваньку безумными глазами и захрипел, как сумасшедший:

– Не веришь, да? Не веришь? Жалко на минутку дать свой драндулет? А старушка пусть помирает? Да? Бедная старушка в беленьком платочке пусть помирает от кори? Пуская, да? Эх вы, душегубы! Собственники!

Он оторвал от рубашки пуговку и стал топтать ее ногами. А мы не шевелились. Мы совершенно изревелись с Ванькой. Тогда этот парень вдруг ни с того ни с сего подхватил с земли свою ценную собаку и стал совать её то мне, то Ваньке в руки:

– Натё! Друга вам отдаю в залог! Верного друга отдаю! Теперь веришь? Веришь или нет?! Ценная собака идет в залог, ценная собака такс!

И он все-таки всунул эту собачонку Ваньке в руки. И тут меня осенило. Я сказал:

– Ванька, он же собаку оставляет нам как заложника. Ему теперь никуда не деться, она же его друг, а к тому же ценная. Дай машину, не бойся.

И тут Ванька дал парню руль и сказал:

– Вам на пятнадцать минут хватит?

– Много! – сказал парень. – Куда там! Пять минут на все про все. Ждите меня тут. Не сходите с места!

И он, верно, ловко вскочил на машину и с места ходко взял и прямо свернул на Садовую. И когда заворачивал за угол, ценная собака вдруг прыгнула с Ванькиных рук и, как молния, помчалась за парнем. Ванька крикнул мне:

– Держи!

Но я сказал:

– Куда там, нипочем не догнать! Она за хозяином побежала, ей без него скучно! Вот что значит верный друг. Мне бы такую...

А Ванька сказал так робко и с вопросом:

– Но ведь она же заложница?

– Ничего, – сказал я, – они скоро оба вернутся.

И мы подождали пять минут.

– Чего-то его нет, – сказал Ванька.

– Очередь, наверно, – сказал я.

Потом прошло еще часа два. Этого парня не было. И ценной собаки тоже. Когда стало темнеть, Ванька взял меня за руку.

– Все ясно, – сказал он, – пошли домой...

– Что ясно... Ванька? – сказал я.

– Дурак я, дурак, – сказал Ванька. – Не вернется он никогда, этот тип, и велосипед не вернется. И ценная собака такс тоже.

И больше Ванька не сказал ни слова. Он, наверно, не хотел, чтобы я думал про страшное. Но я всё равно про это думал.

Ведь на Садовой такое движение...

Вопросы к обсуждению:

1. Рассказ начинается с того, как Ванька и Дениска ремонтируют старый велосипед. Как вы думаете, почему автор так много уделил внимания этому ремонту? С каким настроением они ремонтировали велосипед? Почему отремонтированный он им казался лучше нового?

2. Как Ванька испытывал велосипед, и что при этом чувствовал Дениска? С каким настроением они катались? Почему сидеть на жестком багажнике Дениске казалось удобнее, чем сидеть на мягком диване?

3. С какой целью длинный парень остановил их, когда они воз-

вращались домой? Почему ребята поверили этому парню? Каким он им показался при встрече? А вам? Вы поверили в его рассказы? Если «нет», то что вам показалось в его облике и словах подозрительным?

4. Почему парень не согласился на предложение ребят, чтобы они съездили за лекарством для его больной бабушки? Почему ему было важно самому поехать на их велосипеде? Как ему удалось уговорить друзей отдать велосипед? Какую роль при этом сыграла «ценная собака такс»?

5. С каким настроением возвращались ребята домой, не дождав-шись парня с велосипедом? О чем думал Ванька и о чем Дениска? Почему Дениска думал о страшном? Что, по-вашему, он вкладывал в слово «страшное»?

6. Почему рассказ называется «На Садовой большое движение»? Какое отношение это название имеет к произошедшему? Ведь ребята не выезжали на эту улицу?

7. Автор рассказа много внимания уделил настроению ребят: ка-ким оно было в начале рассказа и каким стало – в конце? А какое на-строение этот рассказ вызвал у вас, на какие мысли навёл?

8. Как вы определяете при разговоре с человеком: врет он или го-ворит правду? И почему так важно – не ошибиться?

О рассказе Николая Носова «Карасик»

Этот рассказ не столько о лжи ребенка, сколько о сокрытии им правды. А правда заключалась в том, что Виталик променял рыбку карасика из его домашнего аквариума на свисток и согласился с предположением мамы, что рыбку съел кот Мурзик. Кот любил смотреть на карасика, плавающего в домашнем аквариуме. За это кот и поплатился. Мама Виталика предупреждала сына, чтобы он следил за котом, как бы тот не съел рыбку. Предполагаемая возможность и навела мальчика на мысль свалить вину на кота. Он чувствовал, что виноват, но не хотел признаться. Ему удобнее было согласиться с предположением мамы. Мама погрозила наказать Мурзика, как только тот появится дома: она не сомневалась, что это сделал именно он. Испугавшись за кота, Виталик стал усиленно его прятать от мамы в подвале. Но в конце концов Мурзик сам объявился на подоконнике. Мальчик не дал наказать кота – он пожалел невинного. Чтобы избежать от наказания того, кого любил, он был вынужден

признаться маме, что кот не виноват, что карасик исчез, потому что он променял его на свисток.

Сказать правду было трудно, но он решился на этот шаг, чтобы спасти кота. Мама отругала сына, что тот не сказал сразу правду. Но за то, что он в конце концов признался, она похвалила его и простила. Закончился рассказ восстановлением мира в семье и мурлыканием кота. Таким образом, вина Виталика не только в том, что он скрыл правду, выгораживая себя, но и в том, что он поддержал предположение мамы о виновности кота. Однако он не дал кота наказать, проявив в этом благородство своей души. Опыт провинности и сожаления об этом показателен, он подтверждает, что говорить правду выгоднее, чем ее скрывать, а тем более – обвинять в содеянном другого.

.....
Текст рассказа:

Мама недавно подарила Виталику аквариум с рыбкой. Очень хорошая была рыбка, красивая! Серебристый карасик – вот как она называлась. Виталик был рад, что у него есть карасик. Первое время он очень интересовался рыбкой – кормил её, менял воду в аквариуме, а потом привык к ней и иногда даже забывал её вовремя покормить. А ещё у Виталика был котёнок Мурзик. Он был серый, пушистый, а глаза у него были большие, зелёные. Мурзик очень любил смотреть на рыбку. По целым часам он сидел возле аквариума и не сводил глаз с карасика.

– Ты смотри за Мурзиком, – говорила Виталику мама. – Как бы он не съел твоего карася.

– Не съест, – отвечал Виталик. – Я буду смотреть.

Однажды, когда мамы не было дома, к Виталику пришел его друг Серёжа. Он увидел в аквариуме рыбку и сказал:

– Давай меняться. Ты дай мне карасика, а я, если хочешь, дам тебе свисток.

– Зачем мне свисток? – сказал Виталик. – По-моему, рыбка лучше свистка.

– Чем же она лучше? Свисток свистеть может. А рыбка что? Разве может рыбка свистеть?

– Зачем же рыбке свистеть? – ответил Виталик. – Рыбка свистеть не может, зато она плавает. А свисток разве может плавать?

– Сказал! – засмеялся Серёжа. – Где это видано, чтобы свистки плавали! Зато рыбку может кот съесть, вот и не будет у тебя ни свистка, ни рыбки. А свисток кот не съест – он железный.

– Мне мама не позволяет меняться. Она говорит, что сама купит, если мне что-нибудь надо, – сказал Виталик.

– Где же она купит такой свисток? – ответил Серёжа. – Такие свистки не продаются. Это настоящий милицейский свисток. Я как выйду во двор, да как засвищу, сразу все подумают, что милиционер пришёл.

Серёжа вынул из кармана свисток и засвистел.

– А ну, дай я, – попросил Виталик.

Он взял свисток и подул в него. Свисток звонко, переливчато засвистел. Виталику очень понравилось, как он свистит. Ему захотелось иметь свисток, но он не мог сразу решиться и сказал:

– А где у тебя будет жить рыбка? У тебя ведь аквариума нет.

– А я посажу её в банку из-под варенья. У нас большая банка есть.

– Ну ладно, – согласился Виталик.

Ребята принялись ловить рыбку в аквариуме, но карась плавал быстро и не давался в руки. Они набрызгали вокруг водой, а Серёжа измочил рукава до самых локтей. Наконец ему удалось схватить карасика.

– Есть! – закричал он. – Давай сюда какую-нибудь кружку с водой! Я посажу туда рыбку.

Виталик поскорей налил в кружку воды. Серёжа посадил карася в кружку. Ребята пошли к Серёже – сажать рыбку в банку. Банка оказалась не очень большая, и карасику в ней было не так просторно, как в аквариуме. Ребята долго смотрели, как карасик плавает в банке. Серёжа радовался, а Виталику было жалко, что теперь у него не будет рыбки, а главное, он боялся признаться маме, что променял карасика на свисток. «Ну ничего, может быть, мама и не заметит сразу, что рыбка пропала», – подумал Виталик и пошёл домой.

Когда он вернулся, мама была уже дома.

– Где же твоя рыбка? – спросила она.

Виталик растерялся и не знал, что сказать.

– Может быть, её Мурзик съел? – спросила мама.

– Не знаю, – пробормотал Виталик.

– Вот видишь, – сказала мама. – Он выбрал-таки время, когда дома никого не было, и выловил из аквариума рыбку! Где он, разбойник? Ну-ка, найди мне его сейчас же!

– Мурзик! Мурзик! – стал звать Виталик, но кота нигде не было.

– Наверно, в форточку убежал, – сказала мама. – Пойди-ка во двор, позови его.

Виталик надел пальто и вышел во двор. «Вот как нехорошо получилось! – думал он. – Теперь Мурзику из-за меня достанется».

Он хотел вернуться домой и сказать, что Мурзика во дворе нет, но тут Мурзик выскочил из отдушины, которая была под домом, и быстро побежал к двери.

– Мурзинька, не ходи домой, – сказал Виталик. – тебе попадет от мамы.

Мурзик замурлыкал, принялся тереться спинкой об ноги Виталика, потом поглядел на закрытую дверь и потихоньку мяукнул.

– Не понимаешь, глупый, – сказал Виталик. – Тебе ведь человеческим языком говорят, что нельзя домой.

Но Мурзик, конечно, ничего не понимал. Он ласкался к Виталику, тёрся об него боками и потихоньку бодал его головой, будто торопил поскорей открыть дверь. Виталик стал отталкивать его от двери, но Мурзик не хотел уходить. Тогда Виталик спрятался от него за дверь.

– Мяу! – закричал Мурзик под дверью.

Виталик поскорей вышел обратно:

– Тише! Кричит тут! Вот мама услышит, тогда узнаешь!

Он схватил Мурзика и принялся запикивать его обратно в отдушину под домом, из которой Мурзик только что вылез. Мурзик упирался всеми четырьмя лапами и не хотел лезть в отдушину.

– Лезь, глупый! – уговаривал его Виталик. – Посиди там пока.

Наконец он его целиком запикивал в отдушину. Только хвост Мурзика остался торчать снаружи. Некоторое время Мурзик сердито вертел хвостом, потом и хвост скрылся в отдушине. Виталик обрадовался. Он думал, что котенок останется теперь сидеть в подвале, но тут Мурзик снова выглянул из дыры.

– Ну, куда же ты лезешь, глупая голова! – зашипел Виталик и загородил выход руками. – Говорят же тебе: нельзя домой идти.

– Мяу! – закричал Мурзик.

– Вот тебе и «мяу»! – передразнивал его Виталик. – Ну что мне теперь делать с тобой?

Он стал оглядываться вокруг и искать, чем бы закрыть дыру. Рядом лежал кирпич. Виталик поднял его и закрыл дыру кирпичом.

– Вот теперь не вылезешь, – сказал он. – Посиди там, в подвале, а завтра мама забудет про рыбку, и я тебя выпущу.

Виталик вернулся домой и сказал, что Мурзика во дворе нет.

– Ничего, – сказала мама, – вернется. Я все равно не прощу ему этого.

За обедом Виталик сидел грустный и даже не хотел ничего есть. «Я вот обедаю, – думал он, – а Мурзик бедный в подвале сидит».

Когда мама вышла из-за стола, он незаметно сунул в карман котлету и пошел во двор. Там он отодвинул кирпич, которым была закрыта отдушина, и потихоньку позвал:

– Мурзик! Мурзик!

Но Мурзик не отзывался. Виталик нагнулся и заглянул в дыру. В подвале было темно и ничего не было видно.

– Мурзик! Мурзинька! – звал Виталик. – Я тебе котлету принес!

Мурзик не вылезал.

– Не хочешь – ну и сиди, глупая голова! – сказал Виталик и вернулся домой.

Дома без Мурзика ему было скучно. На душе было как-то нехорошо, потому что он обманул маму. Мама заметила, что он грустный, и сказала:

– Не горюй! Я тебе другую рыбку куплю.

– Не надо, – сказал Виталик. Он уже хотел признаться маме во всем, но у него не хватило смелости, и он ничего не сказал. Тут за окном послышался шорох и раздался крик:

– Мяу!

Виталик посмотрел в окно и увидел снаружи на подоконнике Мурзика. Видно, он вылез из подвала через другую дырку.

– А! Пришел наконец, разбойник! – сказала мама. – Иди-ка сюда, иди!

Мурзик прыгнул в открытую форточку и очутился в комнате. Мама хотела схватить его, но он, видно, догадался, что его хотят наказать, и шмыгнул под стол.

– Ишь ты, хитрец какой! – сказала мама. – Чувствует, что виноват. Ну-ка, поймай его.

Виталик полез под стол. Мурзик увидел его и юркнул под диван. Виталик был рад, что Мурзик удрал от него. Он полез под диван и нарочно старался шуметь, чтобы Мурзик услышал и успел убежать. Мурзик выскочил из-под дивана. Виталик погнался за ним и принялся бегать по всей комнате.

– Что ты такой шум поднял? Разве его так поймаешь! – сказала мама.

Тут Мурзик прыгнул на подоконник, где стоял аквариум, и хотел выскочить обратно в форточку, но сорвался и с размаху как плюхнет в аквариум! Вода так и брызнула в разные стороны. Мурзик выскочил из аквариума и давай тряхиваться. Тут мама и схватила его за шиворот:

- Вот я тебя проучу как следует!*
- Мамочка, миленькая, не бей Мурзика! – заплакал Виталик.*
- Нечего его жалеть, – сказала мама. – Он ведь не пожалел рыбку!*
- Мамочка, он не виноват!*
- Как же «не виноват»? А кто карася съел?*
- Это не он.*
- А кто же?*
- Это я...*
- Ты съел? – удивилась мама.*
- Нет, я не съел. Я его на свисток променял.*
- На какой свисток?*
- Вот на этот.*

Виталик вынул из кармана свисток и показал маме.

- Как же тебе не стыдно? – сказала мама.*
- Я нечаянно. Сережа сказал: «Давай меняться», я и поменялся.*
- Я не о том говорю! Я говорю, почему ты не сказал правду? Я ведь на Мурзика подумала. Разве честно на других сваливать?*
- Я боялся, что ты станешь бранить меня.*
- Это только трусы боятся говорить правду! Хорошо было бы, если б я наказала Мурзика?*
- Я больше не буду.*
- Ну смотри! Только потому прощаю, что ты все-таки сам признался, – сказала мама.*

Виталик взял Мурзика и понес к батарее сушиться. Он посадил его на скамеечке и сел рядом с ним. Мокрая шерсть на Мурзике торчала в разные стороны, как иголки у ежика, и от этого Мурзик казался таким худым-худым, будто целую неделю совсем ничего не ел. Виталик вынул из кармана котлету и положил перед Мурзиком. Мурзик съел котлету, потом забрался на колени к Виталику, свернулся калачиком и замурлыкал свою песенку.

Вопросы к обсуждению:

1. Понравился ли вам рассказ Николая Носова? Какие мысли и чувства он вызвал у вас?

2. Как относился Виталик к своему карасику? Почему он решил отдать его своему приятелю в обмен на свисток? С радостью ли он совершил обмен? Возникали ли у него сомнения?

3. А вы сами поддерживаете ли этот обмен, помня, что карасика подарила мальчику мама? Как бы вы поступили на месте Виталика?

4. Как стал вести себя Виталик, когда понял, что коту из-за него достанется? Переживали ли вы за исход дела? Если «да», то какой момент рассказа был для вас самый переживательный?

5. Почему Виталик сидел грустный за обедом? Почему на душе у него было нехорошо? Почему он не был рад возвращению Мурзика?

6. Почему именно в тот момент, когда мама взяла кота за шкуру, Виталик признался маме в своей провинности?

7. Согласны ли вы со словами мамы Виталика, что только трусы боятся говорить правду? Был ли Виталик трусом?

О рассказе Николая Носова «Фантазеры»

В этом рассказе писатель разграничивает понятия «фантазия» и «ложь». Кто кого переверт – такой игрой занимались приятели Мишутка и Стасик, сидя на скамеечке в саду. Они придумывали невероятное: то возраст у одного девяносто пять лет, а у другого сто сорок, то, что они сначала были взрослыми, а потом стали маленькими, и то, что океан один из них смог переплыть, а другой кулаком акулу ударил, и она откусила ему голову, а потом на место её выросла другая. Конца выдумкам не предвиделось, пока не подсел к ним соседский парень Игорь. Услышав, о чем идет разговор, – он сделал вывод: вот врут-то! И вам не стыдно? Но ребята сказали, что никого не обманывают и никому от их «вранья» хуже не стало. Выдумывать, с точки зрения Игоря, легко, но зачем? Вот если бы польза была? И он рассказал, как он обманул мать, сказав, что варенье съела его сестра Ирка, а не он, хотя это была ложь.

Возвращаясь домой, ребята купили на имеющиеся у них копейки мороженое, но, увидев заплаканную Ирку, отдали ей мороженое, ска-

зав, что они уже целое ведро мороженого съели. Это было неправдой, но смекалка, на которую они были способны, помогла им: это ведро было бумажное, не больше стакана. Итак, чем же фантазия отличается от лжи? И почему фантазия – это хорошо, а ложь – это плохо. Однако, когда ложь безобидная, да еще и в поддержку человека – она становится добром. Как их отличить друг от друга? Это и есть главный вопрос обсуждения рассказа. И вместе с вопросом мы погружаем детей в мотивы поведения людей, докапываясь с ними до самой сути их побуждений и их характеров.

.....
Текст рассказа:

Мишутка и Стасик сидели в саду на скамеечке и разговаривали. Только они разговаривали не просто, как другие ребята, а рассказывали друг другу разные небылицы, будто пошли на спор, кто кого переверёт.

– Сколько тебе лет? – спрашивает Мишутка.

– Девяносто пять. А тебе?

– А мне сто сорок. Знаешь, – говорит Мишутка, – раньше я был большой-большой, как дядя Боря, а потом сделался маленький.

– А я, – говорит Стасик, – сначала был маленький, а потом вырос большой, а потом снова стал маленький, а теперь опять скоро буду большой.

– А я, когда был большой, всю реку мог переплыть, – говорит Мишутка.

– У! А я море мог переплыть!

– Подумаешь – море! Я океан переплывал!

– А я раньше летать умел!

– А ну, полети!

– Сейчас не могу: разучился.

– А я один раз купался в море, – говорит Мишутка, – и на меня напала акула. Я её бац кулаком, а она меня цап за голову – и откусила.

– Врёшь!

– Нет, правда!

– Почему же ты не умер?

– А зачем мне умирать? Я выплыл на берег и пошел домой.

– Без головы?

– Конечно, без головы. Зачем мне голова?

– Как же ты шел без головы?

– Так и шел. Будто без головы ходить нельзя!

– Почему же ты теперь с головой?

– Другая выросла.

«Ловко придумал!» – позавидовал Стасик. Ему хотелось соврать получше Мишутки.

– Ну, это что! – сказал он. – Вот я раз был в Африке, и меня там крокодил съел!

– Вот так соврал! – рассмеялся Мишутка.

– Вовсе нет.

– Почему же ты теперь живой?

– Так он же меня потом выплюнул.

Мишутка задумался. Ему хотелось перевернуть Стасика. Он думал, думал, наконец говорит:

– Один раз я шёл по улице. Кругом трамваи, автомобили, грузовики...

– Знаю-знаю, – закричал Стасик. – Сейчас расскажешь, как тебя трамвай переехал. Ты уже врал про это.

– Ничего подобного. Я не про это.

– Ну ладно. Ври дальше.

– Вот я иду, никого не трогаю. Вдруг навстречу автобус. Я его не заметил, наступил ногой – рраз! – и раздавил в лепешку.

– Ха-ха-ха! Вот это враки!

– А вот и не враки!

– Как же ты мог раздавить автобус?

– Так он же совсем маленький был, игрушечный. Его мальчишка на веревочке тащил.

– Ну, это неудивительно, – сказал Стасик. – А я на Луну летал.

– Эва куда махнул! – засмеялся Мишутка.

– Не веришь? Честное слово!

– На чем же ты летал?

– На ракете. На чем ещё на Луну летают? Будто не знаешь сам!

– Что же ты там на Луне видел?

– Ну, что... – замялся Стасик. – Что я там видел? Ничего не видел.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Мишутка. – А говорит, на Луну летал!

– А там темно было. Я ведь ночью летал. Во сне. Сел на ракету и как полечу в космическое пространство. У-у-у! А потом как полечу обратно... Летал, летал, а потом бряк о землю... ну и проснулся...

– А-а, – протянул Мишутка, – так бы сразу и говорил. Я ведь не знал, что ты – во сне.

Тут пришел соседский Игорь и сел рядом на скамеечке. Он слушал, слушал Мишутку и Стасика, потом говорит:

– Вот врут-то! И вам не стыдно?

– А чего стыдно? Мы же никого не обманываем, – сказал Стасик. – Просто выдумываем, будто сказки рассказываем.

– Сказки! – презрительно фыркнул Игорь. – Нашли занятие.

– А ты думаешь, легко выдумывать?

– Чего проще!

– Ну, выдумай что-нибудь.

– Сейчас... дайте подумать.

– Ну, думай, думай!

– Э-э-э, – сказал Игорь и посмотрел на небо. – Сейчас, сейчас... э-э-э...

– Ну, чего же ты не выдумываешь? Говорил – чего проще!

– Сейчас... Вот! Один раз я дразнил собаку, а она меня цап за ногу и укусила. Вот, даже шрам остался.

– Ну и что же ты тут выдумал? – спросил Стасик.

– Ничего. Как было, так и рассказал.

– А говорил – выдумывать мастер!

– Я мастер, да не такой, как вы. Вот вы всё врётё, да без толку, а я вчера соврал, мне от этого польза.

– Какая польза?

– А вот. Вчера вечером мама и папа ушли. А мы с Ирой остались дома. Ира легла спать, а я залез в буфет и съел полбанки варенья. Потом думаю: как бы мне не попало. Взял Ирке губы вареньем намазал. Мама пришла: «Кто варенье съел?». Я говорю: «Ира». Мама посмотрела, а у неё все губы в варенье. Сегодня утром ей от мамы досталось, а мне мама еще варенья дала. Вот и польза.

– Значит, из-за тебя другому досталось, а ты и рад! – сказал Мишутка.

– А тебе что?

– Мне ничего. А вот ты этот... как это называется... Брехун! Вот!

– Сами вы брехуны!

– Уходи! Не желаем с тобой на лавочке сидеть.

– Я и сам не стану с вами сидеть.

Игорь встал и ушел, Мишутка и Стасик тоже пошли домой. По

дороге им попала палатка с мороженым. Они остановились, стали рыться в карманах и считать, сколько у них денег. У обоих набралось только на одну порцию мороженого.

Продавица дала им мороженое на палочке.

– Пойдем домой, – говорит Мишутка, – разрежем ножом, чтобы было точно.

– Пойдем.

На лестнице они встретили Иру. Глаза у нее были заплаканными.

– Ты чего редела? – спрашивает Мишутка.

– Меня мама гулять не пускала.

– За что?

– За варенье. А я его и не ела. Это Игорь на меня наговорил. Наверное, сам съел, а на меня свалил.

– Конечно, Игорь съел. Он сам нам хвастался. Ты не плачь. Пойдем, я тебе свою полпорцию мороженого дам, – сказал Мишутка.

– И я тебе свою полпорцию отдам, вот только попробую разочек и отдам, – пообещал Стасик.

– А вы разве не хотите сами?

– Не хотим. Мы уже по десять порций съели сегодня, – сказал Стасик.

– Давайте лучше это мороженое на троих разделим. – предложила Ира.

– Правильно! – сказал Стасик. – А то у тебя заболит горло, если ты одна всю порцию съешь.

Пошли они домой, разделили мороженое на три части.

– Вкусная штука! – сказал Мишутка. – Я очень люблю мороженое. Один раз я съел целое ведро мороженого.

– Ну, ты выдумываешь все! – засмеялась Ира. – Кто тебе поверит, что ты ведро мороженого съел!

– Так оно ведь совсем маленькое было, ведрышко! Такое бумажное, не больше стакана...

Вопросы к обсуждению:

1. Интересны ли вам были выдумки Мишки и Стасика? О чем свидетельствуют эти выдумки? Что на основании их выдумок мы можем сказать об этих ребятах?

2. Легко ли выдумывать? Давайте попробуем что-то неправдоподобное выдумать?

3. Почему у Игоря не получилась выдумка, а получилась ложь?

4. Ребята пожалели заплаканную Ирку, на которую свалил свою вину Игорь, и отдали ей свое мороженое? Как это характеризует Мишку и Стасика?

5. Как вы оцениваете их неправду, что якобы они по десять порций мороженого съели? Зачем они это сказали? Чем их неправда отличается от лжи Игоря?

6. В чем, на ваш взгляд, состоит ценность фантазии, почему она нужна людям? Каждый ли способен фантазировать?

7. Кого из литературных героев или героев фильмов вы можете отнести к фантазерам, а кого к обманщикам? Чем первые отличаются от вторых?

О рассказе Виктора Драгунского «Пожар во флигеле, или Подвиг во льдах»

Трудно определить сразу: Дениска с Мишкой то ли вруны, то ли просто фантазеры. С одной стороны, их фантазия корыстна: они хотели оправдать свое опоздание на урок по причине, что заигрались в хоккей. С другой стороны, их придуманные истории о своих подвигах подкупают. Чтобы не вызвали родителей в школу, они сговорились придумать уважительную причину опоздания, что-нибудь храброе, чтобы их еще и похвалили. И так увлеклись придуманными ими подвигами о спасении детей, что кажется, сами поверили в придуманные истории. Дениска пришёл первым и рассказывал, как они с Мишкой спасли девочку из горящего строения. А Мишка, не зная, что сказал его друг, рассказал, как они спасли мальчика из проруби. Эта разница была вызвана тем, что они не договорились дорогой, как будут оправдывать свое опоздание. И получилось очень смешно: класс быстрее учительницы догадался о вранье и потому все покатывались со смеху, слушая несовпадение их рассказов. Как Дениска не показывал Мишке знаками, что он не то говорит, Мишка, увлеченный своим «подвигом», не замечал подсказок. Самозабвенность ребят в сочинении собственных подвигов подкупает. Они, как и врунишка Незнайка, вызывают симпатию. Хватаются за вранье, полагая, что этим выйдут из трудной ситуации. Но их вранье не вызывает гнева, ибо никому не

причиняет зла. Как читатели отнесутся к поведению ребят, сурово или снисходительно оценят их вранье? И что лучше: говорить правду или лучше сговариваться?

.....

Текст рассказа:

Мы с Мишкой так заигрались в хоккей, что совсем забыли, на каком мы находимся свете, и когда спросили одного проходящего мимо дяденьку, который час, он нам сказал:

– Ровно два.

Мы с Мишкой прямо за голову схватились. Два часа! Каких-нибудь пять минут поиграли, а уже два часа! Ведь это же ужас! Мы же в школу опоздали! Я подхватил портфель и закричал:

– Бегом давай, Мишка!

И мы полетели, как молнии. Но очень скоро устали и пошли шагом.

Мишка сказал:

– Не торопись, теперь уже все равно опоздали.

Я говорю:

– Ох, влетит... Родителей вызовут! Ведь без уважительной же причины.

Мишка говорит:

– Надо ее придумать. А то на совет отряда вызовут. Давай выдумаем поскорее!

Я говорю:

– Давай скажем, что у нас заболели зубы и что мы ходили их вырывать.

Но Мишка только фыркнул:

– У обоих сразу заболели, да? Хором заболели!.. Нет, так не бывает. И потом: если мы их рвали, то где же дырки?

Я говорю:

– Что же делать? Прямо не знаю... Ой, вызовут на совет и родителей пригласят!.. Слушай, знаешь что? Надо придумать что-нибудь интересное и храброе, чтобы нас еще и похвалили за опоздание, понял?

Мишка говорит:

– Это как?

– Ну, например, выдумаем, что где-нибудь был пожар, а мы как будто ребенка из этого пожара вытащили, понял?

Мишка обрадовался:

– Ага, понял! Можно про пожар выдумать, а то еще лучше сказать, как будто лед на пруду проломился, и ребенок этот – бух!.. В воду упал! А мы его вытащили... Тоже красиво!

– Ну да, – говорю я, — правильно! Но пожар все-таки лучше!

– Ну нет, – говорит Мишка, – именно что лопнувший пруд интереснее!

И мы с ним еще немножко поспорили, что интересней и храбрей, и не доспорили, а уже пришли к школе. А в раздевалке наша гардеробщица тётя Паша вдруг говорит:

– Ты где это так оборвался, Мишка? У тебя весь воротник без пуговиц. Нельзя таким чучелом в класс являться. Все равно уж ты опоздал, давай хоть пуговицы-то пришью! Вон у меня их целая коробка. А ты, Дениска, иди в класс, нечего тебе тут торчать!

Я сказал Мишке:

– Ты поскорее тут шевелись, а то мне одному, что ли, отдуваться?

Но тётя Паша шуганула меня:

– Иди, иди, а он за тобой! Марш!

И вот я тихонько приоткрыл дверь нашего класса, просунул голову, и вижу весь класс, и слышу, как Раиса Ивановна диктует по книжке:

– «Птенцы пищат...».

А у доски стоит Валерка и выписывает корявыми буквами:

Птенцы пестчат...»

Я не выдержал и рассмеялся, а Раиса Ивановна подняла глаза и увидела меня. Я сразу сказал:

– Можно войти, Раиса Ивановна?

– Ах, это ты, Дениска, – сказала Раиса Ивановна. – Что ж,ходи! Интересно, где это ты пропадал?

Я вошел в класс и остановился у шкафа. Раиса Ивановна взглядела в меня и прямо ахнула:

– Что у тебя за вид? Где это ты так извалялся? А? Отвечай толком!

А я еще ничего не придумал и не могу толком отвечать, а так, говорю что попало, все подряд, только чтобы время протянуть:

– Я, Раиса Ивановна, не один... Вдвоем мы, вместе с Мишкой... Вот оно как. Ого!.. Ну и дела. Так и так! И так далее.

А Раиса Ивановна:

– Что-что? Ты успокойся, говори помедленней, а то непонятно! Что случилось? Где вы были? Да говори же!

А я совсем не знаю, что говорить. А надо говорить. А что будешь говорить, когда нечего говорить? Вот я и говорю:

– Мы с Мишкой. Да. Вот... Шли себе и шли. Никого не трогали. Мы в школу шли, чтоб не опоздать. И вдруг такое! Такое дело, Раиса Ивановна, прямо ох-хо-хо! Ух ты! Ай-яй-яй.

Тут все в классе рассмеялись и загалдели. Особенно громко – Валерка. Потому что он уже давно предчувствовал двойку за своих «птенцов». А тут урок остановился, и можно смотреть на меня и хохотать. Он прямо покатывался. Но Раиса Ивановна быстро прекратила этот базар.

– Тише, – сказала она, – дайте разобраться! Кораблев! Отвечай, где вы были? Где Миша?

А у меня в голове уже началось какое-то завихрение от всех этих приключений, и я ни с того ни с сего брякнул:

– Там пожар был!

И сразу все утихло. А Раиса Ивановна побледнела и говорит:

– Где пожар?

А я:

– Возле нас. Во дворе. Во флигеле. Дым валит – прямо клубами. А мы идем с Мишкой мимо этого... как его... мимо черного хода! А дверь этого хода кто-то доской снаружи припер. Вот. А мы идем! А оттуда, значит, дым! И кто-то пицтит. Задыхается. Ну, мы доску отняли, а там маленькая девочка. Плачет. Задыхается. Ну, мы её за руки, за ноги – спасли. А тут её мама прибегает, говорит: «Как ваша фамилия, мальчики? Я про вас в газету благодарность напишу». А мы с Мишкой говорим: «Что вы, какая может быть благодарность за эту пустяковую девчонку! Не стоит благодарности. Мы скромные ребята». Вот. И мы ушли с Мишкой. Можно сесть, Раиса Ивановна?

Она встала из-за стола и подошла ко мне. Глаза у нее были серьезные и счастливые.

Она сказала:

– Как это хорошо! Очень, очень рада, что вы с Мишей такие молодцы! Иди садись. Сядь. Посиди...

И я видел, что она прямо хочет меня погладить или даже поцеловать. И мне от всего этого не очень-то весело стало. И я пошёл потихоньку на своё место, и весь класс смотрел на меня, как будто я и

вправду сотворил что-то особенное. И на душе у меня скребли кошки. Но в это время дверь распахнулась, и на пороге показался Мишка. Все повернулись и стали смотреть на него. А Раиса Ивановна обрадовалась.

– Входи, – сказала она, – входи, Мишук, садись. Сядь. Посиди. Успокойся. Ты ведь, конечно, тоже переволновался.

– Еще как! – говорит Мишка. – Боялся, что вы заругаетесь.

– Ну, раз у тебя уважительная причина, – говорит Раиса Ивановна, – ты мог не волноваться. Все-таки вы с Дениской человека спасли. Не каждый день такое бывает.

Мишка даже рот разинул. Он, видно, совершенно забыл, о чем мы с ним говорили.

– Ч-ч-человека? – говорит Мишка и даже заикается. – С...с... спасли? А кк...кк...кто спас?

Тут я понял, что Мишка сейчас все испортит. И я решил ему помочь, чтобы натолкнуть его и чтобы он вспомнил, и так ласковенько ему улыбнулся и говорю:

– Ничего не поделаешь, Мишка, брось притворяться... Я уже все рассказал!

И сам в это время делаю ему глаза со значением: что я уже все наврал и чтобы он не подвел! И я ему подмигиваю, уже прямо двумя глазами, и вдруг вижу – он вспомнил! И сразу догадался, что надо делать дальше! Вот наш милый Мишенька глазки опустил, как самый скромный на свете маменькин сынок, и таким противным, приличным голоском говорит.

– Ну зачем ты это! Ерунда какая...

И даже покраснел, как настоящий артист. Ай да Мишка! Я прямо не ожидал от него такой прыти. А он сел за парту, как ни в чем не бывало и давай тетради раскладывать. И все на него смотрели с уважением, и я тоже. И наверно, этим дело бы и кончилось. Но тут черт все-таки дернул Мишку за язык, он огляделся вокруг и ни с того ни с сего сказал:

– А он вовсе не тяжёлый был. Кило десять – пятнадцать, не больше...

Раиса Ивановна говорит:

– Кто? Кто не тяжёлый, кило десять – пятнадцать?

– Да мальчишка этот.

– Какой мальчишка?

– Да которого мы из-подо льда вытащили...

– Ты что-то путаешь, – говорит Раиса Ивановна, – ведь это была девочка! И потом, откуда там лёд?

А Мишка гнет своё:

– Как – откуда лёд? Зима, вот и лёд! Все Чистые пруды замёрзли. А мы с Дениской идем, слышим – кто-то из проруби кричит. Барахтается и пищит. Карабкается. Бултыхается и хватается руками. Ну, а лёд что? Лёд, конечно, обламывается! Ну, мы с Дениской подползли, этого мальчишку за руки, за ноги – и на берег. Ну, тут дедушка его прибежал, давай слёзы лить...

Я уже ничего не мог поделывать: Мишка врал как по писаному, ещё лучше меня. А в классе уже все догадались, что он врёт и что я тоже врал, и после каждого Мишкиного слова все покатывались, а я ему делал знаки, чтобы замолчал и перестал врать, потому что он не то врал, что нужно, но куда там! Мишка никаких знаков не замечал и заливался соловьем:

– Ну, тут дедушка нам говорит: «Сейчас я вам именные часы подарю за этого мальчишку». А мы говорим: «Не надо, мы скромные ребята!»

Я не выдержал и крикнул:

– Только это был пожар! Мишка перепутал!

– Ты что, рехнулся, что ли? Какой может быть в проруби пожар? Это ты всё позабыл.

А в классе все падают в обморок от хохота, просто помирают. Раиса Ивановна ка-ак хлопнет по столу! Все замолчали. А Мишка так и остался стоять с открытым ртом.

Раиса Ивановна говорит:

– Как не стыдно врать! Какой позор! И я-то их считала хорошими ребятами!.. Продолжаем урок.

И все сразу перестали на нас смотреть. И в классе было тихо и как-то скучно. И я написал Мишке записку: «Вот видишь, надо было говорить правду!»

А он прислал ответ: «Ну конечно! Или говорить правду, или получше сговариваться».

Вопросы к обсуждению:

1. Какое впечатление на вас произвели сочиненные друзьями истории? Правдивые ли они?
2. Почему Дениска и Мишка опоздали на урок? Почему они пришли в класс растрепанными и порознь?
3. Почему, вместо того чтобы сказать правду, они придумали героические истории про себя?
4. Как отнеслась к этим историям учительница, и как весь класс?
5. Как случилось, что их героические истории про себя оказались разными?
6. Что написали Дениска и Мишка друг другу в записках? Кто, по-вашему, более прав из них в своих выводах о случившемся: надо говорить правду или лучше сговариваться?
7. Чем, на ваш взгляд, ложь отличается от фантазии?

О рассказе Валентина Злотникова «Записки»

Предлагаемый для обсуждения маленький рассказ писателя не так прост, как может показаться с первого взгляда. Он как шкатулка с потайным дном. В нем три линии отношений. Одна между родителями, другая между сыном-дошкольником и собакой Джеком. Третья – между сыном и родителями. На поверхности рассказа – ссора папы и мамы, повлекшая за собой ссору их сына с собакой. Те решили уйти из дома в разные стороны. Собака – к тете Марусе, а мальчик – в лес. Но вот собака лизнула руку плачущего мальчика, и мир между ними восстановился. Теперь надо было помирить родителей. Способ нашел мальчик: он использовал обманные записки, адресованные маме и папе. На обеих было написано «Я тебя очень лублю» с той разницей, что от имени мамы записка была адресована папе, а от имени папы – маме. Обман раскрылся. Выдали ошибки в слове «люблю». Но вместе с этим раскрылась доброта и любовь мальчика к родителям и его жажда примирения между ними. Благодаря этим качествам маленького миротворца и смекалке Джека родители помирились. Догадываются ли участники обсуждения рассказа, в чем тайный смысл записок мальчика?

Текст рассказа:

Утром бабушка уехала в дом отдыха, а мама с папой начали ссориться. Раньше в доме все делала бабушка, и теперь мама с папой не знали, что кому делать.

– Ты помой полы и постирай белье, – сказала мама папе, – а я приготовлю обед.

– Хитрая какая! – сказал папа маме. – Я, значит и полы, и белье, а ты один обед?

– Почему один? Обед состоит из трех блюд.

– Все равно, лучше давай я приготовлю обед, а ты займись полами и бельем.

– Представляю, какой ты приготовишь обед! Его даже Джек есть не станет.

– Ну, тогда я ничего не буду делать, – сказал папа.

– И я ничего не буду делать, – сказала мама.

И они поссорились. И все в доме пошло кувырком.

За Джеком теперь некому было ухаживать, и он ходил полуголодный. Видно было, что он разобиделся на всю нашу семью.

– Джек, – пытался я ему объяснить, – а на меня-то ты за что обижаешься? Были бы в доме кости, я бы тебе дал.

– Гав! – сухо ответил Джек. – Не надо мне ваших костей, и вообще мне ничего от вас не надо.

А на следующий день Джек сам подошел ко мне и, не глядя мне в глаза, сказал:

– Гав, гав, гав!

Потом сделал многозначительную паузу и добавил:

– Гав, гав!

Все это вместе взятое, означало:

– Ухожу от вас к тете Марусе. Она уже давно зовет меня к себе в сторожа. Обещает хорошо кормить.

– Эх ты! – сказал я. – Какой же ты после этого друг, если оставляешь в беде своих товарищей.

– Гав, подумаешь, какие друзья нашлись! – презрительно ответил Джек.

Я хотел ему ответить что-нибудь обидное, но вдруг неожиданно заплакал. Джек сразу принялся меня успокаивать: завилал хвостом, лизнул руку.

И я сразу ему все простил.

Мы с Джекком уселись под яблоней и стали обсуждать создавшееся положение.

– Может, нам убежать из дома? – предложил я.

– Гав? – спросил Джек. – А куда убежим?

– Как это куда? – удивился я – В лес, конечно.

– Гав! Не хочу в лес. Там есть нечего, и вообще волков много.

– Трус! – сказал я. – Такой большой, а волков боишься.

Мы стали думать дальше.

– Гав! – вдруг радостно воскликнул Джек. – Нам надо помирить папу с мамой, и тогда все будет хорошо!

И тут я вдруг вспомнил, что нас в детском саду научили читать и писать. А что если этим воспользоваться? Я напишу папе записку от мамы, а маме – записку от папы, и они помирятся.

Я принес два чистых листка бумаги и карандаш. В одной записке написал: «Дорогая мамочка, я тебя очень лублу. Папа».

А в другой записке: «Дорогой папочка, я тебя очень лублу. Мама».

– Гав? – усомнился Джек. – А они не догадаются, что это мы написали?

– Что ты! – уверенно ответил я. – Как же они догадаются, если мы подписались: «Мама» и «Папа»?

Мы незаметно положили одну записку папе. На письменный стол, а другую маме, на трюмо.

После этого мы сели опять под яблоню и стали с нетерпением ждать. Через полчаса из дома вышли мама с папой. Мама держала папу под руку. Оба они улыбались.

– Мы решили большие никогда не ссориться, – сказала мама и с нежностью посмотрела на папу.

– Ага, – ответил папа и заулыбался. А потом подозвал меня к себе и сказал:

– Я очень рад, что ты такой грамотный, но только в слове «люблю» надо писать «ю», а не «у».

И с этого дня в доме снова воцарился порядок. Джек раздумал уходить к тете Марусе. А решил навсегда остаться у нас.

Вопросы к обсуждению:

1. Как ссора папы и мамы повлияла на отношения мальчика и собаки?
2. Удалось ли мальчику обмануть родителей? Как они догадались, что записки писал их сын?
3. Как объяснить, что обманные записки сына восстановили мир в семье?
4. В чем сила этих записок?
5. Какое участие в произошедшем событии приняла собака Джек?

Дополнительная литература по теме:

- Велтистов Е. «Электроник – мальчик из чемодана»
- Железников В. «Соленый снег»
- Алексин А. «Необычайные похождения Севы Котлова»
- Медведев В. «Фосфорический мальчик»
- Медведев В. «Капитан Соври-голова»
- Носов Н. «Приключения Незнайки и его друзей»
- Драгунский В. «Тайное становится явным»
- Алмазов Б. «Деревянное царство»
- Прокофьева С. «На старом чердаке»
- Зощенко М. «Не надо врать»

Раздел 5

О СИЛЕ ВОЛИ И СИЛЕ ДУХА

О теме

Герои предлагаемых для обсуждения рассказов – подростки, наделенные силой характера. Одни из них способны преодолевать боль или страх, другие проявляют твердость убеждений и общественную активность, третьи умело берутся за дело. Одна из черт их характера – сила воли. Воля – это способность к внутренним энергичным усилиям, необходимым для осуществления поставленной задачи или преодоления боли. Проявлению воли свойственно не переживание «я хочу», а переживание «надо», «я должен», осознание ценности цели действия. Волевое поведение включает принятие решения, часто сопровождаемое борьбой мотивов, и его реализацию. Подростки, способные к волевым усилиям, часто заявляют о себе не только как сложившиеся характеры, но и как личности, способные отстаивать свою правду и свое достоинство.

Когда сила воли у человека сочетается с моральным началом, определяющим действие, мы говорим о нем как о человеке, сильном духом. Одно из определений слова «дух», данное в Толковом словаре русского языка Владимира Даля, гласит: «Сила души, доблесть, крепость и самостоятельность, отважность, решимость». Такими способностями нередко обладают и подростки. О таких написано немало произведений, в том числе и рассказов. «Именно такие образы, – говорил писатель В. Крапивин, – могут противостоять скуке и равнодушию, тупости и жестокости, которые иногда царят в компаниях подростков». Эти образы, соотнесенные с собственными возможностями юного читателя, пробуждают в нем гражданские чувства, стремления к действию, укрепляют веру в собственные силы и в победу справедливости.

Рекомендуем обсудить:

1. Погодин Р. «Как я с ним познакомился»
2. Драгунский В. «Рабочие дробят камень»
3. Пантелеев Л. «Честное слово»
4. Мошковский А. «Вызов на дуэль»
5. Бахревский В. «Государственный человек»
6. Нагибин Ю. «Заброшенная дорога»

О рассказе Радия Погодина «Как я с ним познакомился»

Этот рассказ о мальчишке по имени Кешка, о котором писатель написал книгу «Кирпичные острова». С рассказа, взятого для обсуждения, и начинается эта книжка. Писатель рисует нам характер этого героя, его силу воли. Он проявил эту силу своеобразно: чтобы преодолеть физическую боль и не плакать, он пел. И чем боль была сильнее, тем громче он пел, выбрав в качестве противодействия боли первые строки патриотической военной песни «Шли лихие эскадроны приамурских партизан». Писатель, по случаю оказавшийся в квартире, где жил мальчик, недоумевал над способом, каким мальчик умирят боль. Он по собственному опыту знал, какая сильная боль бывает, когда болит ухо. Сам он, когда был солдатом, от сильной боли засунул голову между железными прутьями спинки кровати так, что потом только с помощью товарищей сумел вытащить ее обратно. И это сравнение мальчика с солдатом показательно. Песня, боль, солдат и партизаны – все в рассказе слилось воедино. Поведение мальчишки вызвало у взрослого уважение. Он оценил его стойкость. И не мог понять, что это за мальчишка такой, который умеет петь в такие минуты, когда и взрослые плачут. Нерв обсуждения: оценка читателями поведения мальчика, способность сопереживать ему, и на его примере вести разговор о том, что такое сила воли, как она проявляется и нужна ли она человеку.

Текст рассказа:

Есть у меня друг – замечательный человек и хороший геолог. Работал он на Севере, в Ленинград приезжал редко. От людей я слышал, что семья моего приятеля переехала на другую квартиру. И вот по приезду в Ленинград я поспешил по новому адресу: авось его увидаю.

Дверь мне открыл мальчишка лет восьми-деяти. Он показался мне немного странным, все время поеживался, на меня не глядел, прятал глаза. Мальчишка сообщил, что друг мой ушел утром и еще не приходил. Говорил он, не разжимая рта, сквозь зубы, и очень торопился. Наверно, я оторвал его от интересной игры. Ну, а мне торопиться было некуда. Я вошел в комнату, сел на диван и стал читать

книгу. Прочитал страницу, прочитал другую, слышу, за стенкой кто-то запел:

*«Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...»*

Поет человек и пусть себе поет, если ему весело. Я сам люблю петь. Только я это подумал, как за стеной снова раздалось:

*«Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...»*

Теперь он пел громче, почти кричал, а на словах «лихие эскадроны» подвывал немного и захлебывался. Потом запевал опять и опять... и все те же две строчки про партизан. Пел он песню ужасным голосом. Я попробовал читать книгу, но у меня ничего не получилось. Певец так завывал, что я не вытерпел, вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь. Песня раздалась еще громче. Я даже удивился, как это можно так петь. Я постучал еще раз, еще и еще... Наконец пение прекратилось, за дверью раздалось шмыганье носом и глухой голос сказал:

– Чего?

Я попросил: «Послушайте, не можете ли вы петь потише?».

– Ладно, – согласился певец и тут же заорал так громко, что я попятился от двери.

*«Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...»*

Потом началось что-то совсем непонятное: «Шли лихи-и..., Шли лих-и...Шли лихи-и», – выкрикивал певец не своим голосом.

Я совсем растерялся. Может быть, за дверью сумасшедший? И тогда нужно звать на помощь докторов, санитаров. Может быть, это очень опасный сумасшедший, и на него нужно надеть сморительную рубашку. Я осторожно приоткрыл дверь и увидел: лежит на оттоманке тот самый мальчишка, что впустил меня в квартиру, кусает подушку, бьет ногами по валику и горланит песню. А из глаз его бегут слезы.

– Чего это ты орешь? – спросил я.

Мальчишка стиснул зубы, сжал кулаки.

– Ухо болит. – Потом лягнул ногой и снова запел: «Шли лихи-и...».

– Вот смешной! – начал было я. – Ухо болит, а ты поешь. – Но мальчишка посмотрел на меня такими глазами, что я прикусил губу. Я догадался. Мальчишка пел песню, когда ему было особенно больно; чтобы не плакать.

Когда я был солдатом, у меня тоже однажды заболело ухо, ночью в казарме. Плакать солдатам нельзя ни за что. Я ворочался с боку на бок, так же вот грыз подушку и сам не заметил, как раздвинул прутья на спинке кровати и сунул между ними голову. Потом боль поухнула, и я уснул. А когда проснулся, то не мог встать, не мог вытащить обратно голову. Пришлось двум солдатам разжимать прутья, а ночью я разжал их один. Вот какая была боль.

Я с уважением глянул на мальчишку, а он на меня – залитым слезой глазом. Он молчал, и ему это было очень трудно.

Я бросился в комнату своего друга, стал звонить по телефону в поликлинику. Меня долго расспрашивали, что болит, у кого болит и кто такой я сам, почему звоню... Наконец сказали: «Будет доктор».

Я ходил по комнате и, как только за стеной раздавалось про партизан, я начинал подпевать. Вот так мы и пели: он – в одной комнате, я – в другой.

Скоро приехал врач – молоденькая чернобровая девушка в белом халате. Она сразу спросила:

– Где больной?

Я показал на мальчишкину дверь. А он там снова загорланил про своих партизан.

– Как вам не стыдно обманывать? – рассердилась девушка-доктор – Какой же это больной, если он песню распевает таким диким образом?

– Доктор, это настоящий больной, очень даже хороший больной. – И я рассказал все как есть. Девушка оказалась настоящим доктором. Она вошла в комнату к мальчишке и твердым голосом сказала:

– Смирно!.. Прекратить пение!

Мальчишка затих, сел на оттоманке. Сидеть смирно ему было трудно, у него все время дергались ноги.

Девушка-доктор налила ему в ухо пахучей желтой камфары, обложила ухо ватой и завязала бинтом. А меня заставила приготовить воды для грелки.

Пока мы возились, мальчишка молчал, только губы у него шевелились; он потихоньку – про себя – пел свою песню.

Девушка-доктор скоро ушла к себе в поликлинику. Больной уснул. А я сидел в комнате рядом, ждал своего друга и думал: «Что это за мальчишка, который умеет петь в такие минуты, когда взрослые и те подчас плачут?..».

Позже я узнал, что имя у него очень веселое – Кешка, и услышал много всяких рассказов о нем и его товарищах.

Вопросы к обсуждению:

1. При каких обстоятельствах писатель познакомился с Кешкой?
2. Почему он начал знакомить читателя с героем с характеристики его силы воли?
3. Почему ему сначала показалось, что мальчик сумасшедший?
4. Как изменилось отношение взрослого к мальчику, когда он понял причину его неестественно громкого пения?
5. На какие воспоминания из солдатской жизни навел этот случай писателя?
6. Разделяете ли вы то уважение к мальчику, которое появилось у рассказчика к нему в результате пережитого случая?
7. Переживали ли вы за Кешку? Вызвал ли этот рассказ желание поближе познакомиться с Кешкой и прочитать всю книжку о нем?
8. Встречали ли вы в жизни людей, о которых можно сказать, что они проявили «железную» волю?

О рассказе Виктора Драгунского «Рабочие дробят камень»

Предлагаемый для обсуждения рассказ – это рассказ о способности подростка преодолевать чувство страха, неуверенности в успехе, опасения перед негативными для него последствиями. Смелость предполагает решительное действие во имя достижения поставленной цели, оно требует самообладания и противоположно по своему моральному качеству трусости и малодушию. В данном случае эту смелость проявил Дениска Кораблев, заставивший себя прыгнуть с десятиметровой вышки. В центре внимания писателя состояние Дениски перед прыжком в воду. Легко было говорить о прыжке, загорая внизу на досках, и как трудно выполнить задуманное. Борьба мотивов «за» и «против» заставляла Дениску трижды спускаться вниз и снова подниматься, ругать себя и опять настраиваться на прыжок. Реакция друзей, их смех подстегивали, но мрачные мысли о последствиях прыжка, дрожь в коленках заставляли «героя» трусливо спускаться вниз. И все-таки Дениска сумел преодолеть себя и прыгнуть. Его путь к победе – это нравственный урок для каждого, кто прочитает рассказ. Прыжок Дениски заставил приятелей замолчать. Что означает их молчание после бурного смеха над Дениской? И какое отношение к

произошедшему имеют рабочие, дробящие камень? Что значит самообладание и победа над страхом? Легко ли они даются?

Текст рассказа:

Самого начала этого лета мы, все трое, Мишка, Костик и я, Сочень пристрастились к водной станции «Динамо» и стали ходить туда почти что каждый день. Ох, хорошо лежать ясным утречком на водной станции на сыроватых и теплых ее деревянных дорожках, вдыхать всеми ноздрями свежий и тревожный запах реки и загорать, раскинув руки, и смотреть из-под локтя, как недалеко от станции, чуть-чуть повыше по течению, рабочие-каменщики чинят набережную и бьют по розовому камню молотками, и звук долетает до тебя немножко позже удара, такой тонкий и нежный, как будто кто-то играет стеклянными молоточками на серебряном ксилофоне.

И вот поэтому мы все, Мишка, Костик и я, мы дня не пропускали, и все лето ходили сюда купаться, и загорели как черти, и здорово подучились плавать, и у нас появились мускулы.

И однажды мы лежали, как всегда, на досточках и загорали, и Костик вдруг сказал ни с того ни с сего:

– Дениска! А ты мог бы прыгнуть с самой верхней вышки в воду?

Я посмотрел на вышку и увидел, что она не слишком-то уж высокая, ничего страшного, не выше второго этажа, ничего особенного. Поэтому я сейчас же ответил Костику:

– Конечно, смог бы! Ерунда какая.

Мишка тотчас же сказал:

– А вот слабо!

Я сказал:

– Дурачок ты, Мишка, вот ты кто!

Костик сказал:

– Же десять – же метров!

– Ну и что? – сказала я

– Слабо! – отрезал Костик.

И Мишка, конечно, его поддержал:

– Слабо, факт, слабо! – и добавил: – Слабо-би-бо!!!

Я сказал:

– Дурачки вы оба! Вот вы кто!

И тут я встал, растопырил ребра, выкатил грудь, напружинил руки и пошел к вышке. А когда шел, все время ставил носки внутрь.

Сзади Костик крикнул:

– Сла-би-бу-бе-бо!

Но я не стал ему отвечать. Я уже всходил на вышку.

Все это время, что мы ходили на водную станцию, я каждый день видел, как с этой вышки прыгали в воду взрослые дядьки. Я видел, как они красиво выгибали спину, когда прыгали ласточкой, видел, как они перекувыркивались через голову по полтора раза, или складывались в воздухе пополам, входя в воду аккуратно и точно, почти совсем не подымая брызг, а когда выныривали, то выходили на доски, напружинив руки и выпятив грудь.

И это было очень красиво и легко, и я всю жизнь был уверен, что прыгаю не хуже этих дядек, но сейчас, когда лез, я решил для первого раза никаких фигур в воздухе не выстраивать, а просто прыгнуть прямо, вытянувшись в струнку, «солдатиком», это легче легкого! Я так просто без затей прыгну только для начала, а уж потом в следующие разы я, специально для Мишки, такие буду выписывать кренделя, что Мишка только рот разинет.

И пока я так думал, у меня было веселое настроение, и я быстро бежал по маленьким лесенкам вверх и вверх и даже не заметил, с какой быстротой я оказался на самой высшей площадке, на высоте десяти метров над уровнем станции.

И тут я вдруг увидел, что эта площадка очень маленькая, а перед нею и по бокам, и далеко вокруг стоит какой-то раздвинутый, огромный и прекрасный город, он стоит весь в каком-то легком тумане, а тут, шумит не шутя, как буря, того и гляди сдует тебя с этой вышки. И совсем не слышно, как рабочие дробят камень, ветер заглушает их стеклянные молотки. И когда я глянул вниз, я увидел наш водный бассейн, он был голубой, но такой маленький, прямо величиной с папиросную коробку, и я подумал, что если прыгну, вряд ли попаду в него, тут очень просто промахнуться. От этих мыслей у меня что-то зачесалось внутри коленок, и мне больше всего захотелось еще раз услышать, как рабочие чинят набережную и увидеть Костика и Мишку рядом с собой, все-таки они мои друзья...

И я потихоньку сделал несколько шагов назад, ухватился за перила и стал спускаться вниз, а когда спустился, настроение у меня опять было хорошее, и на сердце стало легко-легко, как будто гора с плеч свалилась. И я очень обрадовался, когда увидел Мишку с Костиком и

побежал к ним, а когда подбежал, остановился как вкопанный. Эти дураки хохотали во все горло и показывали на меня пальцем! Они изображали, что сейчас лопнут от смеха. Они вопили:

– Он прыгнул!

– Ха-ха-ха.

– Он сиганул!

– Ха-ха-ха!

– Храбрец!

– Молодец!

– Хвастун!

Я сел рядом с ними и сказал:

– Дурачки вы, и больше ничего! Неужели вы думаете, что я струсил?

Тут они прямо завизжали:

– Нет! Ха-ха-ха!

– Не думаем! Хо-хо-хо!

– Ты не струсил!

– Ты просто забоялся!

– Сейчас мы напишем про тебя в газету!

– Чтоб тебе медаль дали!

– За красивое спускание по лестнице!

Во мне прямо все бурлило от злости! Они, видно, серьезно воображают, что я струсил! Какая глупость! Олухи царя небесного!..

Но я не стал ругаться и оскорблять их, как они меня. Ведь я-то знал, что мне ничего не стоит прыгнуть с этой жалкой вышки! Поэтому я сказал им спокойно и вежливо:

– Наплевать на вас!

И стремглав кинулся к вышке, и в пять секунд снова вбежал на самый верх. И в это время солнце спряталось за тучу. Здесь было холодно и мрачно, ветер выл, и вышка немножко скрипела и покачивалась. Но я не стал задерживаться, я подошел к самому краю, сложил руки по швам, зажмурился, чуть-чуть согнул колени перед тем, как прыгнуть, и... вдруг совершенно неожиданно я вспомнил про маму. И про папу тоже. И про бабушку. Я вспомнил, что сегодня утром, когда я убежал на «Динамо», я не попрощался с ними и что теперь, очень может быть, что я убьюсь насмерть, и я подумал, какое это будет для них несчастье. Просто горе будет. Ведь им совершенно некого будет в жизни приласкать. Я представил себе, как мама всегда будет смотреть на мою карточку и плакать, ведь я у нее единствен-

ный, и у папы тоже. И у них в душе будет вечный траур, и они не будут ходить в гости и в кино, разве это жизнь? И кто же будет о них заботиться, когда они состарятся. Да и мне без них тоже будет плохо, я ведь тоже их люблю! Хотя мне-то уж плохо не будет, меня в живых не будет, я буду уже мертвый, и не увижу больше неба, и не услышу, как рабочие нежно дробят камень на набережной!..

И все это из-за этих негодных Костика и Миши?

Я ужасно возмутился и весь вскипел, что из-за таких дураков столько народу пострадает, и я подумал, что гораздо лучше будет, если я пойду и насую им по шее, и чем скорее, тем лучше.

И я опять спустился вниз.

Костик, когда увидел меня, встал на четвереньки и уткнулся головой в пол. А Мишка был совершенно синий и булькал, у него была смеховая истерика.

Возле них сидела небольшая толпичка, разные девушки и парни. Они тоже смеялись. Видно, Костик с Мишей рассказали им про это дело. Они очень весело смеялись, незнакомые эти люди, а мои друзья смеялись с ними заодно, они все вместе дружно надо мной смеялись...

И тут я почувствовал, что все, что было до сих пор, это была чепуха! Просто я до сих пор не понимал, в чем тут суть! А сейчас, кажется, понял. И я повернулся и пошел обратно на вышку. В третий раз! Они там сзади кукарекали мне вслед, бляели и улюлюкали. Но я долез до верху и подошел к самому краю. Коленки у меня дрожали. Но я схватил их руками и сжал и сказал себе тихонько, а когда говорил, слышал, как дрожит мой голос и клацают зубы. Я бормотал:

– Ррохля!.. Вахля!.. Махля!!! Прыгай сейчас же! Ну! А то я разговаривать с тобой не буду! Руки тебе не подам! Ну! Прыгай же! Пухля! Опухля! Ну! Прыгай сейчас же! Тухля! Протухля! Вонюхля!

И когда я обозвал себя вонюхлей, я не выдержал обиды и шагнул вперед. Сердце и желудок у меня сразу подкатились к горлу. И я, когда летел, не успел ничего подумать, просто я знал, что я прыгнул. Я прыгнул! Я прыгнул! Прыгнул все-таки!!!

А когда я вынырнул, Мишка и Костик протянули мне руки и вытащили на доски. Мы легли рядом. Мишка и Костик молчали.

А я лежал и слушал, как рабочие бьют молотком по розовому камню. Звук долетал сюда слабо, нежно и робко, как будто кто-то играл стеклянным молоточком на серебряном ксилофоне.

Вопросы к обсуждению:

1. Как вы думаете, о чем с вами хотел поговорить писатель, взявшийся за этот рассказ?

2. Кто подал мысль Дениске прыгать с десятиметровой вышки? И как Дениска эту мысль воспринял?

3. С каким настроением Дениска первый раз всходил на вышку? Кому он хотел подражать? И почему он не смог выполнить задуманный прыжок?

4. Что заставило его второй и третий раз подниматься на вышку? Что мешало ему прыгнуть? Какие мысли ему приходили в голову, стоящему там, наверху?

5. Как отнеслись друзья к нерешительности Дениски совершить прыжок? Каким способом они подстрекали его, чтобы он прыгнул? Были ли они уверены, что он это сделает?

6. Почему все-таки Дениска преодолел страх и прыгнул? Как он придавал себе храбрость? Как боролся с собственной трусостью? Какими обидными словами он себя называл? Что, по-вашему, решило исход дела?

7. Почему ребята хохотали над Дениской и показывали на него пальцем, когда тот не решался прыгнуть? И почему они молчали, когда Дениска прыгнул? Давайте представим ход их мыслей в тот момент, когда, совершив прыжок, он лег с ними рядом?

8. Какое отношение к прыжку Дениски имела работа каменщиков, которые чинили набережную? Как вы думаете, почему Дениске перед прыжком захотелось еще раз услышать, как рабочие дробят камень?

9. Как бы вы вели себя, оказавшись на месте Дениски, когда друзья над вами смеются и считают вас трусом? Как вы сами преодолеваете страх, когда он у вас появляется? Расскажите.

О рассказе Леонида Пантелеева «Честное слово»

Честным называют человека, которому можно доверять, кто правдив и надежен в слове, кто ни в каком деле не подведет. Это человек прямой и неуклонный по совести и долгу. Именно таким Леонид Пантелеев представил читателю своего героя – мальчишку, для которого данное им честное слово означало неукоснительное исполнение, независимо от того – игра это или правда. Проявленное нравствен-

ное качество потребовало от мальчика не только волевого усилия, но осознанного чувства долга, душевного благородства, которыми он обладал. Честность – необходимое условие совместной деятельности людей и непреложное требование жизни.

Играя в войну, ребята поручили мальчишке стать часовым у «порохового склада», а потом забыли о нем и разбежались по домам. Темнело, а «часовой» хоть и плакал, но стоял. По счастью, прохожий догадался позвать дядю майора, который, как старший по званию, отменил прежний приказ и отпустил «сержанта» к маме. В рассказе показана не просто исполнительность мальчика, но и сила его духа, моральный долг, который для него был превыше всего. Появление этого рассказа вызвало в свое время дискуссию. Нужно ли было мальчишке, давшему честное слово, стоять «часовым» в игре, в то время как все игравшие давно убежали? Пантелеев не только поддерживает этого «часового», но и верит в него сегодняшнего и будущего. Сам Пантелеев был таким, как этот мальчишка: прямым, несгибаемым и честным. Когда писателя спросили однажды, есть ли в его творчестве ведущая тема, он ответил – тема совести. Как писателя его интересовал внутренний мир детей и взрослых, стремление постичь то, что определяет их характеры. Как нынешние юные читатели воспринимают и оценивают ЧЕСТНОЕ СЛОВО, знакомо ли оно им, верят ли они этому слову, и как бы они поступили в игровой ситуации на месте часового? Возможна ли совместная деятельность людей, нарушающих верность слову?

Текст рассказа:

Мне очень жаль, что я не могу вам сказать, как зовут этого маленького человека, и где он живет, и кто его папа и мама. В потемках я даже не успел как следует разглядеть его лицо. Я только помню, что нос у него был в веснушках и что штанишки у него были коротенькие и держались не на ремешке, а на таких ляпочках, которые перекидываются через плечи и застегиваются где-то на животе.

Как-то летом я зашел в садик, – я не знаю, как он называется, на Васильевском острове, около белой церкви. Была у меня с собой интересная книга, я засиделся, зачитался и не заметил, как наступил вечер.

Когда в глазах у меня зарябило и читать стало совсем трудно, я захлопнул книгу, поднялся и пошел к выходу.

Сад уже опустел, на улицах мелькали огоньки, и где-то за деревьями звенел колокольчик сторожа.

Я боялся, что сад закроется, и шел очень быстро. Вдруг я остановился.

Мне послышалось, что где-то в стороне, за кустами, кто-то плачет.

Я свернул на боковую дорожку – там белел в темноте небольшой каменный домик, какие бывают во всех городских садах; какая-то будка или сторожка. А около ее стены стоял маленький мальчик лет семи или восьми и, опустив голову, громко и безутешно плакал.

Я подошел и окликнул его:

– Эй, что с тобой, мальчик?

Он сразу, как по команде, перестал плакать, поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

– Ничего.

– Как это ничего? Тебя кто обидел?

– Никто.

– Так чего ж ты плачешь?

Ему еще трудно было говорить, он еще не проглотил всех слез, еще всхлипывал, икал, шмыгал носом.

– Давай пошли, – сказал я ему. – Смотри, уже поздно, уже сад закрывается.

И я хотел взять мальчика за руку. Но мальчик поспешно отдернул руку и сказал:

– Не могу.

– Что не можешь?

– Идти не могу.

– Как? Почему? Что с тобой?

– Ничего, – сказал мальчик.

– Ты что – нездоров?

– Нет, – сказал он, – здоров.

– Так почему ж ты идти не можешь?

– Я – часовой, – сказал он.

– Как часовой? Какой часовой?

– Ну, что вы – не понимаете? Мы играем.

– Да с кем же ты играешь?

Мальчик помолчал, вздохнул и сказал:

– Не знаю.

Тут я, признаться, подумал, что, наверно, мальчик все-таки болен и что у него голова не в порядке.

– Послушай, – сказал я ему. – Что ты говоришь? Как же это так? Играешь и не знаешь – с кем?

– Да, – сказал мальчик. – Не знаю. Я на скамейке сидел, а тут какие-то большие ребята подходят и говорят: «Хочешь играть в войну?». Я говорю: «Хочу». Стали играть, мне говорят: «Ты сер-жант». Один большой мальчик... он маршал был... он привел меня сюда и говорит: «Тут у нас пороховой склад – в этой будке. А ты будешь часовой... Стой здесь, пока я тебя не сменю». Я говорю: «Хорошо». А он говорит: «Дай честное слово, что не уйдешь».

– Ну?

– Ну, я и сказал: «Честное слово – не уйду».

– Ну и что?

– Ну и вот. Стою-стою, а они не идут.

– Так, – улыбнулся я. – А давно они тебя сюда поставили?

– Еще светло было.

– Так где же они?

Мальчик опять тяжело вздохнул и сказал:

– Я думаю, они ушли.

– Как, ушли?

– Забыли.

– Так чего ж ты тогда стоишь?

– Я честное слово сказал...

Я уже хотел засмеяться, но потом спохватился и подумал, что смешного тут ничего нет и что мальчик совершенно прав. Если дал честное слово, так надо стоять, что бы ни случилось – хоть лопни. А игра это или не игра – все равно.

– Вот так история получилась! – сказал я ему. – Что же ты будешь делать?

– Не знаю, – сказал мальчик и опять заплакал.

Мне очень хотелось ему как-нибудь помочь. Но что я мог сделать? Идти искать этих глупых мальчишек, которые поставили его на караул, взяли с него честное слово, а сами убежали домой? Да где ж их сейчас найдешь, этих мальчишек? Они уже небось поужинали и спать легли, и десятые сны видят. А человек на часах стоит. В темноте. И голодный небось...

– Ты, наверно, есть хочешь? – спросил я у него.

– Да, – сказал он, – хочу.

– Ну, вот что, – сказал я, подумав. – Ты беги домой, поужинай, а я пока за тебя постою тут.

– Да, – сказал мальчик. – А это можно разве?

– Почему же нельзя?

– Вы же не военный.

Я почесал затылок и сказал:

– Правильно. Ничего не выйдет. Я даже не могу тебя снять с караула. Это может сделать только военный, только начальник...

И тут мне вдруг в голову пришла счастливая мысль. Я подумал, что если освободить мальчика от честного слова, снять его с караула может только военный, так в чем же дело? Надо, значит, идти искать военного.

Я ничего не сказал мальчику, только сказал: «Подожди минутку», – а сам, не теряя времени, побежал к выходу...

Ворота еще не были закрыты, еще сторож ходил где-то в самых дальних уголках сада и дозванивал там в свой колокольчик.

Я стал у ворот и долго поджидал, не пройдет ли мимо какой-нибудь лейтенант или хотя бы рядовой красноармеец. Но, как назло, ни один военный не показывался на улице. Вот было мелькнули на другой стороне улицы какие-то черные шинели, я обрадовался, подумал, что это военные моряки, перебежал улицу и увидел, что это не моряки, а мальчишки-ремесленники. Прошел высокий железнодорожник в очень красивой шинели с зелеными нашивками. Но и железнодорожник с его замечательной шинелью мне тоже был в эту минуту ни к чему.

Я уже хотел несолоно хлебавши возвращаться в сад, как вдруг увидел – за углом, на трамвайной остановке – защитную командирскую фуражку с синим кавалерийским околышем. Кажется, еще никогда в жизни я так не радовался, как обрадовался в эту минуту. Сломая голову я побежал к остановке. И вдруг, не успев добежать, вижу – к остановке подходит трамвай, и командир, молодой кавалерийский майор, вместе с остальной публикой собирается протискиваться в вагон.

Запахавшись, я подбежал к нему, схватил за руку и закричал:

– Товарищ майор! Минуточку! Подождите! Товарищ майор!

Он оглянулся, с удивлением на меня посмотрел и сказал:

– В чем дело?

– Видите ли, в чем дело, – сказал я. – Тут, в саду, около каменной будки, на часах стоит мальчик... Он не может уйти, он дал честное слово... Он очень маленький... Он плачет...

Командир захлопал глазами и посмотрел на меня с испугом. Наверное, он тоже подумал, что я болен и что у меня голова не в порядке.

– При чем же тут я? – сказал он.

Трамвай его ушел, и он смотрел на меня очень сердито.

Но когда я немножко подробнее объяснил ему, в чем дело, он не стал раздумывать, а сразу сказал:

– Идемте-идемте. Конечно. Что же вы мне сразу не сказали?

Когда мы подошли к саду, сторож как раз вешал на воротах замок. Я попросил его несколько минут подождать, сказал, что в саду у меня остался мальчик, и мы с майором побежали в глубину сада.

В темноте мы с трудом отыскивали белый домик. Мальчик стоял на том же месте, где я его оставил, и опять – но на этот раз очень тихо – плакал. Я окликнул его. Он обрадовался, даже вскрикнул от радости, а я сказал:

– Ну, вот, я привел начальника.

Увидев командира, мальчик как-то весь выпрямился, вытянулся и стал на несколько сантиметров выше.

– Товарищ караульный, – сказал командир. – Какое вы носите звание?

– Я – сержант, – сказал мальчик.

– Товарищ сержант, приказываю оставить вверенный вам пост.

Мальчик помолчал, поспел носом и сказал:

– А у вас какое звание? Я не вижу, сколько у вас звездочек...

– Я – майор, – сказал командир.

И тогда мальчик приложил руку к широкому козырьку своей серенькой кепки и сказал:

– Есть, товарищ майор. Приказано оставить пост.

И сказал это он так звонко и так ловко, что мы оба не выдержали и расхохотались.

И мальчик тоже весело и с облегчением засмеялся.

Не успели мы втроем выйти из сада, как за нами хлопнули ворота и сторож несколько раз повернул в скважине ключ.

Майор протянул мальчику руку.

– Молодец, товарищ сержант, – сказал он. – Из тебя выйдет настоящий воин. До свидания.

Мальчик что-то пробормотал и сказал: «До свиданья».

А майор отдал нам обоим честь и, увидев, что опять подходит его трамвай, побежал к остановке.

Я тоже попрощался с мальчиком и пожал ему руку.

– *Может быть, тебя проводить?* – спросил я у него.

– *Нет, я близко живу. Я не боюсь,* – сказал мальчик.

Я посмотрел на его маленький веснушчатый нос и подумал, что ему действительно нечего бояться. Мальчик, у которого такая сильная воля и такое крепкое слово, не испугается темноты, не испугается хулиганов, не испугается и более страшных вещей.

А когда он вырастет... Еще не известно, кем он будет, когда вырастет, но кем бы он ни был, можно ручаться, что это будет настоящий человек.

Я подумал так, и мне стало очень приятно, что я познакомился с этим мальчиком.

И я еще раз крепко и с удовольствием пожал ему руку.

Вопросы к обсуждению:

1. Почему автор сожалеет, что не узнал имени мальчика, стоявшего на посту? Чем этот часовой привлек его внимание? В какую игру он играл вместе с ребятами?

2. Почему мальчик безутешно плакал и почему отказался идти домой, хотя уже был вечер и все играющие, те, кто должен был сменить часового или снять его с поста, разошлись по домам?

3. Что для мальчика означало данное им «честное слово»?

4. Какая мысль пришла в голову прохожего, чтобы выручить мальчика? Каким образом ему удалось снять часового с поста?

5. Можно ли ручаться, что из мальчика с такой сильной волей, с таким крепким словом вырастет настоящий человек? Встречались ли вам в жизни, в книгах или в кино такие люди?

6. Вызывают ли они у вас уважение и желание походить на них?

О рассказе Анатолия Мошковского «Вызов на дуэль»

В рассказе показано противостояние двух сил, которые сталкиваются между собой – силы добра и силы зла. Сила добра представлена писателем в образе маленького, тщедушного, физически слабого, но внутренне сильного Пети, объявившего дуэль холодному, бездушному злему однокласснику, выставившему его подружку на посмешище в школе. Десятки ребят хохочут, когда ничего не подозревавшая

умная Верка, которую нынешние ребята назвали бы «ботаником», ходит по школе сначала с приклеенной на спине табличкой «Я дура», а на следующий день с надписью «Ищу жениха». Но писателю, как и читателю, не смешно, ибо затем и написан рассказ, чтобы показать жестокость подобных шуток и человека, осмелившегося вступить за честь девочки, вызвав автора злых шуток на дуэль и победившего его в этой дуэли. Победа слабого и поражение сильного в дуэли закономерны. Победа Пети – это победа правды и высоты стремлений. Он проверил свою прочность, защищая честь своей одноклассницы. Он сдал экзамен на звание быть Человеком. Это его шаг к взрослости, если понимать взрослость как серьезное отношение к жизни, чуткость к окружающим и ответственность. Верят ли читатели, что слабый побеждает сильного? В каких случаях это становится возможным?

.....

Текст рассказа:

В четвертом классе мы обзавелись личным оружием – рогатками из тонкой резинки. Резинка надевалась на пальцы и стреляла бумажными пулями, скрученными из газет или тетрадных обложек.

В умелых руках это было грозное оружие, и бумажные пули разили точно и «насмёрть». Самым метким стрелком в классе был Женька Пионерный. Он при мне на спор стрелял по мухам, выбил из трех возможных два очка – пули расплющили на классной доске одну за другой двух мух – и выиграл два метра резинки.

Я в этом деле и в подметки ему не годился – из пяти возможных выбивал только одно очко. А другие и того меньше. Меткость Женьки была общепризнанной, и мы даже называли его Снайпером.

– Эй, Снайпер, дай списать русский!

Или:

– Что сегодня идет в «Спартаке», Снайпер?

Это прозвище он любил больше своего имени, охотно откликался и признательно смотрел на окликавшего.

Он же, Пионерный, возродил в нашем классе забытую традицию дуэлей. За какую-нибудь обиду или проступок любой мальчишка мог вызвать другого на дуэль. Женька даже дуэльный кодекс разработал: выбранные секунданты отмеряли шаги, мелом чертились на полу линии, с которых стреляли, на глаза надевались специальные очки-консервы (в них ездят мотоциклисты). Двое таких очков где-то раз-

добыл Женька и выдавал дуэлянтам, не желавшим перед поединком мириться. Даже при Пушкине и Лермонтове не были, наверно, дуэли такими беспощадными, как в нашем 4 «Б»!

Хуже всех в классе стрелял Петя Мурашов – маленький, тощенький, с сыпью розовых прыщиков на лбу и серьезными глазами. Ему-то и десятка пуль не хватало, чтобы укокошить на стене одну-единственную муху!

Да и в общеклассных стрелковых соревнованиях он выходил на последнее место. Все это было понятно: когда же ему тренироваться в стрельбе, если все свободное время он был занят Веркой, девочкой из нашего класса. Она корчила из себя большую умницу, и, наверно, воображала, что она первая красавица в классе. Так вот этот хуленький Петя все время вертелся вокруг Верки, носил ей читать книги из отцовской библиотеки, делился завтраком, если она забывала. Помогал записывать в портфель учебники. И терпеливо, как часовой на посту, поджидал ее после уроков у двери, если она куда-то отлучалась и не выбегала из школы со всеми...

Особенно меня поражала ее аккуратность. Даже в осеннюю грязь приходила она в чистых ботинках, тетради ее ставились в пример другим, ее косички с бантиками всегда были тщательно уложены: ни прядка, ни один даже волосок не выбивались на ее лоб, чистый и умный. Ее внимательность на уроках была выше моего понимания.

Нет, нужны были срочные меры!

Недолго думая я выдрал из тетради лист, сунул мизинец в чернила и вывел огромными фиолетовыми буквами: «Я дурочка». На перемене сбегал в канцелярию, мазнул обратную сторону листа клеем и незаметно приклеил лист на спину Верке.

Успех был полный. Ни о чем не подозревая, ходила она по школьным коридорам, и вслед катился смех. Верка ничего не понимала. Краснела, металась из угла в угол, как затравленный волчонок, пока лист не отвалился от ее спины.

На следующий день Верка носила по коридорам огромное объявление «Ищу жениха!», и хохот всей школы громыхал за ней по пятам. Верка припустилась назад и укрылась в классе, где Петя и сорвал с ее спины лист.

Верка глянула на лист, и глаза ее наполнились слезами. Сморгнув их, села за свою парту, отвернулась к стенке, и мне было видно, как вздрагивает ее спина.

Я торжествовал: получила по заслугам!

Но кто-то выдал меня. В классе нашелся предатель. Меня отчитал классный руководитель и пообещал рассказать обо всем отцу. Но это было еще не все.

На большой перемене ко мне подошел Петя, этот раб и слюнтяй, подошел – маленький, бледный, с серьезными глазами – и, заикаясь, сказал:

– Вввы-вызываю тебя на дуэль.

Я даже опешил: он и дуэль – это просто не вязалось. Ни с кем еще он не дрался и драться не собирался!

– Проваливай! – сказал я – Что с тобой связываться? Вначале стрелять научись.

И здесь случилось непостижимое. Все ребята, как сговорившись, заорали:

– Нет, ты не должен отказываться! Это против закона!

Я даже отступил к стене. Я ничего не понимал. Ну что я сделал им плохого? Только проучил эту самую Верку, и здорово проучил. То все были за меня и смеялись, а то вдруг переметнулись на сторону Петьки. И среди них был даже Женька Пионный... Вот она какая, оказывается, жизнь!

«Ну что ж, драться так драться», – твердо решил я и поклялся посильнее вlepить в его лоб пулю. Пусть знает, как иметь со мной дело. И всем им отомщу!..

Тут же были выбраны секунданты, отмеряны десять огромных шагов в проходе между партами. Всеми приготовлениями распорядился сам Пионный. Он провел мелом на полу две черты и приказал закрыть на стул дверь, чтобы не вошел дежурный по этажу учитель.

– Уважаемые дуэлянты, – обратился к нам, как требовали правила, Женька, – в последний раз предлагаю вам помириться, пойти на мировую и подать друг другу руку. Ты виноват перед Верой, извинись, и все будет...

– Нет! – закричал Петя. – Никаких извинений – будем стреляться!

– А я и не собираюсь извиняться! – отрезал я. – Принимаю вызов.

Я был уверен, что Петя доживает свои последние минуты на этой земле, и твердо сквозь зубы произнес:

– Прощайся с жизнью, презренный!

Нам были выданы очки-консервы и по одной пуле Женькиного производства: они должны быть одинаковыми. Потом Пионный оглядел наши «пистолеты» – надетые на пальцы резинки – и важно сказал:

– Противники, на линию огня!

Мы стали возле начерченных мелом линий, и Пионерный проверил, чтобы ботинки ни одного из нас не переступили их.

– Начинайте! – деловито сказал Пионерный.

Мы стали целиться.

До боли сжав губы, я оттянул насколько мог назад резинку – удар должен быть точным!

Большие квадратные очки, туго сжатые на затылке ремешками, больно врезались в щеки. Все, кто был в классе, выстроились у стен. Я хладнокровно целился в розоватый Петькин лоб. Вдруг кто-то задергал дверью, и стул, одной ножкой продетый в дверную ручку, запрыгал.

Я готов уже был выстрелить, но отвлекся на мгновение, и вдруг... нет, в это нельзя было поверить... в мою грудь ударила пуля.

– Падай! – заорали ребята. – Падай, ты убит!

Я продолжал целиться, но кто-то вырвал у меня «пистолет», меня схватили. Приподняли и силой уложили на пол – таков был ритуал.

Потом я встал, сорвал с лица очки-консервы, сдернул с пальцев резинку и ушел в коридор. Я не хотел никого видеть. Они предали меня и были рады моей гибели, а я дружил с ними, считал их добрыми, любил их... Предатели! И как это Петька попал? Но что я мог поделать? По принятому нами же закону отныне я на неделю лишился права участвовать в дуэлях и должен был подчиняться этому.

Я был убит на дуэли, и, как понял это позже, был убит по заслугам.

Вопросы к обсуждению:

1. Почему слабый Петя Мурашов победил сильного одноклассника?
2. Как это могло произойти? Верите ли вы в эту победу?
3. Что придавало силы этому мальчику? Что побудило его вызвать на дуэль сильного одноклассника? Во имя чего «сражались» тот и другой дуэлянт? На чьей стороне вы были в сцене дуэли?
4. Злые насмешки над умной Веркой – есть ли в вашей школе нечто подобное? Приведите аналогичные примеры.
5. Почему по ходу действия изменилось отношение одноклассников к дуэлянтам: сначала они были на стороне сильного, но во время

дуэли стали поддерживать слабого? Считаете ли вы их поведение предательством по отношению к сильному однокласснику?

б. Рассказчик, вспоминая об этой истории, только много позже понял, что был «убит» по заслугам. Согласны ли вы с его оценкой собственного поведения?

О рассказе Владислава Бахревского «Государственный человек»

Речь в рассказе идет о «занозистом» мальчишке Витьке, который осмелился дразнить председателя Афанасия Мироновича «начальником-обещальником» из-за того, что тот не построил обещанного бассейна для детей. Председатель в свое оправдание перечисляет ему то, что удалось сделать за год, а вот до бассейна руки не дошли. Ради эксперимента он предложил мальчишке на один день стать председателем, чтобы понять, как трудна должность руководителя хозяйством. Витька согласился. Каждый из посетителей в этот день обращался к председателю с просьбами: у одного – коров нечем кормить, у другого – крыша для складирования удобрений прохудилась, третий недоволен, новую машину отдали не тому, кому она должна принадлежать по праву. И так целый день. Настоящий председатель отсылал их к мальчишке, чтобы тот решал возникшие проблемы. И он решал.

Первое, что он приказал сделать – сменить щит «Наши передовики» на «Наши бездельники». Когда Афанасия Мироновича пригласили читать лекцию, он взял с собой мальчишку, и всю дорогу они планировали и размышляли о том, как сделать водохранилище и стадион: «Дел, брат, – впереди много!» В результате Афанасий Миронович, думая о мальчишке, делает вывод: «Чудесный человек растет. Хозяин. Моя смена». А у мальчишки другой вывод: руководить – сложное дело, тут нужны особые качества – государственные. И засыпает он после трудового дня сладким сном. Главный вопрос обсуждения – почему рассказ называется «Государственный человек». В какой мере идея государственного человека отвечает нынешним задачам развития общественной активности каждого жителя нашей страны, в том числе и подростков?

Текст рассказа:

Афанасий Миронович получил от врача строгое предписание как можно больше ходить пешком. Он шагал с обеденного перерыва по родной улице неторопливо, но и не без опаски. Тут бы о делах подумать, а думалось – стыдно сказать – о пацаненке. О занозистом пацаненке, который не дает ему проходу. Афанасий Миронович зорко поглядывал по сторонам, ожидая, что вот сейчас из-за угла дома выскочит белоголовый парнишечка и запляшет, припевая: «Начальник-обещальник, тра-ля-ля!».

Это была несправедливая дразнилка. Афанасий Миронович для родного села сделал за семь лет столько, сколько до него за двадцать не сделали.

На этой вот улице, где асфальт, осенью можно было утонуть в грязи по уши. Вместо домов стояли халупы с земляным полом.

Афанасий Миронович сердито засопел, остановился, огляделся. И от глубокой обиды заговорил вслух. Таких как я – в областном центре поискать! Школа искусства первейшая! А какая больница! А музей! И все мало?

– Начальник-обещальник! – сказали сверху.

Афанасий Миронович вздрогнул, словно на него яблоко упало. Поглядел вверх. На дереве, удобно устроившись в развилке, сидел тот самый, в елочной маске с усами и носом.

– Сними маску! – рассердился председатель. – Что я тебе наобещал? Или с открытым лицом и сказать стыдно?

– Вы обещали построить бассейн для детей, – сказал мальчишка. – А маску снять нельзя. Вы меня сразу узнаете. Я копия отца.

– Трусоват, значит, на расправу.

– Чегой-то? Ничего вы мне не сделаете. Я правду говорю. За меня заступятся.

– Это кто же?

– Страна, – сказал мальчик.

– Меня, старого, можно дразнить, а тебя – не тронь! Ну и голова! А ты, может, на землю спустишься, чтобы поговорить как мужчиной с женщиной?

– Если как мужчина с женщиной, то я на землю спущусь.

– Даю слово! – сказал Афанасий Миронович.

Мальчишка спрыгнул с дерева и снял маску.

– Парамонов! – узнал председатель. Парамонов-старший был у него главным виноградарем.

– Витек! – представился мальчишка.

– В каком ты классе?

– В четвертом.

Председатель задумался.

– Вот что, Витек. Ты, конечно, прав. Обещания своего я пока не сдержал... Но вот у меня какое будет предложение. Пошли в контору, садись на мое место и разворачивайся. Что скажешь, все будет по-твоему.

– Кто ж меня послушается?

– Ничего, я рядом буду. Послушаются.

Теперь задумался Витек. Две морщинки, идущие от бровей вверх, пересекли его чистый высокий лоб.

– Согласен! – сказал он вдруг, лицо у него стало задиристое, острое, а глаза были серьезные, озабоченные.

«Весь в отца!» – подумал Афанасий Миронович, и раздражение его сменилось любопытством.

Кабинет председателя был просторный. Длинный стол с двумя рядами стульев примыкал к столу хозяина кабинета.

– Садись! – указал Афанасий Миронович на кресло. – Ворчать да дерзить ума не надо.

Витек сел в председательское кресло и утонул. Это ему не понравилось. Он пригладил толстую подшивку газет у окна, принес, согнул ее пополам, положил в кресло и снова сел, очень собой довольный.

«Нахал!» – подумал Афанасий Миронович.

– Ну и чего мне теперь делать? – спросил Витек.

– Как чего? Руководи хозяйством.

– Вы тоже не всему сразу научились. Вас в Киев посылали учиться. За счет колхоза.

«Ну и дети пошли!» – изумился про себя председатель. – Да он, видно, всерьез собрался руководить. Ну, погоди, голубчик! Сейчас Гусев пожалует».

Только подумал, в кабинет вошла Таня, секретарь. Воззрилась на Витьку, но ничего не сказала.

– Афанасий Миронович, Гусев явился.

– Это к нему. – Председатель уселся в мягкое кресло напротив окна, развернул журнал.

Таня не уходила, не понимая.

– Распоряжение пришло. Теперь всюду дети будут командовать. В виде эксперимента, – сказал председатель.

– А-а! – понимающе кивнула Таня. – Так звать Гусева-то?

– Погодите! – Голос у Витька сел, он прокашлялся, смахивая с глаз слезы и краснея от досады. – А зачем он пришел, Гусев ваш?

– Коров голодом морит, – буркнул Афанасий Миронович.

– Зовите! – сказал Витек.

Гусев, огромный, черный, как ворон, вошел в кабинет, и в кабинете стало тесно. Уставился глазами на мальчишку, покрутил головой.

– Афанасий Миронович! – зарокотал басом. – Я-то тут при чем? У меня комбикормов нету! – Он выворотил карманы. – Что дадите, то и сшамаем.

– К нему! – указал председатель на Витька.

– Как к нему?

– Распоряжение такое. Эксперимент. Как наши дети готовят себя к будущему.

– Так мне что, в другой раз зайти?

– Нет! – выкрикнул Витек, откашливаясь в кулак. – Садитесь, Гусев.

Великан заморгал глазами, сел.

– Вы обедали? – спросил Витек.

– А как же! – улыбался невиданному делу Гусев: будет чего на ферме порассказать.

– Сытно?

– Как всегда. Две тарелки борща.

– Значит, совести у вас нет! – сказал Витек.

Гусев побагровел, поднялся грозовой тучей. Витек снял телефонную трубку:

– Мне дружинников вызвать?

Гусев задохнулся и сел.

– Почему морите коров голодом?

– А что я тебе, рожу корма?

– За грубость лишю вас премии, – сказал Витек. – Объясните мне положение дел на ферме.

Гусев, поглядывая то на безучастного председателя, то на мальчишку, решил судьбу не испытывать. Торопливо стал объяснять, что лимит на квартал исчерпан, не дотянули две недели. Сено и силос Афанасий Миронович не разрешает брать – это на зиму. Зима ожидается суровая. Конечно, нади упали, но через две неде-

ли положение исправится. По крайней мере, надежда не будет на ферме.

– А куда же делись корма на эти две недели? – спросил Витек.

– Вины полностью не слагаю. В сентябре кормили сытной. За рекордом гнались, вот и промашка вышла...

– Значит, положение безвыходное?

– Не безвыходное, – Гусев покосился на председателя, – но тяжелое.

– Куда эти корма пошли, каждому в селе известно, – сказал Витек. Он глядел в окно, и по глазам было видно, мысли у него как воробышки, скачут.

– Гусев, посмотрите, пожалуйста, на улицу. Что вы там видите?

– Село, степь.

– Степь-то после дождей зеленая.

– Так у нас стойловое содержание.

– Но сами-то вы каждый день едите... Коли тяжелое положение, надо выход искать.

– Пока не нашли, значит.

Витек нажал на кнопку звонка. Вошла Таня.

– Позовите художника из клуба.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас. Только вы уж сами объясняйте, что эксперимент и все такое.

Художник явился, сияя глазами. Ему было интересно.

– Вызывали? – спросил он, стоя вполоборота к Афнасию Мионовичу и к мальчишке.

– Вызывал, – сказал Витек. – Подойдите тоже к окну. Видите доску «Наши передовики»?

– Вижу. Сам делал.

– Так вот, сегодня же на другой стороне улицы поставьте щит с надписью: «Наши бездельники». Потом сходите на молочную ферму, сфотографируйте самых худых коров и товарища Гусева.

– Афнасий Мионович! – загремел завфермой. – Да это же!.. Распустили детей! Я этого не оставлю!

– Товарищ художник! – громко и звонко выкрикнул Витек. – Товарищ Гусев признает свои ошибки. Худых коров вы сфотографируйте, а товарища Гусева повремените. Срок ему – сутки. Товарищ художник! А вы еще зайдите в библиотеку, возьмите словарь. Афиши без ошибок надо писать. «Роковое путешествие», а не «путишествие». До свидания.

– До свидания! – сказали разом Гусев и художник, торопливо пятась к выходу.

Как только дверь за посетителями закрылась, Витек слез с кресла, подхватил газеты.

– Куда? – удивился председатель. – Нет, ты уж сиди, коли сел.

– Подумаешь! – буркнул Витек. Тяжело повздохав, пристроил в кресле газеты, снова взгромоздился на них.

Завонил телефон. Витек вздрогнул, умоляюще посмотрел на председателя.

– Давай, давай! – сказал тот. – Можешь считать, что меня нет. Телефон трезвонил, Витек снял трубку.

– Чего? – захрипел он басом.

В трубке сердитый человек спрашивал, куда складывать удобрения. Крыша протекает.

– А протекает, так почини! – закричал Витек. – У себя дома не ждешь дяди чужого! Сам чинишь.

Витек послушал, что ему скажут, и повесил трубку.

– Голос, говорят, не такой.

Афанасий Миронович даже головы не повернул. Дверь открылась, вошла Таня, секретарь.

– Завгар с шофером, оба сердитые.

– К нему! К нему! – ткнул председатель журналом в сторону Витька. – Только объясните им про эксперимент.

– Я не знаю, что тут за эксперимент! – сказал завгар сердито, проходя к столу и глядя на председателя. – Вот, заявление принес! – потряс бумажкой перед лицом Васи Нефедова. – Не угодили ему! Машину новую не предоставили!

– Здесь все дела решает товарищ Парамонов, – очень серьезно и не без раздражения заявил Афанасий Миронович.

Завгар передернул плечами, был он в засаленной телогрейке, с черными от мазута руками.

– Так что же прикажете, забрать новую машину у заслуженного старого шофера и передать малоопытному новичку? – Завгар говорил председателю, но косился на Витька.

– Да, – сказал Витек, – новую машину надо отдать Васе Нефедову.

– Это почему же? – Лохматые, как лес, брови завгара изогнулись, в лесу случился бурелом.

– Вася из армии пришел. Он, знаете, как машину водит? Лучшие

всех! – сказал Витек. – Смотрите, какой он чистый. Значит, и машина у него будет в порядке.

– При чем тут чистый, не чистый? Афанасий Миронович! – рассвирепел завгар.

– Как товарищ Парамонов скажет, так и будет! – отрубил председатель.

– Ну, хорошо! Им о деле, а они в игрушки играют.

– Никакие это не игрушки! – сказал Витек. – Дайте мне заявление. Завгар бросил бумажку на стол.

– Вася Нефедов, ты это возьми и порви, – сказал Витек. – Нам молодые кадры нужны. А машину тебе завтра дадут новую.

– Ах, так! – вскричал завгар. – Хорошо! Тогда я напишу заявление об уходе.

– Пишите, – согласился Витек. – Вы вон какой грязный. Весь кабинет запачкали. И в гараже у вас непорядок. Все знают.

Завгар выскочил из кабинета, хлопнул дверью. Вася Нефедов подошел к столу, взял заявление.

– На серьезе новую машину дадут?

– На серьезе, – твердо ответил Витек.

– Посмотрим. – Шофер разорвал свое заявление. – До свидания.

– Этак ты мне все кадры разгонишь! – покачал головой председатель.

– Наоборот, – сказал Витек. – Вася Нефедов таким завгаром будет – поискать. Он себе сам машину сделал. Да еще какую!

– В этом есть что-то, – сказал председатель.

– Я пойду? – спросил Витек с надеждой.

– Рабочий день кончится – и пойдешь.

В кабинет, с ребенком на руках, вошла Настя Барабаиш.

– Афанасий Миронович! Не могу я со свекровью ужиться! Дайте хоть комнату, хоть сарай! – Заплакала.

– Сегодня все вопросы решает товарищ Парамонов. – Председатель развел руками. – Эксперимент.

– Товарищ Парамонов! – покорно обратилась Настя к председателскому столу. – Витек! Не могу я больше. Семья развалится...

– Афанасий Миронович! – От волнения Витек встал на газеты коленками. – Им надо дать квартиру. Барабаиши – куркули. Их дом все за версту обходят. У них забор самый высокий в селе, а на заборе поверху стекло битое!

Председатель встал, подошел к Насте. Ребенок потянулся, раскрыл широкий рот, загулькал.

– Два месяца потерпишь? – спросил Афанасий Миронович. – Дом будем сдавать.

– Хоть три! Только бы надежда была. Спасибо, что поняли.

Она опять заплакала, и тотчас басом заревел ребенок.

Настя стала качать его, приговаривая:

– Дурачок! От радости я! От радости! Пошли. Не будем мешать. Афанасий Мироныч, век буду помнить. И вас, товарищ Парамонов.

Она ушла.

– Спасибо вам! – сказал Витек.

– Это за что же? – удивился председатель.

– За то, что... За Настю... Она в самостоятельности играла, ее по телевизору показывали. А теперь ей жизни нет.

– Да откуда ты знаешь?

– Все говорят.

Опять появилась Таня:

– Афанасий Миронович, вам через сорок минут во второй бригаде лекцию надо читать. Не забыли?

Витек решительно спрыгнул с кресла.

– Лекций я читать не могу! – сказал он упрямо.

– Так и быть, – согласился Афанасий Миронович. – Лекцию я сам прочитаю. Я готовился, а ты нет.

– А бассейн? – спросил председатель. – Ты же еще не выяснил, есть ли у НАС средства на бассейн или нет их. Поехали во вторую бригаду, по дороге подумаем – в две головы.

Дорога пробежала через виноградники, через поля, вспаханные под будущий урожай, и пошла по степи. Степь эту будто кто камнями засеял.

– Мой дедушка говорил, что камни тоже растут, – сказал Афанасий Миронович, останавливая «газик», – Может, и прав был старик. Бывало, уберешь с огорода камни, целую кучу навалишь, а на следующий год их столько же... Давай подышим.

Они вышли из машины.

– Вот здесь годика через два виноград будем растить.

– Здесь? – удивился Витек.

– Ты не смотри, что камни! Почвы здесь всюду золотые. Проведем канал – и сотворим чудо. Вода и руки чудо сотворят.

Степь пахла сырой после дождей землей и польнью.

– Конечно, я виноват перед ребятами. Поторопился с обещанием.

– Мы поехали в прошлом году на море, а плавать никто не умеет; Все над нами смеялись, – сказал Витек.

– Верно! Для степного села бассейн нужен. Но ты и меня пойми. Видишь, сколько пустыющей земли, а земля работать должна, давать плоды. На канал я потратил деньги. Телятники еще новые строим...

Дорога пошла под уклон, в объезд старого брошенного карьера.

– Вот! – показал председатель на темный зев штольни. – Камень отсюда стоящий выбрали, карьер закрыли. Никому не нужная местность. А если подумать? Вот подумай; что здесь можно для хозяйства соорудить?

– Водохранилище?

– А что? Это мысль! Но тут опять затраты нужны и канал. Еще думай. О штольнях. Штольни подо что можно пустить?.. Эх, голова садовая! Да навези ты сюда землицы, проведи свет...

– Шампиньоны! – догадался Витек.

– Ну, ты меня утешил! – расцвел Афанасий Миронович, – Конечно, шампиньоны. Телятники закончим, а потом и за штольни примемся. Нам ведь не только бассейн, но и стадион нужен хороший построить. Дворец культуры по нашему времени уже не тот, жилья – сам видел – не всегда еще хватает. Дел, брат, впереди много!

Машина приехала во вторую бригаду, председатель говорил с людьми о делах, потом читал лекцию. И когда ехали обратно, стояла черная безлунная ночь. Мотор мурлыкал успокаивающую песенку, и Витек таращил глаза на освещенную фарами дорогу, но сон все-таки сморил его.

– Афанасий Миронович! – встревоженная мать встретила машину председателя у ворот дома Парамонова. – Говорят, натворил что-то Витек-то?

– Вы уж извините меня, – сказал председатель. – Задержались, вот и уснул. Чудесный человек у вас растет. Хозяин. Моя смена.

И сам, ревниво оберегая сон, отнес мальчика в постель.

– А говорили – нахулиганил! – Мать принялась снимать с сына одежду, а он посапывал, шевелил руками и сладко вздыхал.

Вопросы к обсуждению:

1. Почему председатель Афанасий Миронович, гуляя, думал не столько о делах, сколько о «пацаненке» Витьке Парамонове?

2. Почему он считал, что дразнилка «начальник-обещальник» по отношению к нему несправедлива? Была ли в дразнилке правда?

3. Как случилось, что председатель поставил Витьку вместо себя руководить хозяйством?

4. Как повел себя новый председатель, принимая посетителей?

5. Почему разговор с заведующим фермой Гусевым он начал с вопроса ел ли он сегодня? Почему после разговора с ним он дал художнику задание сменить щит «Наши передовики» на «Наши бездельники»?

6. Справедливо ли он поступил, распорядившись новую машину отдать парню, вернувшемуся из армии, а не опытному заведующему гаражом?

7. Почему мать с ребенком плакала после разговора с председателем-школьником?

8. Как вел себя настоящий председатель, следя за распоряжениями Витька?

9. Признал ли он свою вину перед Витькой? О чем они разговаривали по дороге во вторую бригаду?

10. Какой вывод относительно Витьки Парамонова сделал Афанасий Миронович по окончанию рабочего дня? Поддерживаете ли вы этот вывод? Оправдал ли его доверие Витька?

11. Почему мальчишку автор рассказа назвал государственным человеком? Есть ли среди вас такие хозяйственные, как Витька Парамонов? Нравится ли вам эксперимент, который придумал Афанасий Миронович?

О рассказе Юрия Нагибина «Заброшенная дорога»

Рассказ Нагибина о ребенке, заставившем взрослого стать деятельным человеком. Рассказчика удивила встреча с мальчиком-очкариком, который расчищает заброшенную дорогу со страстью, с непомерными усилиями. «Да, это была работка! – восклицает рассказчик. – Недаром же руки у очкастого мальчика были в кровавых ссадинах».

Терпение ему понадобилось для того, чтобы суметь объяснить взрослому значение этой работы: «Дорога – это очень важно! Без дорог никто никогда не будет вместе». Решение помогать ребенку было для взрослого порывом, озарением. И рассказ из простого повествования превращается в притчу о том, что каждый должен пройти свой собственный путь, каким бы трудным он ни был. «В моем сердце началось много дорог, – пишет автор. – Я не жалел ни труда, ни рук, я рвал напрочь чертополох и крапиву и всю прочую нечисть, не давал сорнякам глушить, разрушать их, превращать их в ничто». Однако, для того чтобы работа была успешной, необходимо встречное движение: «Если я преуспел в этом, то лишь потому, что всякий раз с другого конца дороги начиналось встречное движение». Как понимают эту мысль наши подростки? Поддерживают ли они таких деятельных сверстников? Вызывает ли у них мальчик-очкарик, работающий для общего блага, симпатию?

Текст рассказа:

Был ли в яви или только приснился мне этот странный мальчик, Бовеянный нежностью и печалью нездеиности, как маленький принц Антуана де Сент-Экзюпери? Я знаю, что он был, как было и бульжное шоссе, заросшее подорожником, лопухами, репейником, конским щавелем, чайной ромашкой.

Тот день начался с маленького чуда: оказалось, низинный, сыроватый ольшаник, примыкавший с севера к дачной ограде, сказочно богат грибами-свинушками. Я набивал свинушками рубаху, бегом относил их домой и возвращался в лес.

Чем дальше я шел, тем плотнее росли деревья, все труднее пробираться вперед. И тут я набрел на этого мальчика, и свершилось главное чудо дня.

Небольшой, худенький, с узким лицом, загороженным круглыми очками в толстой черепаховой оправе, он полол, словно огородную грядку, невесть откуда взявшееся тут густо заросшее бульжное шоссе. Он уже расчистил довольно широкую полосу, и там плотно, крепко круглились лобастые бульжники, а дальше шоссе терялось в густой поросли сорняков. Мальчик не только полол шоссе, он укреплял его по краям, вколачивая самодельной трамбовкой бульжники в гнезда.

– Здравствуй, – сказал он, обернувшись и доброжелательно глядя

на меня большими коричневыми глазками из-за круглых плоских стекол оконной прозрачности.

– Здравствуй, – отозвался я. – Зачем ты носишь очки? У тебя же простые стекла.

– От пыли. Когда ветрено, дорога пылит, а у меня конъюнктивит, – пояснил он с гордостью.

– А что это за дорога? Я никогда ее раньше не видел.

– Не знаю... Ты не хочешь мне помочь?

Я пожал плечами и, нагнувшись, выдрал куст чертополоха с темно-красными цветами и цепкими шипиками. Затем я потащил какое-то длинное растение с сухими темными коробочками семенников, будто наполненными ватой. Растение не поддавалось, сцепившись в землю длинными тонкими корнями. Я изрезал ладони, пока наконец вырвал его из земли. Да, это была работка! Недаром же у очкастого мальчика руки были в кровавых ссадинах. Мой пыл разом угас.

– Слушай, а зачем тебе это нужно? – спросил я.

– Ты же видишь, дорога заросла. – Он говорил, стоя на коленях, и цепкой выпалывал из земли какой-то корень. – Надо ее расчистить.

– А зачем? – упорствовал я.

– Ну как же!.. – У него был вежливый, мягкий и терпеливый голос. – Цветы и травы своими корнями разрушают дорогу. Раньше булыжник лежал к булыжнику, а теперь видишь какие щели!..

– Я не о том!.. Зачем надо, чтобы она не разрушалась?

Он осторожно, за дужку, снял очки, ему хотелось получше рассмотреть человека, задающего такие несуразные вопросы, а припылившиеся стекла только мешали. Его не защищенные очками глаза оказались в еле приметном красном обводе, будто кто-то провел по векам тончайшей кисточкой. Видимо, это он и называл так звучно: «конъюнктивит».

– Если дорога разрушается, она исчезнет, и никто не узнает даже, что тут была дорога.

– Ну и черт с ней, – сказал я раздраженно. – Она все равно никуда не ведет!

– Все дороги куда-нибудь ведут, – сказал он с кроткой убежденностью и, водворив очки назад, принялся за работу. – Посуди сам, разве стали бы ее строить, если бы она никуда не вела?

– Но раз ее забросили, значит, она не нужна?

Он задумался, чуть перекосив худенькое лицо, и даже перестал

выдергивать цветы и травинки, в его коричневых глазах появилась боль – так трудно вложить в чужую душу самые простые и очевидные истины!

– Разве мы знаем, почему дорогу забросили?.. А может быть, кто-то на другом конце тоже пробует ее расчистить? Кто-то идет мне навстречу, и мы встретимся. Нельзя дорогам зарастать, – сказал он твердо. – Я обязательно ее расчищу.

– У тебя не хватит сил.

– У меня одного – нет. Но кто-то идет мне навстречу и, может быть, прошел уже полпути...

– Далась тебе эта дорога!

– Дороги – это очень важно. Без дорог никто никогда не будет вместе.

Смутная догадка шевельнулась во мне:

– У тебя кто-нибудь уехал далеко?

Он ответил и отвернулся.

– Я буду тебе помогать! – неожиданно для себя самого вскричал я.

– Спасибо! – сказал он искренне, но без излишней горячности. – Приходи сюда завтра утром, сегодня уже поздно, пора домой.

– А где ты живешь?

– Там... – махнул он на чащу, поднялся, вытер ладони пучком травы, спрятал очки в карман, последний раз погрузил меня в доброту своих коричневых глаз и пошел прочь, перепачканный, усталый, тщедушный, непреклонный дорожный строитель, и вскоре скрылся за кустами жимолости.

На другой день ни свет ни заря я устремился в лес. Непролазный, походил не то на джунгли, не то на дно схлынувшего моря. Ночью шел дождь, он дал могучий прирост всей жизни в природе: вытянулись, ярче зазеленели осоты; свинушки так и перли из травы свежей прожельтью.

Я мчался сквозь ольшаник, сам мокрый с головы до пят, охваченный жгучим нетерпением и предвкушением встречи с мальчиком на заросшем булыжном шоссе, – его вера уже стала моей верой. Я был уверен, что без труда отыщу шоссе, ведь это так просто: все прямо и прямо сквозь ольшаник, березовый и осиновый редник в другой березовый лесок, забитый буреломом, и там обнажится чистая полоска синеватого и розового булыжника.

Я так и не нашел заброшенного шоссе. Все было похоже на вчерашнее: и деревья, и травы, и валежник, и репьевые заросли и розо-

вые свечи высоких цветов, но не было ни шоссе, ни мальчика с коричневыми глазами. До заката мыкался я по лесу, измученный, голодный, с иссеченными травой и сушиником ногами, но все было тщетно...

Мне никогда уже не попадалось ни заброшенное шоссе, ни проселка, ни даже стежки, что нуждались бы в моем спасающем труде. Но с годами я по-иному понял наставление мальчика. В моем сердце начиналось много дорог, ведущих к разным людям: и близким, и далеким, и к тем, о ком ни минуты нельзя забыть, и к почти забытым. Вот этим дорогам был я нужен, и я стал на вахту. Я не жалел ни труда, ни рук, я рвал напрочь чертополох, и крапиву, и всю прочую нечисть, не давал сорнякам глушить, разрушать их, превращать в ничто. Но если я преуспел в этом, то лишь потому, что всякий раз с другого конца дороги начиналось встречное движение. Лишь одну, самую важную дорогу не дано мне было спасти, быть может, потому, что никто не шевельнулся мне навстречу.

Вопросы к обсуждению:

1. Почему автор начал свой рассказ о деятельном мальчике с воспоминания о «Маленьком принце» Антуана де Сент-Экзюпери?

2. Чем мальчик, которого автор встретил в лесу, привлек его внимание, затронул душу и поразил?

3. Запомнили ли вы этого мальчика? Как он выглядел? Зачем ему были нужны очки?

4. Почему у мальчика руки были в кровавых ссадинах?

5. Зачем он расчищал заросшую дорогу? Какой смысл в этот труд он вкладывал?

6. Почему, по его мнению, нельзя допускать, чтобы дороги зарастали?

7. Разве один ребенок в силах расчистить дорогу? Почему он это делал?

8. Согласны ли вы с его мнением, что без дорог никто никогда не будет вместе? Как вы понимаете его суждение? А как сам автор понял это наставление мальчика?

9. Как взрослый человек соединил работу мальчика с потерянными им самим дорогами к своим друзьям, дорогами, которые надо расчищать?

10. Что значит «рвать чертополох» на пути к своим друзьям и по-

чему так важно, чтобы кто-то шел тебе навстречу? Что значит «спасающий труд»? Приходилось ли вам участвовать в таком труде или что-либо читать о нем? Расскажите.

Дополнительная литература по теме:

Богомолов В. «Иван»

Козлов В. «Президент каменного острова»

Гайдар А. «Тимур и его команда»

Нагибин Ю. «Мальчики»

Осеева В. «Васек Трубачев и его товарищи»

Яковлев Ю. «Рыцарь Вася»

Железников В. «Чудак из 6 "Б"»

Носов Н. «Тук-тук-тук: Рассказы»

Носов Н. «Витя Малеев в школе и дома»

Приемышов В. «Князь Андрей Удача»

Раздел 6

«ЧТО ЕСТЬ КРАСОТА?»

О теме

Идя по городу, я обратила внимание на рекламный щит, на котором огромными буквами было написано «Дарим красоту». Оказалось, что речь идет о рецептах косметического ухода за кожей лица, какие нам ежедневно «дарит» экран телевизора. Я шла и размышляла: что есть красота? На память пришло хрестоматийное стихотворение Николая Заболоцкого «Некрасивая девочка», в котором автор поставил тот же вопрос, закончив его словами: «Сосуд, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?». Утверждением внутреннего света в человеке, противостоящего пустоте, явилось само это стихотворение. Как бы вторя убеждению поэта, лучшие детские писатели XX века разделили его веру в душевную красоту человека и напомнили об этом читателю.

Красотой обычно считают совокупность черт личности, обуславливающих ее обаяние, заставляющих любоваться человеком, вызывающих восхищение, радующих не только глаз, но и сердце. В Толковом словаре Ушакова одним из толкований слова «красота» дается: «истина» и «доброта». Красив тот, кто соответствует этим качествам, кто одарен внутренним благородством. Человек, не замечающий душевной красоты, склонен ошибаться в людях, терять ориентир в их оценке. Важно, чтобы в литературе, как и в жизни, читатель с ранних лет замечал в облике человека отражение его душевного богатства, того жизненного смысла, который проявляется в чертах его внешности. Этот смысл и есть человечность, которой так не хватает в нашей жизни сегодня. Предлагаемые для обсуждения рассказы, отразившие в образной форме сущность красоты человека, помогут подросткам задуматься над этой темой.

Рекомендуем обсудить:

1. Драбкина А. «Волшебные яблоки»
2. Нагибин Ю. «Эхо»
3. Ибрагимбеков М. «Прощай "Миледи"!»
4. Яковлев Ю. «Игра в красавицу»
5. Суслов В. «Нагашка стала красивой»
6. Погодин Р. «Жаба»

О рассказе Аллы Драбкиной «Волшебные яблоки»

Видеть глазами и видеть сердцем – большая разница. Глаз видит то, что снаружи, а сердце – то, что внутри. Об этой разнице и повествует рассказ. Живут в одной квартире Люська, Лариса и Лешка. Ребята как ребята: играют вместе, рассказывают друг другу о виденном и слышанном. Но у Лешки и Ларисы это получается скучно и неинтересно, даже сны какие-то обычные, даже мечты будничные. Не то что у Люськи. Люська умеет фантазировать. И никто не уличит ее в неправде. Уж очень интересно у нее получается. А еще она умеет придумывать игры, которые никогда не повторяются... То это освобождение негров от рабства, то охота на тигров и удавов, то путешествия в незнакомые страны. Все, чего не коснется Люська, – оживает, превращается в необычное, из мертвого становится живым. Даже нарезанные яблоки дачной хозяйки обретают волшебные свойства, даже близкое Парголово становится волшебной страной, с которой не могут сравниться ни Черное море, куда ездила отдыхать Лариса, ни деревня, где провел лето Лешка. Только в Парголово есть солнечная веранда с волшебными яблоками, Волчанка, которая живет в чулане, и маленький народ, населяющий траву, – все, что окрашено чувством сердца Люськи. Неслучайно и в комнате Ларисы, и в комнате Лешки вечерами раздается «Хочу в Парголово! В Парголово!». Но дело конечно, не в Парголово – дело в Люське, в щедрости ее души, доступной всем. Об этой щедрости, противостоящей скуке детского прагматизма и корысти, о чем образно рассказала Алла Драбкина, и предстоит разговор с детьми.

Текст рассказа (с краткими сокращениями):

... *Они живут в очень большой квартире с длинным узким коридором, обилием всяких ниш и кладовок. Днем почти все жильцы на работе – и квартира принадлежит им троим, можно бегать, шуметь и скакать как хочешь; вечером, когда все возвращаются, можно забраться в одну из ниш и рассказывать всякие истории. Лариса любит страшное, Лешка – про войну, а Люська рассказывает опять ни про что.*

С приходом весны она начинает выдумывать, куда она поедет. Говорит, что их с мамой звали в Среднюю Азию, в гости, что там просто так растут персики и виноград, ползают умные черепахи и ходят хорошенькие ослики. Люська обещает привезти из Средней Азии целый чемодан черепах, чтобы растить и воспитывать их всей квартирой. Не только Лешка, но и Лариса загораются этой идеей и все спрашивают, купила ли Люська билет в Среднюю Азию.

Потом Люська меняет свое решение и собирается в тундру. В тундре живут шерстяные олени. Если у этих оленей отыскать ниточку и дернуть за нее, то всего оленя можно распустить, как старую варежку, и намотать на клубочек, а потом связать из него теплый свитер и шапочку с помпоном. Конечно же, она привезет всем по клубочку шерсти, чтобы связать одинаковые свитера и шапочки.

Но и в тундру Люська не едет.

Уже давно закончился учебный год, давно Ларисины родители заказали билеты на Черное море, а Лешкины – в деревню, только у Люськи нет никаких билетов, а маму до сих пор не пускают в отпуск.

– Ура! – говорит Лариса. – Я еду на Черное море. Уж я-то вдоволь посмотрю на этих твоих... как их там... дельфинов, наемся винограду, приеду вся загорелая, а волосы у меня выгорят и станут совсем как у блондинки... Уж тогда-то все упадут в обморок...

Люська молчит. Ей отвечать нечего. Но однажды... Это просто замечательный случай.

– Я познакомилась с Соломенным Человеком, – говорит она.

– Как это – с Соломенным?

– Очень просто. Он был весь из соломы. Шляпа из соломы, усы из соломы, брови... Был дождь, и с его усов капало, как с крыши. Я хотела мороженого, но денег у меня не было. Он купил мне мороженое и сказал: «Вот тебе соломинка, когда я тебе понадобится – сожги соломинку. Я приду и исполню твое желание. – И Люська правда показала соломинку.

– Ну, жги, – сказала Лариса.

Люська усмехнулась.

– Зачем? У меня еще нет настоящего желания. Когда придумаю – сожгу...

Так Лариса и укатила ни с чем на свое Черное море. Зато Люська с Лешкой долго играли в Соломенного Человека и в разные желания.

Они очень подружились за это время: вместе читали, ходили в

Таврический сад ловить тритонов. Ловили и тут же отпускали. Так Люська придумала, чтобы отпускать.

– Это ты думаешь, что они маленькие и слабые, – шептала она, – а вот увидишь – случится с тобой что-нибудь, и они тебе помогут. Они умные и все понимают.

Лешка слушал, раскрыв рот, и отпускал тритонов назад, в пруд...

– Я скоро уеду, – начинал было Лешка, но сразу же замолкал. Ему не хотелось дразнить Люську, ведь она уже даже перестала выдумывать про тундру и Среднюю Азию.

Хороший человек Лешка, с ним можно дружить. Каждый раз, умываясь на ночь из-под одного крана, они договариваются, что будут дружить всю жизнь. А чтобы это вышло верней, жмут друг другу руку, а потом разбивают. Люська говорит, что это просто необходимо для поддержания дружбы.

Иногда они, крепко взявшись за руки, кружатся в прихожей до полного изнеможения, а потом валяются в разные стороны и хохочут.

– Жалко, что ты не можешь поехать со мной в деревню, – говорит Лешка.

– Ничего, – утешает его Люська, – ты только обязательно привези мне маленького воробушка или лучше вороненка: его можно научить говорить...

– Мы назовем его Карл...

– Или Клара.

– Мы будем носить его с собой в школу...

– Ага. И научим подсказывать.

– Ну конечно, вороненок маленький, его никто не заметит...

– Ты обязательно привези вороненка...

Очень одиноко стало Люське, когда Лешка уехал. Конечно, можно было ходить в городской лагерь, но Люське там не понравилось. Мальчишки попались какие-то злые, только и норовят стукнуть. Давать сдачи Люська не умеет – приходится убежать, а кому это приятно?

Уж лучше быть одной.

Ходить, где вздумается, делать, что хочется. Только одной это, конечно, не так интересно, как с ребятами.

Но можно выдумать, что ты не одна. Зеленое махровое полотенце – ручной удав, его можно положить в старую мамину сумку и выпустить, если на тебя нападут злые пираты. Можно быть уверенной, что пиратам несдобровать...

Мама приходит только вечером, она смотрит на Люську виновато, и Люська сразу понимает, что нового ничего нет, и они все еще никуда не едут.

Но однажды...

– Мы едем в Парголово на дачу, – говорит мама...

К отъезду Люська начинает готовиться сразу же, как только просыпается, а просыпается она очень рано – еще даже солнце синее, а не желтое. Ведь надо же уложить вещи, чтобы не потерялись в дальней дороге, да не забыть все необходимое: сачок для ловли бабочек, альбом для гербария, цветные карандаши и зеленого удава, который, конечно, пригодится в этом далеком Парголово. Вещей получается очень много, и поэтому до вокзала они с мамой едут на такси.

– А там медведи есть? – спрашивает Люська по дороге.

– Должны быть... – отвечает мама.

– А тигры?

– Редко, но встречаются.

– А рыси?

– Ну, рысей-то там полно...

– Хорошо, что я захватила своего удава.

– А куда это вы едете? – спрашивает шофер такси.

– В Парголово, – отвечает мама.

Шофер почему-то долго смеется.

– Там кишит крокодилами, – отсмеявшись, говорит он.

– Глупые шутки, – фыркает Люська.

Потом они едут в электричке...

– Следующая остановка – наша, – говорит мама.

Люська чуть не заплакала от такой неожиданности: совсем рядом с Ленинградом! Но она вовремя вспомнила, что слезами она лишний раз огорчит маму.

Их дом находится недалеко от вокзала, на улице, которая так и называется – Вокзальная. Это беспокойная и тревожная улица, и дом тоже беспокойный и тревожный, с расшатанными, скрипучими половицами, между которыми огромные щели. Из щелей дуло. Там, наверно, жили мыши... Было даже странно, что из этих щелей не растет трава. Но что поделаешь, если поздним летом можно снять только такие дома, о выборе думать не приходится. Так говорила мама...

А Люське дом нравился. Нравилось, что он скрипит, что наверх ведет лестница, украшенная резьбой. Люське нравилось, что дом та-

кой большой, а кроме них с мамой и хозяйки в нем никого нет. Особенно ей нравилось просыпаться ночью от стука электрички за окном. Огни наплывали на комнату, переворачивали ее вверх дном и так, перевернутую и почему-то голубую, уносили с собой.

Люську укачивало постукивание колес и движение комнаты. Может, от этого снились такие чудесные и красивые сны?

...А еще в старом, осевшем доме была солнечная веранда. Проходить в свою комнату полагалось через эту веранду. Раньше, наверно, она стояла на высоком фундаменте, но теперь вросла в землю, съезжилась, стала маленькой и низкой.

И все же это была чудесная, светлая, солнечная веранда. Почти весь пол ее (свободным оставался только проход из комнату на улицу) был устлан свежими газетами, а на газетах сушились яблоки.

Старуха хозяйка резала их целыми днями. Яблоки были волшебные, их запрещалось есть, но яблочный запах стоял во всем доме, и Люська все чаще думала, что Парголово – это совсем не так плохо, как казалось сначала.

В старом чулане... жила Волчанка. Никто ее никогда не видел, но Люська была уверена, что она там живет, – это она по ночам скрипит половицами, гремит лейками и стучит по полу копытами. Люська пулей пролетала мимо чулана, боясь, что ее схватит когтистая лапа Волчанки.

Люська любила ходить в лес с мамой. В дальний, туда, куда никто не ходил. Но грибов и ягод они приносили мало, потому что все больше исследовали места, искали веселые полянки, заросшие вереском, на которых так хорошо лежать и глядеть в небо. В траве жили всякие разные звери, и, глядя на них, Люська думала, что она очень большая и сильная – прямо-таки великаниша по сравнению с ними. И еще она думала, что, наверно, на земле существует кто-то гораздо больший, чем она. Великан какой-нибудь, который может поступить с ней так, как она с этими букашками.

Подступила осень. Хотелось домой. В школу. Незадолго до первого сентября Люська с мамой вернулись в Ленинград.

Лариса и Лешка уже приехали...

...Вечером они собрались в темной нише коридора и стали делиться тем, кто как провел лето.

– Нету на море никаких дельфинов, – говорила Лариса. – Все ты, Люська, выдумала. Но зато какой пляж! Мы целый день валялись на песочке и пили лимонад. Лимонаду было – хоть завались. Потом мы

еще ходили на базар, там мне купили пуховую шапочку. Вот увидите – надену зимой, и все в обморок упадут.

Лешка отмалчивался. По его лицу мелькали отсветы каких-то воспоминаний, но он ничего не хотел рассказывать.

Потом начала рассказывать Люська.

Она рассказала и про солнечную веранду с волшебными яблоками, и про злую Волчанку, которая пищала по ночам в чулане, и про маленький народ, который жил в траве...

Потом Лариса предложила играть в королевы и на должность королевы назначила саму себя.

– Лучшие все будем королями и королевами, – сказала Люська.

– Нет, Лешка пусть будет король, а ты его служанкой, – предложила Лариса.

А Лешка сказал:

– Я лучше буду Александром Матросовым...

Игра получилась очень шумная, и родители, отвыкшие за лето от шума, скоро растащили ребят по комнатам.

А вечером Лешка валялся дома на диване и басил, как пароход в тумане:

– Куда вы меня послали! Ну, куда вы меня послали! Хочу в Парголово! В Парголово!

– В Парголово хочу, – тоненько подвывала ему из соседней комнаты Лариса.

Вопросы к обсуждению:

1. Какие чувства и мысли вызвал у вас этот рассказ? Поделитесь своими открытиями.

2. Какими душевными качествами обладает Люська? Что делает ее такой привлекательной? Почему к ней тянутся люди?

3. Чем сны, игры и рассказы Люськи отличаются от снов, игр и рассказов ее друзей?

4. Почему жизнь в Парголово, на беспокойной и неудобной привокзальной улице, казалась детям более заманчивой и интересной, чем на Черном море или в деревне?

5. Кто еще в рассказе обладает волшебством души? Интересна ли вам Лариса, мнящая себя Королевой? А что вы можете рассказать о Лешке и о Люськиной маме? Что они за люди?

6. Встречали ли вы других литературных героев, похожих на Люську? Есть ли такие в жизни? Расскажите о них.

7. Почему рассказ называется «Волшебные яблоки»? Разве яблоки были волшебные? Если «нет», то как объяснить название рассказа?

О рассказе Юрия Нагибина «Эхо»

Героиня этого рассказа, худая и ребристая Витька, живущая на берегу Черного моря, очень похожа на Люську. Она тоже способна реальное превращать в сказочное, обыкновенное – в волшебное, мертвое – в живое. Примером этому служит ее коллекция горного эха: есть у нее эхо звонкое, как стекло, есть как медная труба, есть трехголосое и многие другие. Никому из детей не удавалось собрать такую удивительную нематериальную коллекцию, которую можно подарить всякому, кто захочет. Перед этой коллекцией меркнут все вместе взятые коллекции Сережи, даже такая, как коллекция марок велосипедов. И еще одна особенность у Витьки: «безнадежно уродливая», она может превращаться в красавицу. Кажется, что ей и впрямь подвластно волшебство. Это просто ее доброта, красота души и щедрость сердца привлекают к ней. И еще способность не только ухом улавливать горное эхо, но и сердцем откликаться на зовы жизни. Стоит позавидовать всякому, кому выпало счастье быть рядом с таким человеком. Только жаль, что не всякий способен сберечь это счастье, как случилось с Сережей, с тем, кому она подарила коллекцию эха. Можно порадоваться, если наши сегодняшние дети смогут уловить душевную щедрость этого человека и согласиться с Сережиной мамой, что Витька, назвавшая себя «уродиной», очень красивая девочка.

.....

Текст рассказа (в сокращении):

Синегория, берег, пустынный в послеполуденный час, девочка, возникшая из моря... Этому без малого тридцать лет.

Я искал камешки на диком пляже. Накануне штормило. Сейчас море стихло, ушло в свои пределы, обнажив широкую полосу песка, отдаленную от берега валиком гальки. Я знал, что большая волна выносит на берег ценные камешки, и терпеливо, шаг за шагом обследовал песчаную отмель и свежий намыв гальки.

– Эй, чего на моих трусиках расселся? – раздался тоненький голос.

Я поднял глаза. Надо мной стояла голая девчонка, худая, ребристая, с тонкими руками и ногами. Длинные мокрые волосы облепили лицо. Девчонка нагнулась, вытащила из-под меня полосатые трусики, встряхнула и кинула на камни, а сама шлепнулась плашмя на косячок золотого песка и стала подгребать его к бокам.

– Одедась бы хоть... – проворчал я.

– Зачем? Так загорать лучше, – ответила девчонка.

– А тебе не стыдно?

– Мама говорит, у маленьких это не считается.

Среди темных шершавых камней что-то нежно блеснуло, крошечная чистая слезка. Я вынул из-за пазухи папиросную коробку и присоединил слезку к своей коллекции.

– Ну-ка, покажи!

Девчонка убрала за уши мокрые волосы и стала рассматривать камешки.

– Марки небось тоже собираешь?

– Ну, собираю, – ответил я с вызовом.

– А чего ты еще собираешь?

– Раньше у меня коллекция бабочек была...

Я думал, что ей это понравится, и мне почему-то хотелось, чтобы ей понравилось.

– Фу, гадость! Ты раздавливал им головки и накалывал булавками?

– Вовсе нет, я усыплял их эфиром. А знаешь, что я еще собирал? – сказал я, подумав. – Велосипеды разных марок.

– А ты ничего... – сказала девчонка и засмеялась большим ртом. – Я тебе скажу по секрету, я тоже собираю...

– Чего?

– Эхо... У меня уже много собрано. Есть эхо звонкое, как стекло, есть как медная труба, есть трехголосое, а есть горохом сыплется, еще есть...

– Ладно врать-то! – сердито перебил я.

Зеленые кошачьи глаза так и впились в меня.

– Хочешь, покажу?

– Ну, хочу...

– Так завтра с утра и пойдём. Ты где живешь? Давай купнемся напоследок!

Она вскочила, вся облепленная песком, и побежала к морю, сверкая розовыми пятками...

Утро было солнечное, безветренное, но не жаркое. Тропинка вначале петляла среди невысоких холмов, затем прямо и сильно тянула вверх. Мы отмахали уже немалую часть пути, когда я решил узнать имя моей приятельницы.

– Эй! – крикнул я желто-синим трусикам. – А как тебя зовут?

Девчонка остановилась, я поравнялся с ней.

– Не знаю даже, как тебе сказать, – задумчиво проговорила девчонка. – Имя у меня дурацкое – Викторина, а все зовут Витькой.

– Ну, Витька так Витька, а меня Сережа. Нам еще далеко?

Я устал и злился на Витьку. Она знай себе вышагивала своими тонкими, прямыми, как палки, ногами. Впереди вдруг просветлело, я увидел склон, поросший низкой бурой травой, вдалеке тянулась кверху серая скала.

– Чертов палец! – на ходу бросила Витька.

Мы подошли вплотную к Чертову пальцу, и Витька, понизив голос, сказала:

– Сережа!..

Я вздрогнул и невольно шагнул прочь от скалы, и тут навстречу мне, от моря, звонко плеснуло:

«Сережа!..».

Я замер, и где-то вверху томительно-горько простонало: «Сережа!».

– Вот черт!.. – сдавленным голосом произнес я.

«Вот черт!»... – прошепестело над ухом.

«Черт!» –дохнуло с моря.

«Черт!..» – отозвалось в выси.

В каждом из этих незримых пересмешиников чувствовался стойкий и жутковатый характер.

– Ну чего ты? Крикни что-нибудь! – сказала Витька. А в уши, перебивая ее голос, лезло шепотом: «Ну чего ты?», звонко с усмешкой: «Крикни», и как сквозь слезы: «Что-нибудь». С трудом пересилив себя, я крикнул:

– Синегория!..

И услышал трехголосый отклик...

Новое эхо – по слову Витьки, «звонкое, как стекло» – гнездилось в узком, будто надрез ножа, ущелье. У эха был тонкий, пронзительный голос.

Мы не стали задерживаться у расщелины и пошли дальше. Теперь нам пришлось карабкаться вверх по крутому склону. Наконец мы ока-

зались на уступе, заваленном огромными каменными глыбами. Тут обитало «гороховое» эхо.

Но самым удивительным было эхо, о котором Витька ничего не сказала мне. Мы не шли к нему, а ползли по круче, цепляясь за выступы, за лишайники, сухие кусточки. Витька остановилась у полукруглого темного провала, ведущего в глубь горы. Я заглянул туда и увидел сводчатую пещеру с длинными бородами каменных сосулук.

– Здравствуй! – крикнула Витька, сунув голову в дыру. И будто заухали, сталкиваясь, пустые бочки, под сводом тяжело отдавалось «бом», словно сама гора испускала дух.

С почтительным изумлением глядел я на Витьку. Худая, крапчатая, с трепаными сивыми волосами, острыми клычками в углах губ, с зелеными блестящими глазами, она сама казалась сейчас такой же сказочной, как и сокровенный мир, в который она ввела меня.

– А ну, крикни! – приказала Витька.

Я наклонился и «ахнул» в маленький черный рот горы. И опять там заухало, заверещало, а затем дохнуло мне в лицо нездешним, гнилостным холодом. Ужасное одиночество охватило вдруг меня посреди этого каменистого мира, населенного загадочными, дикими голосами.

– Пойдем, – сказал я Витьке, выдавая свое смятение. – Пойдем отсюда!..

Дальнейший наш путь я воспринимал, как бесконечное падение вниз... Наше падение оборвалось в сухой балке, огибавший поселок со стороны гор.

– Ну что, интересно было? – спросила Витька, когда мы ступили на нашу улицу.

Я вновь чувствовал себя в безмятежной привычности, и Витька уже не казалась мне сказочной хозяйкой горных духов. Просто карзубая, костлявая, некрасивая девчонка. И перед этой девчонкой я праздновал труса!

– Интересно, – сказал я лениво. – Только какая же это коллекция?

– А тебе лишь бы в коробку да за пазуху?..

– Нет, отчего же... А только эхо каждому откликается, не тебе одной.

Витька как-то странно, долго посмотрела на меня.

– Ну и что же, мне не жалко! – сказала она, тряхнув волосами, и пошла к своему дому...

Мы подружились с Витькой. Мы почти не расставались. Я при-

вык к тому, что Витька купается голая, она была добрым малым, товарищем, и я совсем не видел в ней девчонки. Витька считала себя безнадежной уродиной. Рассказывая мне как-то раз об одной школьной подруге, Витька бросила вскользь: «Она почти такая же уродина, как я...».

Однажды мы купались неподалеку от рыбацкой пристани, когда с высокого берега посыпала ватага мальчишек. Коноводом у них был высокий, сильный мальчик Игорь.

Я уже вышел из моря и, стоя на берегу, вытирался полотенцем, а Витька продолжала резвиться в воде. Ее маленькие ягодицы сверкали. Ребята уже хотели пройти мимо, как вдруг один из них заметил Витьку.

– Ребята, смотрите, голая девчонка!

Тут пошла потеха: крики, свист, улюлюканье. Надо отдать должное Витьке: она не обращала внимания на выходы мальчишек, но это лишь подливало масла в огонь. Подошел Игорь и уселся на песке у самой кромки берега. Остальные последовали его примеру. Они цепочкой отрезали Витьку от берега, одежды и полотенца.

Витька долго испытывала их терпение. Она то уплывала далеко в море, то возвращалась назад, ныряла, барахталась в воде, затем сидела на подводном камне, накатывая на себя руками волны. Но холод, наконец, взял свое.

– Сережа! – крикнула Витька. – Дай мне трусики!

Все это время я, сам того не замечая, вытирался полотенцем. Надраенная кожа горела, словно от ожога. В жалкой унижительной растерянности, владевшей мной, билось лишь одно отчетливое желание: только бы остаться не причастным к Витькиному позору.

– Сережа, подай своей даме трусики! – шутовским голосом пропихнул мальчишка в красных плавках.

Повернувшись на локте, Игорь сказал мне с угрозой:

– Попробуй только!..

Напрасное предупреждение: я и так бы не двинулся с места. Витька поняла, что ей нечего ждать помощи. Жалко скорчившись, вылезла она из воды и бочком побежала к своим трусикам под хохот и свист мальчишек.

Прыгая на одной ноге, она кое-как оделась, подхватила с земли полотенце и побежала прочь. Вдруг она обернулась и крикнула мне:

– Трус!.. Трус!.. Жалкий трус!..

Не знаю, был ли то каприз жожака, не желающего идти на пово-

ду у стаи, или что-то заинтересовало Игоря в Витьке, но только он вдруг спросил меня дружелюбно и доверчиво:

– Слушай, она что – чумовая?

– Конечно, чумовая! – подался я весь навстречу этой доброте.

– А чего ты с ней водишься?

Желая выгородить себя, я сказал:

– С ней интересно, она эхо собирает.

– Чего? – удивился Игорь.

– Хотите, покажу?

– Все! – властно сказал Игорь. – Завтра поведешь нас туда!..

И вот снова вьется под ногой теперь уже знакомая тропка. Идти трудно. Наконец из облачной мути вновь выдвинулся Чертов палец и преградил нам дорогу.

– Ну, подавай свои чудеса в решете, – без улыбки сказал Игорь.

– Слушайте! – произнес я торжественно, сложил ладони рупором и закричал:

– Ого-го!

В ответ – тишина, ни зловеще-вкрадчивого шепота, ни хохочущего всплеска с моря, ни жалобы в выси.

Чертов палец молчал. Мы кричали еще и еще, и хоть бы малейший отзвук! Тогда я кинулся к пропасти – ребята за мной – и что было мочи заорал в клубящуюся глубь. Но и великан не отозвался. Горы безмолвствовали... Игорь разжал губы, чтобы сказать одно только слово:

– Трепач!

И, круто повернувшись, он пошел прочь, увлекая за собой всю ватагу. Я плелся позади, тщетно пытаюсь понять, что же произошло. Неужели горы отзываются только на Витькин голос? Но когда мы были вместе, горы послушно откликались и мне.

Наступили печальные дни. Витьку я потерял, и даже мама осудила меня. Когда я рассказал ей загадочную историю с эхом, мама смерила меня долгим, чуждым, изучающим взглядом и сказала невесело:

– Все очень просто: горы отзываются только чистым и честным...

Ее слова открыли мне многое, но не загадку горного эха.

Несколько раз я мельком видел Витьку. Раз я повстречал ее на базаре. Я смотрел на нее и с болью чувствовал, что потерял хорошего друга.

Утром, в первый солнечный день, я бродил по саду, когда кто-то

окликнул меня. У калитки стояла девочка в белой кофточке с синим матросским воротником и синей юбке. Это была Витька, но я не сразу ее узнал. Я бросился к ней.

– Слушай, мы уезжаем, – сказала Витька.

– Почему?

– Маме тут надоело.... Вот что, я хочу оставить тебе свою коллекцию. Мне она все равно ни к чему, а ты покажешь ребятам и помирись с ними. Ты догадался, почему у вас ничего не вышло? Самое главное – это с какого места кричать...

– Витька! – начал я покаянно.

– Я побегу, а то автобус уйдет...

У калитки стояла моя мама и долгим, пристальным взглядом глядела вслед Витьке.

– Кто это? – как-то радостно спросила мама. – Какое прелестное существо!

– Да нет, это Витька!

– Какая чудесная девочка! Этот вздернутый нос, пепельные волосы, удивительные глаза, точеная фигурка...

– Ну что ты, мама! – вскричал я, огорченный странным ее ослеплением, оно казалось мне чем-то обидным для Витьки. Ты бы видела ее рот...

– Прекрасный большой рот!.. Ты ровным счетом ничего не понимаешь!

Мама пошла к дому, я несколько секунд смотрел ей в спину, потом сорвался и кинулся к автобусной станции. Автобус еще не ушел. Я сразу увидел Витьку с той стороны, где не открывались окна. Витька тоже увидела меня и ухватилась за поручни рамы, чтобы открыть окна. Автобус взревел мотором и медленно пополз по немощенной дороге. Я пошел рядом. Витька рванула поручни, и рама пошла вниз.

– Слушай, Витька, – быстро заговорил я, – мама сказала, что ты красивая! У тебя красивые волосы, глаза, рот, нос... – Автобус прибавил скорость, я побежал, – руки, ноги, правда же, Витька!

Витька только улыбнулась своим большим ртом, радостно, доверчиво, преданно, открыв в этой большой улыбке всю свою хорошую душу, и тут я своими глазами увидел, что Витька и верно самая красивая девчонка на свете.

Тяжело оседая, автобус въехал на деревянный мосток через ручей, границу Синегории. В окошке снова появилась Витькина голова с трепещущими на ветру пепельными волосами и острый загорелый

локоть. Витька сделала мне знак и с силой швырнула через ручей серебряную монетку. Была такая примета: если кинешь тут монетку, когда-нибудь непременно вернешься назад...

Мне хотелось, чтобы скорее пришел день нашего отъезда. Тогда я тоже брошу монетку, и мы снова встретимся с Витькой.

Но этому не суждено было сбыться. Когда через месяц мы уезжали из Синегории, я забыл бросить монетку.

Вопросы к обсуждению:

1. Почему встречу с этой девчонкой Сережа не может забыть всю жизнь? Что она за человек? Какие душевные качества ей присущи? Что отличало ее от Сережи?

2. Почему именно ей оказалось подвластным горное эхо? Почему оно не откликнулось на голос Сережи, пожелавшего продемонстрировать его перед мальчишками?

3. Как понимала смысл коллекционирования Витька и как – Сережа? Чем принципиально отличались их коллекции? Чья позиция вам ближе?

4. Почему такие разные люди, как Сережа и Витька, подружились, и почему их дружба оказалась недолговечной?

5. Как вы относитесь к желанию Сережи остаться непричастным к Витькиному «позору»? Права ли была Витька, назвав его трусом?

6. Как вы понимаете слова Сережиной мамы: горы отзываются только чистым и честным?

7. Как можно объяснить, что «карзубая, костлявая, некрасивая» девчонка превратилась в памяти Сережи «в самую красивую девчонку на свете»?

8. О ком еще в рассказе или в реальной жизни можно сказать «красивый человек»? В чем состоит его красота? Какие качества души его отличают от других людей?

О рассказе Максуда Ибрагимбекова «Прощай, “Миледи”!»

Если в рассказе Нагибина некрасивая девчонка в силу своих душевных качеств превращается в красивую, то в рассказе Ибрагимбекова мы встречаемся с обратной трансформацией: красавица Саидка, подобная Констанции Бонасье, возлюбленной д'Артаньяна, превращается в Миледи – отвратительного и злого человека. Перед нами противоречие – внешняя красота девочки, очаровавшая не только сверстников, но и дедушку Джебраила, по мере знакомства с ней блекнет. Не подкрепленная красотой души она превращается в свою противоположность. Это рассказ особенно важен для юных читателей, которые часто гонятся за внешней красотой, полагая, что именно этим сделают себя привлекательными.

Рассказ говорит, что любовь к человеку лишь при первом знакомстве может быть спровоцирована красивой внешностью, но стоит узнать человека поближе, как на первый план выступает красота души. Процесс распознавания Человека в человеке через отношение к раненой собаке – такова сюжетная канва рассказа. Через эту канву показано духовное взросление подростков, когда они перестают доверять своим глазам, и начинают прислушиваться к сердцу. И даже через много лет, вспоминая свои «мушкетерские» годы, бывшие соседские мальчишки, теперь уже взрослые люди, все как один называли Саиду «Миледи».

Текст рассказа (в сокращении):

***В** это лето все читали «Трех мушкетеров». Собственно говоря, о том, что такая книга существует, узнали не сразу. Сперва был фильм в кинотеатре. Потом пришел дядя Джебраил и сказал, что есть такая книга – «Три мушкетера» – и что ее написал французский писатель Дюма.*

Дядя Джебраил считал себя крупным спортивным деятелем, потому что преподавал в Институте физкультуры. Спорт он пропагандировал всеми возможными способами. Мы все тогда только и мечтали, что станем боксерами или футболистами. Но это все было до того, как дядя Джебраил принес старую потрепанную книжку и сказал, что фильм сняли почти по этой книге и что, конечно же, кни-

га ни в какое сравнение не идет с фильмом. Мы сначала подумали, что ему больше понравился фильм, а когда поняли, что все наоборот, начали немедленно читать эту книгу. Мы ее сначала прочитали вслух, а потом еще раз по очереди – каждый про себя. Мы прочли ее очень быстро, и с тех пор я больше всего завидую людям, которые в первый раз читают эту книгу.

Никто не хотел больше стать летчиком, пожарным или боксером. Все ушли в мушкетеры. Мушкетеры были самые обыкновенные – с пистолетами и шпагами, в шляпах, украшенных страусовыми перьями. Если сказать по-честному, то перья эти становились страусовыми на наших шляпах, до этого они мирно росли на индюках и индюшках Ляфруз ханум. Птицы безропотно переносили расставание со своим имуществом. Чего нельзя будет сказать про Ляфруз ханум.

Экипировка каждого новобранца-мушкетера сопровождалась такими криками, что со стороны могло показаться, что перья эти вырывают у самой Ляфруз ханум или у ее каких-то очень близких родственников. Она проклинала и нас, и почему-то наших родителей. Больше всего в таких случаях доставалось Богу.

А вообще, конечно, она зря ругала Бога. Он очень хорошо относился к ней и к ее семье. Они были самые богатые люди у нас во дворе. Они жили лучше, чем любой наш сосед не только во дворе, а даже и на улице.

Впрочем, нам тогда было не до Ляфруз ханум – мы играли в мушкетеров. Вернее, мы не играли, а были мушкетерами. Теперь у нас во дворе не дрались просто так, а обязательно вызывали друг друга на дуэль. Это же очень здорово – быть мушкетером. Самая лучшая профессия на свете. Тогда мы все были влюблены в королеву Франции – Анну Австрийскую.

В этот день должна была состояться очередная дуэль в ее честь; наши противники из дома № 151 уже обнажили шпаги, и секунданты уже дали было знаки приступить к бою, когда Ляфруз ханум учинила свой очередной скандал по поводу страусовых перьев. Индюшки равнодушно смотрели на Ляфруз ханум, как будто весь этот шум не имел к ним никакого отношения, ну и мы тоже помалкивали.

Ляфруз ханум кричала громким голосом, а мы стояли, слушали и ждали, когда она кончит. И вдруг она замолчала. Во дворе сразу наступила тишина, и в этой тишине мы услышали странные чмокающие звуки – Ляфруз ханум целовала свою дочку, которая только что

вернулась с дачи. Дочку Ляфруз ханум звали Саида. Она вырвалась из объятий матери и теперь поправляла бант на голове.

– Все волосы растрепала! – тоненьким голосом сказала она матери.

А Ляфруз ханум смотрела на нее влюбленными глазами. Мы стояли. Смотрели и не узнавали Саидку. Прошло полтора месяца всего, мы даже не заметили, как оно пролетело, это время, а Саидка здорово изменилась. Красивая стала. Очень красивая! Прямо в глаза всем бросилось, какая Саидка загорелая и красивая. Мы все стояли и смотрели на нее молча. И она молчала.

– Ты с ними не играй! – сказала Ляфруз ханум. – Они нехорошие, мучают наших индюшек.

– Буду играть! – сказала Саида и надула губы.

Они ушли в дом, а мы смотрели им вслед и думали: какая Саида стала красивая. Мы об этом подумали все разом, думали несколько часов подряд, и вечером того же дня окончательно в нее влюбились. Мы даже к Ляфруз ханум начали относиться чуточку лучше, а о том, чтобы выдрать ее индюшке перо, – об этом теперь никто и не помышлял. И всем новичкам из-за отсутствия страусовых перьев пришлось поступать не в мушкетеры, а в простые гвардейцы.

Мы сели и написали все вместе Саидке письмо, в котором рассказали ей, как мы все ее любим. Мы ее и вправду очень любили. Она как две капли воды была похожа на возлюбленную д'Артаньяна Констанцию Бонасье. По-моему, Саидке все это очень нравилось, и она даже слегка заважничала. Она с утра до вечера теперь играла с нами. Она была госпожой Бонасье, а мы каждый день из-за нее дрались и умирали в парадной нашего дома. Ляфруз ханум теперь относилась к нам гораздо лучше, и вообще теперь она скандалила реже.

Помню, в этот вечер дядя Джебраил вернулся из Тбилиси, где проходил матч трех республик. Он сидел и рассказывал о матче. Дядя Джебраил сказал, что он уверен, что кто-нибудь из нас впоследствии станет чемпионом или рекордсменом мира. И я очень рад сейчас, что дядя Джебраил так и не узнал, как он в нас здорово ошибся. Он сказал, что спорт – занятие благородных людей, и только хотел сказать что-то о вреде курения в нашем возрасте, когда появилась Саида. Наверное, дядя Джебраил тоже сразу увидел, что Саидка очень похожа на Констанцию Бонасье. Во всяком случае, он поздоровался с нею очень приветливо. Мы сказали Саидке:

– Это дядя Джебраил.

А дядя Джебраил сказал:

– Друзья моих друзей – мои друзья.

Мы потеснились и уступили ей место на ступеньке. Она села прямо напротив дяди Джебраила, и теперь казалось, что он рассказывает только для нее, а мы не в счет.

Это всегда так: стоит Саидке появиться, как все начинают с ней носиться. И дома все для Саиды, и везде. Но нам это было приятно, потому что мы все в нее были влюблены...

Мы сидели и слушали дядю Джебраила. Он рассказывал очень интересные вещи, когда вдруг на улице раздался скрежет тормозов и крики. Мы все бросились на улицу и прямо перед нашими воротами увидели машину, которая стояла, развернувшись боком к движению, а вокруг машины – толпу. Ну, мы, конечно, сразу растолкали всех, пробрались к машине и увидели, что под ней лежит собака, здоровая черная собака, и хрипит... И никто не знает, что делать... Кто-то сказал, что собаку надо застрелить, чтобы зря не мучилась.

Собака лежала под машиной и хрипела, а потом и хрипеть перестала. Тут шофер, который ходил вокруг машины, сказал, что ему надо ехать по делам, сел в машину и уехал, а собака осталась посреди улицы. И постепенно все начали расходиться, и из окон перестали смотреть. Мы оттащили собаку на тротуар, чтобы еще раз не переехала ее какая-нибудь машина, и стали думать, что с этой собакой делать. Все начали спорить о том, есть ли собачье кладбище или нет, когда собака вдруг открыла глаза. А мы-то думали, что она дохлая.

Она смотрела на нас очень серьезно, как будто хотела что-то спросить. Может быть, ей было интересно узнать, что же произошло после того, как она на какую-то секунду, перебегая улицу, столкнулась с машиной. Она не визжала и не скулила, лежала и смотрела на нас. Задумчиво как-то смотрела. Мы взяли эту собаку и перетащили во двор. Мы, когда несли, все боялись, что она может укусить, не со зла, а так, от боли, ведь у нее были перебиты все кости, но она никого не укусила, только тяжело дышала, и всё.

Саидка шла сзади и говорила, что нам попадет всем дома, потому что мы с ног до головы перепачкались в крови. Мы собаку уложили в подвале и до поздней ночи провозились с ней, а дома нам всем и вправду здорово влетело.

Утром, только-только рассвело, мы прибежали в подвал, боялись, что она издохла. Собака еле дышала, но была жива. Мы помазали ей

раны стрептоцидовой мазью, а потом, кто учился в первую смену, ушли в школу, а остальные остались в подвале.

После школы мы пошли в ветеринарную лечебницу и попросили, чтобы нашу собаку осмотрел врач. Один врач в очках – он очень похож на доктора Айболита – взял с собой чемоданчик и пошел с нами. Мы с ним спустились в подвал и подвели его к собаке. Он осмотрел собаку и сказал, что удивляется, как это она до сих пор жива. Он сказал, что очень сомневается, что эта собака выживет, а если выживет, то это просто будет чудо. На прощание он сказал нам, что если собака в ближайшие два-три дня не издохнет, то пусть кто-нибудь из нас ему об этом сообщит, он придет еще раз...

Она не сдохла в эти три дня. Через три дня собака уже поднимала голову, когда кто-нибудь из нас входил в подвал, и пробовала даже махнуть хвостом при этом. Три раза в день мы мазали ей раны лекарством, которое нам оставил доктор. На третий день пришел врач и страшно удивился, что наша собака осталась в живых. Он сказал, что мы молодцы и что теперь эта собака уже точно выживет.

Мы спросили у Саидки, как она хочет, чтобы мы назвали нашу собаку. Саидка сказала, что ей все равно, потому что эта собака противная: от нее плохо пахнет и у нее, наверное, есть клещи. И вообще она ее видеть не может. От собаки, вернее от лекарств, которыми мы ее мазали, действительно пахло не очень хорошо, и клещи у нее, кажется, были, но собака же в этом не виновата. Мы сказали Саидке, что искупаем собаку, как только она встанет на ноги, но Саидка ничего не ответила, вид у нее был недовольный. Дядя Джебраил внимательно посмотрел на нее, но ничего не сказал.

Так мы и не придумали кличку нашей собаке. Потом мы, как обычно, начали играть в мушкетеров, и, как всегда, Саидка была Констанцией Бонасье, а мы все по очереди в этот вечер были д'Артаньянами, и каждый из нас по очереди из-за нее побеждал всех.

Прошло еще полмесяца, и собака уже начала ходить. Она уже ела и мясо, и хлеб, а завидев нас, сразу начинала махать хвостом, и по всему было видно, что она нам очень рада. Это была большая черная собака, и ни у кого из ребят на нашей улице не было такой собаки.

Мы все уговаривали Саидку спуститься как-нибудь с нами в подвал, но она ни за что не соглашалась – она боялась там испачкаться.

И вот наконец наступил день, когда собака сама, без нашей помощи, поднялась по лестнице из подвала. Она шла по двору и жмурилась от яркого солнца, и мы все шли за ней и радовались. Соба-

ка слегка прихрамывала, но дядя Джебраил сказал, что это скоро пройдет и недельки через две мы возьмем нашу собаку на пляж. Он хотел еще что-то сказать, но в это время собака вошла в раскрытую дверь квартиры Ляфруз ханум, а там, в коридоре за столом сидела и завтракала Саидка. Собака подошла к ней и лизнула ей ногу, а мы стояли у дверей и смотрели, как наша собака знакомится с Саидкой.

– Мама, – сказала плачущим голосом Саидка, – эта противная собака всю меня облизала!

Из комнаты вышла Ляфруз ханум. В руках у нее была палка. И, прежде чем мы успели что-нибудь сказать, Ляфруз ханум ударила этой палкой собаку. Ударила два раза, и не особенно уж сильно. Собака вышла из их квартиры и пошла к подвалу, а Ляфруз ханум кричала ей вслед, что вот только ей не хватало, чтобы в ее квартиру приходили собаки, что всего она в этом дворе повидала, только этого не видела. Саидка тоже что-то говорила, но мы уже не слышали, мы побежали в подвал... Вечером собака издохла...

С этого дня все во дворе, даже те, кто не читал «Трех мушкетеров», называли Саидку «Миледи». И даже много лет спустя, когда умер дядя Джебраил, когда все мы стали взрослыми и разъехались из нашего двора, когда уже снесли дом, в котором выросли «мушкетеры», Саидка осталась для всех «Миледи».

Вопросы к обсуждению:

1. Какое отношение роман французского писателя Дюма «Три мушкетера» имеет к рассказу «Прощай, "Миледи"!». Читали ли вы этот роман? Расскажите о ваших впечатлениях.

2. Как вы думаете: почему герои рассказа завидуют людям, которые в первый раз читают роман Дюма?

3. Игра мальчишек в мушкетеров, как она отразилась на их взаимоотношениях с соседкой Ляфруз ханум и ее дочерью?

4. Как вы понимаете слова: «Мы не играли, а были мушкетерами»? Почему им казалось, что лучшей профессии нет на свете?

5. Как и почему изменились отношения с Ляфруз ханум, когда приехала ее дочь Саида?

6. Чем она очаровала «мушкетеров»? С кем и почему они стали ее сравнивать? В чем проявлялась их любовь к ней?

7. Как проявили себя мушкетеры и Саидка по отношению к раненой собаке?

8. Как объяснить, что красавица Саидка превратилась в сознании мушкетеров в злую Миледи? Разделяете ли вы их мнение по поводу поведения девочки? Какими чертами характера она обладала? Почему красота ее лица перестала волновать и мальчишек, и дядю Джебраила?

9. Какое чувство вызвала у вас эта девочка? Как вы думаете, почему она выросла такой злой?

10. Знакомы ли вам подобные примеры в жизни?

О рассказе Юрия Яковлева «Игра в красавицу»

Рассказ написан от имени мальчишек, которые любили проводить время вместе во дворе своего дома. Среди них была и заводила Нинка. Среди разных игр они особенно любили играть в игру собственного изобретения. Они называли ее «Игра в красавицу». Все они были в том возрасте, когда красавицей считали хорошего человека, а какая у него внешность, это их не волновало. Они не замечали в ту пору ни веснушек, ни широкого приплюснутого носа подружки, ни шаркающей ее походки. Они старались, чтобы именно ей, согласно правилам игры, доставались черты настоящей сказочной красавицы: лебяжья шея, коралловые губы, золотые кудри, жемчужные зубы и другие признаки подлинной женской красоты, вычитанной ими из книжек. В их представлениях более красивой девчонки, чем Нинка, не было на свете. И Нинка к этой роли привыкла. Но ее уверенность в себе была уничтожена новеньким мальчиком, который прямо ей сказал, что она некрасива, и предложил ей посмотретья почаще в зеркало. Рухнула не только детская игра в красавицу, но и вера Нинки в саму себя. Игра в красавицу без Нинки потеряла для мальчишек смысл, а сама Нинка поняла, что придуманная «красавица» не имеет к ней никакого отношения. Теперь эту игру она перенесла на свою маму, которая, как и любая мама, не бывает в сознании детей некрасивой. Вместе с игрой «в красавицу» Нинка дарила маме свою любовь.

Заканчивается рассказ сообщением о том, что Нинка ушла на фронт санитаркой и погибла в 1942 году. В памяти друзей она так и осталась красавицей, такой, какой они поклонялись в детстве. Настоящая красота помогает жить другим, даря веру в подлинную человечность.

Текст рассказа:

... Мы любили свой двор. В нем никогда не было скучно. К тому же мы знали множество игр. Эти игры оставили нам в наследство старшие ребята. Но были у нас игры и собственного изобретения. Например, игра в красавицу. Неизвестно, кто придумал эту игру, но она всем пришлась по вкусу. И когда наша честная компания собиралась под старым тополем, кто-нибудь обязательно предлагал:

– Сыграем в красавицу?

Все становились в круг, и слова считалочки начинали перебегать с одного на другого:

– Эна, бена, рес...

Эти слова из какого-то таинственного языка были для нас привычными:

– Квинтер, контер, жес.

Мы почему-то любили, когда водила Нинка из седьмой квартиры, и старались, чтобы считалочка кончилась на ней. Она опускала глаза и разглаживала руками платье. Она заранее знала, что ей придется выходить на круг и быть красавицей.

Теперь мы вспоминаем, что Нинка из седьмой квартиры была на редкость некрасивой: у нее был широкий приплюснутый нос и большие грубые губы, вокруг которых хлебными крошками рассыпались веснушки. Лоб – тоже в хлебных крошках. Бесцветные глаза. Прямые жидкие волосы. Ходила она, шаркая ногами, животом вперед. Но мы этого не замечали. Мы пребывали в том возрасте, когда красивым считался хороший человек, а некрасивым – дрянной. Нинка из седьмой квартиры была стоящей девчонкой – мы выбирали красавицей ее.

Когда она выходила на середину круга, по правилам игры, мы начинали «любоваться» – каждый из нас пускал в ход вычитанные в книгах слова.

– У нее лебединая шея, – говорил один.

– Не лебединая, а лебяжья, – поправлял другой и подхватывал:

– У нее коралловые губы...

– У нее золотые кудри.

– У нее глаза синие, как ... как...

– Вечно ты забываешь! Синие – как море.

Нинка расцветала. Ее бледное лицо покрывалось теплым румянцем, она подбирала живот и кокетливо отставляла ногу в сторону. Наши слова превращались в зеркало, в котором Нинка видела себя красавицей.

- У нее атласная кожа.*
- У нее соболиные брови.*
- У нее зубы... зубы...*
- Что зубы? Жемчужные зубы!*

Нам самим начинало казаться, что у нее все лебяжье, коралловое, жемчужное. И красивее нашей Нинки нет.

Когда запас нашего красноречия иссякал, Нинка принималась что-нибудь рассказывать.

– Вчера я купалась в теплом море, – говорила Нинка, поеживаясь от холодного осеннего ветра. – Поздно вечером в темноте море светилось. И я светилась. Я была рыбой... Нет, не рыбой – русалкой.

Не рассказывать же красавице, как она чистила картошку, или зубрила формулы, или помогала матери стирать.

- Рядом со мной кувыркались дельфины. Они тоже светились.*

Тут кто-нибудь не выдерживал:

- Не может быть!*

Нинка протягивала ему руку:

- Понюхай, чем пахнет?*

- Мылом.*

Она качала головой:

- Морем! Лизни – рука соленая.*

Стояли мытные влажные сумерки, и было непонятно, идет дождь или нет. Только на стекле возникали и лопались пузырьки. Но мы чувствовали близость несуществующего моря – теплого, светящегося. Соленого.

Так мы играли.

Лил дождь – устраивались в подворотне. Темнело – толпились под фонарем. Даже самые крепкие морозы не могли нас выжить со двора.

Как-то в наш дом переехали новые жильцы. И во дворе появился новенький. Он был рослый и слегка сутулился, словно хотел казаться ниже ростом. На щеке у него проступало крупное продолговатое родимое пятно. Он стеснялся этого пятна и поворачивался к нам другой щекой. У него был нос с горбинкой и большие – прямо-таки девичьи – ресницы. Ресниц он тоже стеснялся.

Новенький держался в стороне. Мы его подозвали и предложили сыграть с нами в красавицу. Он не знал в чем дело и согласился. Мы переглянулись и выбрали красавицей... его. Едва заговорили про лебяжью шею и коралловые губы, как он густо покраснел и выбежал из круга.

Мы посмеялись и крикнули вдогонку:

– Сыграем и без тебя!

Но когда снова встали в круг, Нинка неожиданно попятилась:

– Я тоже не буду...

Мы взорвались:

– Что за новости? Почему ты не будешь?

– Так. – Нинка отошла от нас.

И сразу расхотелось играть. Мы заскучали. А Нинка приблизилась к новенькому и сказала:

– Когда играют в красавицу, всегда выбирают меня.

– Тебя? Почему тебя? – удивился новенький. – Разве ты красивая?

Мы не стали с ним спорить. Мы посмеялись над ним. А у Нинки вытянулось лицо, хлебные крошки у рта и на лбу стали еще заметнее.

– А меня выбирают.

– Очень глупо, – сказал новенький. – И вообще ваши детские игры меня не интересуют.

– Конечно. – Нинка почему-то сразу согласилась с ним.

С появлением новенького с ней вообще стало твориться что-то странное. Она, например, ходила за ним по улице. Шла тихо, по другой стороне, чтобы никто не заметил, что она идет за ним. Но мы, конечно, заметили и решили, что Нинка спятлила или во что-то играет. Например, в следопыта. Он заходил в булочную – она стояла напротив и не отрывала глаз от стеклянных дверей. Она и утром поджидала его у подъезда и шла за ним до школы.

Новенький не сразу сообразил, что Нинка из седьмой квартиры ходит за ним как тень. А когда обнаружил это, очень рассердился.

– Не смей ходить! – крикнул он Нинке.

Она ничего не ответила. Побледнела и пошла прочь. А он крикнул ей вдогонку:

– Ты бы лучше посмотрела на себя в зеркало!

Он приказал ей посмотреться в зеркало. Нас не интересовало, какие у нас носы, рты, подбородки, куда торчат волосы, где вскочил прыщ. И Нинка знала только то зеркало, которым были для нее мы, когда играли в красавицу. Она верила нам. Этот тип с родимым

пятном на щеке разбил наше зеркало. И вместо живого, веселого, доброго появилось холодное, гадкое, злое. Нинка в первый раз в жизни пристально взглянула в него – зеркало убило красавицу. Каждый раз, когда она подходила к зеркалу, что-то умирало в ней. Пропали лебяжья шея, коралловые губы, глаза. Синие, как море.

Но мы тогда не понимали этого. Мы ломали себе голову: что это с ней? Мы не узнавали свою подружку. Она стала чужой и непонятной. Мы сторонились ее. Она и не стремилась к нам, молча проходила мимо. А когда ей встречался новенький с большим родимым пятном на щеке, она убегала прочь.

В тот вечер был сильный дождь, дул сверлящий ветер. Мы крепнулись, жались в подворотне, не хотели расходиться по домам. А Нинка из седьмой квартиры стояла под окном новенького. Зачем ей понадобилось стоять под его окном?

Мы увидели, как к Нинке подошла ее мать. Она долго уговаривала Нинку уйти. Наконец ей удалось увести девочку из-под дождя в подъезд.

Нинкина мать повернула лицо к свету, и мы услышали, как она сказала:

– Посмотри на меня. Я красивая?

Нинка удивленно посмотрела на мать и, конечно, ничего не увидела. Разве мать может быть красивой или некрасивой?

– Не знаю, – созналась Нинка.

– Тебе пора бы знать, – жестко сказал Нинкина мать. – Я некрасивая. Просто дурная.

– Нет-нет! – вырвалось у Нинки.

Она прижалась к матери и заплакала. Мы так и не поняли, кого она жалела: мать или себя.

– И ничего страшного, – уже спокойно сказал Нинкина мать. – Счастье приходит не только к красивым...

Нинка крепко сжала мамину руку выше локтя и заглянула в лицо. Она смотрела на мать так, как будто произошла ошибка и рядом с ней оказалась чужая, незнакомая женщина...

– Мама, давай с тобой сыграем в красавицу.

– Глупости!

– Нет, нет, давай сыграем. Я тебя научу. Ты стой и слушай, что я буду говорить. – Она сильнее сжала мамину руку, приблизилась к ней, тихо, одними губами стала произносить знакомые слова из нашей игры, которые мы до приезда новых жильцов дарили ей.

– Мама, у тебя лебяжья шея и большие глаза, синие, как море. У тебя длинные золотистые волосы и коралловые губы...

Потоки дождя тянулись из невидимых туч. Но сквозь гудящий ветер, сквозь пронизывающий холод поздней осенней мглы живой, теплой струйкой текли слова, заглушающие горе:

– У тебя атласная кожа... соболиные брови... Жемчужные зубы...

И они зашагали дальше, крепко прижавшись друг к другу. И уже ни о чем не говорили. И были спокойны. Им помогла придуманная нами игра. Эна, бена, рес... А мы стояли у стены, держа друг друга за рукава. И провожали их взглядом, пока они не скрылись в темной мгле. Квинтор, контер, жес...

Нинка из седьмой квартиры погибла в 1942 году на фронте под Мгой. Она была санитаркой.

Вопросы к обсуждению:

1. Какие мысли и чувства вызвал у вас рассказ?
2. Почему подростки так любили придуманную ими «игру в красавицу»? Что она им давала?
3. Почему именно Нинку они чаще всего награждали чертами сказочной красавицы?
4. Какие душевные черты самих подростков проявляла эта игра?
5. Автор сравнивает игру в красавицу с зеркалом, чем это зеркало отличается от настоящего?
6. Как повлияла на Нинку правда о ее некрасивости, высказанная приезжим мальчишкой? Поддерживаете ли вы эту безжалостную правду?
7. Как эта правда сказалась на взаимоотношениях Нинки с теми, кто ее считал красавицей, и с ее мамой?
8. Игра в красавицу, что она давала и самой Нинке и ее матери? Нужна ли была эта игра?
9. Игра и реальность, как они соотносятся друг с другом?

О рассказе Вольта Сулова «Наташка стала красивой»

Это рассказ о том, как красота помешала ее обладательнице учиться и явилась причиной озабоченности всего класса. Фотопортрет Наташки Самсоновой как удачный поместили в витрине фотосалона. Это событие перевернуло жизнь школьницы. Она решила, что коль у нее все черты лица правильные, то зачем ей физика. Класс решил, что надо принимать меры. Выполнить эту задачу было поручено Косте – ее соседу по парте, которому, как он говорил, ее красота надоела хуже горькой редьки. С неохотой взялся Костя выполнять поручение – лечить Наташку от ее «болезни». Костя решил начать с ее фотопортрета, выставленного на витрине. Ему с трудом удалось выпросить этот портрет у фотографа, чтобы поместить его в школьную стенгазету. Но вместо этого он повесил его над столом, за которым готовил уроки. Как ни уговаривала его «ласковыми суффиксами» Наташка, чтобы он отдал ей портрет, он этого не сделал. Почему? Не «заразил» ли его портрет Наташки, отразивший ее красоту? В рассказе много недоговоренностей, рассчитанных на творчество читателей.

.....
Текст рассказа (с небольшими сокращениями):

Наташка Самсонова стала красивой. Вот так – взяла и стала. Ни с того ни сего. Сначала она об этом девчонкам объявила. Дня три на переменах шушукались. Потом ей девчонок мало стало, меня спрашивает:

– Костя, правда, я красивая?

– Ужасно, – говорю. – Даже смотреть не хочется.

Наташка обиделась.

– Ничего ты не понимаешь, – говорит. – Балда ты! У меня очень правильные черты лица, мягкий овал, выразительные глаза. Мою фотокарточку даже в витрине выставили.

Так вот откуда ветер! Всего и делов-то, что в фотографии витрину обновили. Впрочем, для Самсоновой это – событие! Дня не прошло – у нее уже новая прическа. Чудеса техники.

Чуть звонок – Самсонова к книжному шкафу бежит. Со стороны может показаться, что она литературой интересуется. А на самом-то деле это она сама себя в стекле разглядывает.

Потом на третий этаж повадилась бегать, к старшекласникам. Там большущее зеркало есть. Может, к зеркалу, а может, и не к зеркалу...

Скоро она со своей красотой так всем надоела! Всему классу уши прожужжала о своих внешних данных, фотогеничности, об искусстве кино и о современном состоянии театра. В кино она теперь каждый день ходит – изучает! А физику изучать некогда: две пары схватила. По английскому тоже – ни в фас, ни в профиль...

В понедельник подходит ко мне Марина Рубейчик, спрашивает:

– Костя, что ты думаешь о Наташке?

– Думаю, – говорю, – что ее с моей парты подальше отсадить.

Маринка уставилась на меня, глаза огромные сделала:

– Это почему? – спрашивает.

– Потому, что она мне заниматься мешает. На всех уроках про свою красоту ненаглядную болтает.

– Не-ет... – задумалась Маринка. – Это не выход. Понимаешь, ей же помочь надо. Надо ее спасти.

– Ну, а я тут при чем?

– Ты и должен ей помочь.

– Я?! Почему именно я?

– Ты с ней за одной партией сидишь, тебе на нее влиять проще.

В общем, не маши руками, это тебе пионерское поручение.

Физкульт-привет! Пионерское поручение! Разве такие поручения бывают? Дома я по-мужски с папой поговорил.

– Да, трудное дело, – согласился папа. – Красота – противник очень опасный! Это тебе не лом собирать. И отказаться нельзя: некрасиво получится. Сами говорите: ты в ответе за отряд. А отряд – за всех ребят. За всех – значит, и за Самсонову. Тебе отряд поручил воспитывать ее – значит, выполняй.

Мама говорит, что у всякой болезни есть начало и если начало найти – легче будет и всю болезнь победить.

Ну у Самсонови откуда что пошло – ясно. От фотокарточки. Пошел я посмотреть на этот знаменитый портрет.

В витрине Наташка в самом центре висит. Смотрит откуда-то сбоку и улыбается. А рядом какой-то тип с усиками смотрит на Наташку и улыбается. Все улыбаются. Еще какая-то старушка сверху улыбается. Шкет какой-то голопузый, который еще ничего не соображает, а туда же – улыбается!

И чего тут в этой компании Наташке-то улыбаться? Ну сделали

с нее портрет – и сделали. Теперь висит вот. Мухи по нему ползают. Да и выгорел уже весь. Снимать пора.

Подумал – и даже заикнулся от неожиданности! Ай да я! Вот идея! Пора снимать Самсонову!

Маринке я ничего не сказал. Сам все устрою, нечего тут сомневаться!

На следующий день прямо из школы пошел я в эту фотографию. Всю дорогу думал, как приду и скажу дяденьке: так мол, и так, надо этот портрет снимать. Дяденька меня, конечно, поймет.

Прихожу, а там – тетенька!.. Сидит у стола и от нечего делать что-то вяжет...

Подхожу я к тетеньке и говорю как можно вежливее:

– Здравствуйте. У меня к вам очень большая просьба: мне очень-очень нужен один портрет с витрины. Девочки одной. Наташи Самсоновой. Она еще так боком сидит и улыбается. В самом центре.

– А зачем тебе эта девочка понадобилась?

Хотел я ей сказать, что нужна мне эта девочка как щуче зонтик, но нельзя так. Надо тонко, по дипломатическому.

– Надо... – говорю.

А тетенька улыбается:

– Значит, ее Наташей зовут?

– Наташей, – говорю, – Самсоновой.

– Ты что же, с ней вместе учишься?

– В одном классе.

Тетенька просто цветет в улыбке, глаза прищурила.

– Вы с ней, наверное, и в кино вместе ходите?

– Конечно, – говорю, – если в школе культпоход – все вместе ходим.

– А дома у нее бывал? – спрашивает.

Ну, поехали!..

Глаза у тетеньки потеплели.

– Пожалуй, говорит, – надо тебе помочь. Подожди минуточку, я сейчас.

Пошла она в комнату с темной шторой, постучала там куда-то, слышу, говорит:

– Аркадий Семенович, можно вас на минуточку? Тут к нам юный Ромео пожаловал. Так интересно!

Вот ненормальная! Какой я ей Ромео? Думает, я ничего не сообщая, и несет всякую чушь!..

Вернулась она вместе с длинным-длинным дяденькой.

– Вот он, – показывает на меня тетенька. – Очень просит портрет той девочки с витрины. Восемнадцать на двадцать четыре. Надо ему помочь.

Аркадий Семенович встал напротив меня, разглядывал-разглядывал, потом тоже заулыбался

– Гм... Так, значит, тебе нужен портрет?

– Очень нужен! – вскочил я со стула. – Понимаете, такое дело...

– Понимаю, юноша, – говорит, – понимаю. Все понимаю... Отлично понимаю. И не надо ничего понимать. Мне тоже когда-то было тринадцать лет.

– Надо ему помочь, – опять хлопочет за меня тетенька.

– Надо! – Аркадий Семенович даже по столу ладонью как-то весело шлепнул. Я вам, дорогой юноша, отпечатаю дубликат. И у вас будет, и на витрине останется.

Вот это фокус!..

– Нет, – говорю, – мне дубликата не надо. Мне тот нужен, с витрины.

– Да я вам еще лучше сделаю! – сияет Аркадий Семенович. – Дома на стенку повесите!

– Да на что он мне на стенке! – не выдержал я. – Она мне и в школе надоела хуже горькой редьки!

И тут все сразу кончили улыбаться. Аркадий Семенович посмотрел на тетеньку. Тетенька посмотрела на Аркадия Семеновича.

Аркадий Семенович пожал плечами:

– Зачем же тогда тебе портрет?

– Что ты нам тут головы морочишь?! – накинулась на меня тетенька. – Мы думали, он с благородными намерениями...

– Конечно, с благородными. Я же эту Самсониху спасти хочу, а вы ее губите.

– Губите? – изогнулся ко мне Аркадий Семенович. – Мы губим Самсониху?!

– Факт! – говорю. – Она же зазналась, учиться стала плохо, отрывается от коллектива.

– Так-так-так. – Аркадий Семенович выпрямился и почесал подбородок. – Но при чем тут портрет?

– Так ведь Самсониха теперь всем твердит, что она красивая. Что у нее внешние данные, что физика ей не нужна, потому что она будет сниматься в кино. А до этого она физику учила. А вы ее этим портретом с толку сбили.

– Н-да... – Аркадий Семенович взялся за темную штору, собираясь уходить. – Что же будем делать, Лия Филипповна? Общественность требует...

На следующий день я этот портрет в школу принес. Показал Самсоныхе.

– Вот, – говорю, – если двойки не исправишь – висеть ему в стенгазете.

Самсоныха, конечно: «Отдай!» И «Костенька» и «миленький», и «хорошенький», и по-всякому... Только на меня все эти ласкательные суффиксы не действуют. Портрет я домой унес. Чего это я буду отдавать такой хороший портрет? Наташка на нем, и, правда, красивая: правильные черты лица, мягкий овал... Некрасивую бы на витрину не вывешивали! И потом она еще на портрете такая хитрющая-прехитрющая! В глазах что-то такое непонятное спрятано. И еще, знаете, удивительный этот портрет: куда я ни повернусь – все она на меня смотрит, словно голову поворачивает. Вот это портрет!

Я его дома на стенку повесил. Рядом со своим столом, где уроки делаю.

Пусть висит!

Как боевой трофеей....

Вопросы к обсуждению:

1. Не удивило ли вас название рассказа? Может ли человек ни с того ни с сего стать красивым?

2. Как это «событие» произошло с Наташкой Самсоновой? Как оно отразилось на учебе Наташки, и как реагировал на это весь класс?

3. Почему Костю раздражал ее разговор о собственной красоте, а особенно то, что она бегала на третий этаж к старшеклассникам?

4. Почему именно Косте поручили спасать Наташку?

5. Удалось ли ему это? Какая идея пришла ему в голову и как он ее реализовал?

6. Правильно ли поняли фотографии намерения Кости получить портрет Наташки? Каковы были их предположения?

7. Как вы думаете, почему портрет Наташки Костя не отдал ей, как ни умоляла она его, а повесил у своего стола, за которым готовил уроки?

8. Была ли Наташка красивой на самом деле или только на фотокарточке?

9. Кто первый заметил ее красоту и открыл ее другим, прежде всего самой Наташке?

10. Как вы думаете, вылечил ли Костя Наташку от ее «болезни»? Не коснулась ли она его самого? Чем эта болезнь опасна, если её не пресечь в самом начале?

О рассказе Радия погодина «Жаба»

Короткий рассказ о жабе – своего рода итог разговора с детьми о красоте. В нем главный герой не ребенок Коля Уральцев, а его неродная бабушка Елизавета Антоновна. Автор называет ее старухой, подчеркивая тем самым ушедшую из нее красоту. Сюжет рассказа строится вокруг того, что мальчик, увидев в огороде некрасивую, пупырчатую, бородавчатую жабу, убивает ее камнем. На бабушкин вопрос, зачем он это сделал, Коля ответил: «Чего же она такая некрасивая на свете живет?». Разговор Коли с бабушкой о сущности красоты – сердцевина рассказа. Услышав ответ Коли, бабушка принесла камень и протянула его Коле, авось ему понадобится убить и ее – ведь она тоже некрасивая. «Так ведь она жаба», – возмутился мальчик. Елизавета Антоновна объяснила Коле, какую пользу, трудясь по ночам, приносит земле эта некрасивая жаба, а иной красивый жучок или бабочка несут в себе яд, к чему ни прикоснутся – испортят. И чем больше объясняла бабушка, что такое настоящая красота и куда она уходит у состарившихся людей, а уходит она в доброту, тем сильнее осознавал Коля, что он плохо поступил. Он стал внушать себе и бабушке, что его камень не попал в жабу, что та осталась жива. Чтобы убедиться в этом, он снова выбежал на улицу и опять жаба (может быть, та же самая!) прыгнула ему на сандалию. Успокоенный, что она на него не в обиде, он вернулся в избу. И с теплыми мыслями о жизни он засыпает. Так, красота в мире людей и красота в животном мире соединились в рассказе воедино. И здесь, как и в других рассказах на данную тему, красота и доброта оказались нераздельными.

Текст рассказа:

Вечер подошел к самой избе. Коле Уральцеву пришла пора спать ложиться. А перед сном нужно еще на улицу сбегать, в последний раз, чтобы спалось лучше.

Коля выскочил из избы. Побежал огородной тропинкой. Вдруг кто-то на его пути – шлеп! – на тропинку прыгнул. Коля Уральцев остановился. Глядит, в одном маленьком шаге от него уселась толстая жаба. Зобом душит, круглыми глазами на Колю смотрит. Ждет, чтобы Коля ей дорогу уступил. Коля отошел немного назад: больно уж некрасивая жаба. Пупырчатая, бородавчатая, рот до ушей. И в синих сумерках вся черная.

Жаба вперед прыгнула. Коля еще шаг отступил. Потом схватил камень и – камнем в жабу со всего маху. Когда Коля пришел спать ложиться, Елизавета Антоновна спросила его:

- Или не нагулялся за день, чего так долго ходил?*
- А я жабу кокнул, – сказал ей Коля.*
- А за что ты ее не пожалел?*
- А чего она такая некрасивая на свете живет?*
- Чем же ты ее кокнул?*
- Камнем кокнул.*

Старуха Елизавета Антоновна пошла к двери. На улицу вышла, недолго там пробыла и в избу воротилась. Принесла большой камень-булыжник.

- Это зачем такой? – спросил Коля.*

Елизавета Антоновна положила камень на скамейку.

– А чтобы здесь был. Мало ли, тебе вдруг понадобится. Я ведь тоже смотри какая вся некрасивая.

Коля сначала не понял, о чем она говорит, а когда понял, возмутился и закричал:

- Так ведь она жаба!*

Елизавета Антоновна села у окна. Стала смотреть в темную даль за окном, на тот берег озера.

– Если всех некрасивых камнями побить, – сказала она, – тогда и красоты на земле не останется. Иная бабочка или жучок такие золотые, прекрасные с виду, а насквозь ядовитые. К чему ни прикоснутся – испортят. А некрасивая твоя жаба всю ночь шлепает, трудится, чистит землю для утренней красоты.

– Да, может, я ее и не убил вовсе. Может быть, я промахнулся, – сказал Коля Уральцев не очень уверенно. Старуха Елизавета Антоновна будто не слышала.

– А посмотри, люди под старость все некрасивыми делаются. В морщинах, да сутулые. А руки у них у всех узловатые. И смотри-ка: чем некрасивее руки, чем больше морщин у старика на лбу да возле глаз, да чем у него спина горбатей, – значит, больше других понаделал он за свою жизнь работы. Ты вот в школу пойдешь, ты учитель поспрашивай. Может быть, человеческая красота молодая потихоньку переходит в ребятишек или в работу, которую человек работает. А иначе куда же она девается?

– Да я же точно помню, что я промазал! – крикнул Коля Уральцев.

– Нынче промазал. Авось в другой раз не промажешь. Ты в голову цель.

Коля чуть не заплакал. Соскочил с кровати-раскладушки и убежал на улицу. На улице он долго сердился на Елизавету Антоновну за ее слова. Даже в избу не хотел возвращаться. Хотел уйти в лес жить. Вдруг слышит – кто-то шлеп перед ним. Посмотрел Коля под ноги. Та же толстая жаба мимо него идет по своим делам. Прыгает всем телом. Шлепает по земле брюхом. Большущими круглыми глазами в темноту смотрит.

– Ага, – сказал Коля. – У нее такие глаза большие, чтобы ночью вред видеть и всякое отыскивать зло.

Жаба – шлеп! – прыгнула Коле прямо на сандалию. Коля похолодел: а ну как цапнет. Жаба посидела у него на сандали, подышала зобом и дальше скакнула.

«Значит, от меня вреда нету», – подумал Коля. Повернулся он и в избу пошел.

– Живая, – сказал он с порога. – Я с ней сейчас виделся. Она на меня не в обиде.

– Ну и ладно, – сказала ему старуха Елизавета Антоновна. – Пусть ходит. У нее дел много. А ты спать ложись.

Коля Уральцев улегся на кровать-раскладушку. И перед тем как уснуть, подумал, что мама и папа еще едут по дорогам и, наверное, спать не будут. Наверное, они будут ехать всю ночь. И еще подумал, что Елизавета Антоновна ему не чужая старуха. Вернее, она ему не родная бабушка, но и не чужой человек.

Он вспомнил весь день, который провел у нее в гостях, и уснул. А когда проснулся, наступил другой день, следующий. Этот день пах оладьями, светился солнцем и уже ждал Колю и торопил его.

Вопросы к обсуждению:

1. Если бы вы оказались на месте Коли и увидели ужасно некрасивую жабу, как бы вы поступили по отношению к ней?
2. Какое отношение рассказ о жабе имеет к разговору о красоте?
3. Зачем Елизавета Антоновна, узнав, что Коля «кокнул» жабу, потому что та некрасивая, принесла в дом камень?
4. Куда, по словам Елизаветы Антоновны, уходит у старых людей их красота?
5. Почему после разговора с Елизаветой Антоновной Коле надо было убедиться, что жаба жива, и почему, ложась спать после этого, у него легко было на душе и мысли приходили в голову самые добрые?
6. Что этот рассказ открыл вам нового в понятии «красота»?

Дополнительная литература по теме:

- Алексин А. «Безумная Евдокия»
- Погодин Р. «О веселых людях и хорошей погоде»
- Искандер Ф. «Где зарыта собака»
- Драгунский В. «Денискины рассказы»
- Крапивин В. «Колыбельная для брата»
- Коваль Ю. «Картофельная собака»
- Нагибин Ю. «Нас было четверо»
- Железников В. «Чучело»
- Евгеньева Л. «Лягушка»